РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт лингвистических исследований

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute for Linguistic Studies

РЕДКОЛЛЕГИЯ

«ТРУДОВ ИНСТИТУТА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ»

Н. Н. Казанский (председатель), А. В. Бондарко,
Н. Б. Вахтин, М. Д. Воейкова, Е. В. Головко, С. Ю. Дмитренко,
М. Л. Кисилиер (секретарь), С. А. Мызников, А. П. Сытов,
В. С. Храковский

ACTA
LINGUISTICA
PETROPOLITANA

TRANSACTIONS
OF THE INSTITUTE FOR LINGUISTIC STUDIES

Vol. IV, part 2

Edited by N. N. Kazansky

St. Petersburg
Nauka
2008

ACTA
LINGUISTICA
PETROPOLITANA

ТРУДЫ
ИНСТИТУТА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Том IV, часть 2

Отв. редактор Н. Н. Казанский

Санкт-Петербург
Наука
2008

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ТИПОЛОГИИ И ГРАММАТИКЕ

Материалы
Пятой Конференции по типологии и грамматике
для молодых исследователей
(6–8 ноября 2008 г.)

УДК 80/81
ББК 81.2
А 38

Acta linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН / Отв. ред. Н. Н. Казанский. Т. 4. Ч. 2. СПб.: Наука, 2008. – 256 с.

Утверждено к печати
Институтом лингвистических исследований РАН

Редакционная коллегия выпуска:
А. П. Выдрин, Д. В. Герасимов, С. Ю. Дмитренко,
Н. М. Заика, О. В. Кузнецова, С. С. Сай

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНО ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ РГНФ

грант № 08-04-14045г

«Пятая конференция по типологии и грамматике
для молодых исследователей»

ISBN 978-5-02-025280-6

9 785020 252806

© Коллектив авторов, 2008
© ИЛИ РАН, 2008
© Издательство «Наука»

Часть 1

Д о к л а д ы

Е. А. Аверьянова

Санкт-Петербург

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОСЬБЫ В РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ, ФРАНЦУЗСКОМ И АЛБАНСКОМ ЯЗЫКАХ: сравнительный анализ

Между типологическими и прагматическими исследованиями не только не должно быть существующей пропасти, но и изучение одного объекта в рамках этих областей необходимо для получения более полной картины, а не одной проекции. В работе предпринята попытка соединения формального грамматического и социолингвистического анализа конструкции/речевого акта (РА) *просьбы*.

Цель исследования — выявление специфики лингвистических средств, используемых при реализации просьбы носителями указанных языков.

Методически настоящая работа вписывается в рамки международного Проекта кросс-культурной реализации РА (Cross-Cultural Speech Act Realization Project[1]).

Метод получения материала — письменное анкетирование. Респондентам (представителям четырех культур) предлагались двенадцать диалогов, в каждом из которых пропущена одна фраза — просьба. Анкета составлена из четырех групп ситуаций (доменов): семейный контекст, студенческое общение, академическая среда, городской транспорт, например:

Mother is feeling unwell. Her son/daughter is watching TV.
— What's on?
— Oh, nothing special.
— I am not feeling good. (*coughing*) I must've caught a cold.
{→ **to chemist — some cough medicine**}…
— All right, I'll go now.

---

[1] *Blum-Kulka S., Olshtain E.* Requests and Apologies: A Cross-cultural Study of Realization Patterns (CCSARP) // Applied Linguistics 5 (3), 1984.

Для реализации просьбы оказались релевантными параметры, заложенные в анкету: дистанции, симметричности/асимметричности отношений между собеседниками, официальности/неофициальности обстановки общения, величины одолжения (серьезности того, о чем просят).

Были выделены наборы стандартных РА (стратегий и средств) для группы ситуаций — ядерные/типичные просьбы, возникающие в том или ином домене, при тех или иных характеристиках социальных ролей собеседников.

Универсальным (для четырех исследуемых языков) является следующий набор синтаксических структур: вопросительная (отрицательная) конструкция с глаголом, стоящим в форме настоящего/будущего времени; вопросительная (отрицательная) конструкция с модальным глаголом (в т.ч. в форме сослагательного наклонения); побудительное предложение с глаголом, стоящим в форме повелительного наклонения; безличные конструкции: в русском языке — утвердительные с *надо* и вопросительные с *можно*, в британском — вопросительные с is there, is it/would it be possible, во французском — вопросительные с on pourrait, в албанском — с mund të (употр. с конъюнктивом).

В целом, набор представленных конструкций схож; самой распространенной конструкцией РА просьбы является вопросительная, т.е. конвенционально косвенный РА.

Соотношение вопроса и императива различается в языках. Русский РА с вопросом ***Сходишь*** *в аптеку купить что-нибудь от кашля?* или с императивом ***Сбегай*** *в аптеку, купи что-нибудь от кашля* такой же вежливый (т.е. уместный в данной ситуации), как английский **Could you get** me some cough medicine from the chemist? (или даже **Would you mind**…).

Прямые РА с императивом в русском и албанском функционально эквивалентны косвенным РА с вопросом и типичны для ситуаций с незначительной величиной одолжения:

> Të lutem **shko** pak në farmaci e më merr diçka kundër kollës!
> ‘Пожалуйста, сходи в аптеку и возьми мне что-нибудь от кашля!’

> Me **bej** dicka per te ngrene!
> ‘**Подогрей** мне чего-нибудь поесть’ (букв. ‘Мне сделай что-то поесть!’).

Императивные конструкции в британской и французской культуре имеют другой вес и возможны (но не характерны) в ситуациях со значительной величной одолжения, а также в случае просьбы-указания:

> Please **give** my apologies to the students who turn up and **inform** them of the changes, thanks.

Таким образом, одна и та же грамматическая форма может быть нормативной для различных ситуаций в разных культурах, т.е. нести неодинаковое социальное значение. В языках конвенционализируются, ощущаются как уместные, а значит, и вежливые, разные (по формальным критериям) конструкции.

Во французском материале представлен широкий спектр модальных модификаций — по полученным данным, основное средство смягчения просьбы в данном языке.

Ряд смягчителей, используемых при реализации просьбы, является эквивалентным в четырех языках, например, маркер негативной вежливости[2] (*пожалуйста* — please — s'il te/vous plaît — të lutem); расширитель (*должен буду* — I'll owe you one — Je te le revaudrai); уменьшитель (*чутка* — a bit — pak (часто встречается в албанских ответах)); извинение, предваряющее просьбу (*извините* — excuse me — excusez-moi).

Кросс-культурные различия объясняются, с одной стороны, **отношением к угрозе социальному лицу**, которую несет РА «просьба», и значимостью стратификационных и ситуативных параметров (в том числе и ВО) в обществе. Другая причина — **возможности языка**: представленность категории числа во втором лице (т.е. противопоставление T/V-форм), способов выражения модальности (к примеру, отсутствие албанских аналогов для западноевропейской модальности/сослагательности), **конвенциональность** тех или иных РА.

---

[2] В терминах теории лингвистической вежливости, см.: *Brown P., Levinson S.* Politeness: Some Universals in Language Usage // *A. Jaworsky, N. Coupland* (eds). The discourse reader. Routledge, 1999.

П. М. Аркадьев, Д. В. Герасимов

Москва, Санкт-Петербург

АСПЕКТУАЛЬНО-ТАКСИСНЫЕ ФОРМЫ С ПРЕФИКСОМ ZERE- В АДЫГЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ: парадоксы референции и уроки для аспектуальной композиции

В настоящем исследовании рассматриваются две глагольные формы адыгейского языка, образованные при помощи префикса zere- и использующиеся для выражения аспектуальных (в широком смысле) значений. Помимо ряда примечательных с точки зрения грамматической системы адыгейского языка морфосинтаксических черт, конструкции с данными формами обладают весьма нетривиальной семантикой. Интерпретация обеих форм существенным образом зависит от акциональных характеристик глагола, что позволяет некоторым образом уточнить набор акциональных классов предикатов адыгейского языка. Кроме того, особенности взаимодействия конструкций с данными формами с различными темпорально-аспектуальными показателями дополнительно проливают свет на соотношение сфер действия последних.

1. Первая из рассматриваемых форм образуется путем присоединения к финитной форме глагола префикса zere- (1). При этом отрицание образуется при помощи префикса mə- (2), как это свойственно скорее нефинитным формам (подробнее о распределении маркеров отрицания см. [Сумбатова, Ландер 2007]). Кроме того, в не имеющем собственных суффиксов настоящем времени, усекается последняя гласная корня (2).

(1) pče-r ǯərjə zere-ʔ$_{w}$əhə-ʁ
дверь-ABS все.еще ZERE-открывать-PST
‘Дверь все еще открыта’.

(2) qe-χ$_{w}$ə-ʁe-r sabəjə-me
DIR-становиться-PST-ABS ребенок-PL.OBL

zer-a-mə-ş̣
ZERE-3PL-NEG-знать
‘Дети так и не знают, что случилось’.

Употребления типа (2) показывают, что семантика рассматриваемой формы не исчерпывается семантикой результатива, как можно было бы заключить, рассматривая лишь примеры типа (1). В ходе проведенного нами исследования было обнаружено, что интерпретация рассматриваемой формы в значительной степени зависит от акциональных свойств предиката (в частности, предельности) и аспектуально-темпоральной морфологии. Употребление конструкции с данной формой предполагает, что Говорящему и Слушающему уже известно, что в некоторый момент времени, предшествующий *моменту референции*, ситуация S, называемая глаголом, имела/имеет место. Форма на zere- употребляется для того, чтобы сообщить Слушающему, что в момент референции имела/имеет/будет иметь место ситуация S’, некоторым образом определяемая ситуацией S. При этом сама ситуация S’ не называется, но выводится из акциональной характеристики глагола и лексического контекста. Если глагол относится к непредельному классу, подразумевается, что ситуация S не достигла своей конечной точки и ситуация S’ представляет собой просто продолжение S (2), (3). В случае предельного глагола ситуация S’ представляет собой результирующее состояние ситуации S, т.е. то состояние, которое наступает после того, как ситуация S достигла своего предела (1), (4).

(3) a. mə ŝeẑəje-xe-r č’anə-ʁ
этот нож-PL-ABS острый-PST
‘Эти ножи были острыми’.

b. mə ŝeẑəje-xe-r zere-č’anə-ʁ
этот нож-PL-ABS ZERE-острый-PST
‘Эти ножи все еще острые (= как и раньше)’.

(4) a. tə-ḳ$_w$a-ʁ
1PL-идти-PST
‘Мы ушли’.

b. tə-zere-ḳ$_w$a-ʁ
1PL-ZERE-идти-PST
‘Мы все еще там (= там, куда мы ушли)’.

Поскольку одно и то же событие, строго говоря, может приводить к различным последствиям, в «предельном» случае характер производной ситуации S’ неоднозначен и может по-разному восстанавливаться слушающим с опорой на прагматику, более широкий контекст, и т.п. Два информанта, которым был предъявлен пример (5), с готовностью выдали совершенно разные толкования:

(5) šaḳ$_w$e-m mə̂se-r zer-jə-wəč̣’ə-ʁ
охотник-OBL медведь-ABS ZERE-3SG-убивать-PST
‘После того, как охотник убил (того) медведя, он больше не убивал медведей’.
‘После того, как охотник убил медведя, тот больше не беспокоит аул’.

Как мы видим, (5) утверждает лишь то, что имеет место некоторая ситуация S’, являющаяся следствием уже известной участникам речевого акта ситуации S (убийства охотником медведя). Содержание ситуации S’ при этом эксплицитно не называется; Слушающему предлагается восстановить его самостоятельно. Адыгейскую конструкцию можно сравнить с русской конструкцией «как X, так и Y» (*Как охотник убил медведя, так больше медведей не убивал*), в которой произнесению подлежала бы только первая часть. Таким образом, адыгейская конструкция носит парадоксальный и неиконичный характер: в ней эксплицитно называется ситуация S, уже известная Слушающему, в то время как ситуация S’, как раз и представляющая собой новую информацию и цель сообщения, специально не называется.

Примечательно, что различные видо-временные показатели по-разному взаимодействуют с рассматриваемой формой. В то время, как большинство темпоральных показателей локализуют время ситуации S’ (ср. суффикс имперфектива -štə.ʁe- в (6b)), показатель претерита -ʁə имеет более узкую сферу действия и задает время исходной ситуации S (6c):

(6) a. sabəj-xe-r zere-ʒ'eg$_w$ə-x
ребенок-PL-ABS ZERE-играть-PL
'Дети как играли, так и играют'.

b. sabəj-xe-r zere-ʒ'eg$_w$ə-štə.ʁe-x
ребенок-PL-ABS ZERE-играть-IPF-PL
'[Когда мы заглянули к ним во 2-й раз] дети как играли, так и играли'.

c. sabəj-xe-r zere-ʒ'eg$_w$ə-ʁe-x
ребенок-PL-ABS ZERE-играть-PST-PL
'Дети как поиграли, так больше не играют'.

Некоторые показатели (например, суффикс симулятива -ŝ$_w$ə) допускают обе интерпретации, как с узкой, так и с широкой сферой действия. Изучение подобных эффектов важно для установления иерархии сфер действия суффиксов в адыгейской глагольной словоформе [Korotkova, Lander, in print].

Обращает на себя внимание также тот факт, что клауза, возглавляемая формой на zere-, представляет собой синтаксический остров, из которого невозможен, например, вопросительный вынос. Для независимых клауз это крайне необычно, тем более, в адыгейском языке, где нарушаются многие «традиционные» островные эффекты [Gerasimov 2006].

2. Вторая из рассматриваемых форм встречается только в зависимых клаузах. Она образуется при помощи того же префикса zere- и адвербиального суффикса -ew. Интерпретация этой формы также существенным образом зависит от акциональных свойств предиката: zere-…-ew-формы от непредельных глаголов выражают значение одновременности (7), а от предельных — значение непосредственного следования[1] (8):

[1] Последнее значение этой конструкции отмечалось в адыговедческой литературе [Рогава, Керашева 1966: 116; Зекох 2002: 337]. Упоминаний возможности выражения формой на zere-…-ew значения одновременности нами обнаружено не было.

(7) ḉ’ale-r zere-səmaǯ’-ew, šk$_w$elə-m ḳ$_w$a-ʁe
парень-ABS ZERE-болеть-ADV школа-OBL идти-PST
‘Еще будучи больным, мальчик пошел в школу’.
*‘Как только мальчик заболел, он пошел в школу’.

(8) šaḳ$_w$e-m pŝaŝe-r ŝ$_w$ə zer-jə-λeg$_w$-ew
охотник-OBL девушка-ABS добро ZERE-3SG-видеть-ADV
qə-š’a-ʁ
DIR-жениться-PST
‘Как только охотник влюбился в девушку, он на ней женился.’
*‘Пока охотник любил девушку, он на ней женился’.

Как и финитная zere-форма, рассмотренная выше, форма на zere-…-ew присоединяет показатель отрицания mə- и представляет собой синтаксический остров.

3. Способность глагола сочетаться с временными обстоятельствами длительности традиционно рассматривается как один из важнейших тестов на непредельность. Однако, как было показано в [Аркадьев 2007], в адыгейском модификацию наречиями длительности допускают глаголы, форма претерита которых в изолированном употреблении не допускает непредельной интерпретации:

(9) a. ḉ’ale-m pisme-r ə-txə-ʁ
парень-OBL письмо-ABS 3SG-писать
‘Парень написал/*пописал письмо’.

b. ḉ’ale-m səhat-nəq$_w$e
парень-OBL час-половина
pisme-r ə-txə-ʁ
письмо-ABS 3SG-писать-PST
‘Парень полчаса пописал письмо (но так и не дописал)’.

Такое необычное поведение демонстрируют предикаты большинства сильных (в терминах [Татевосов 2005]) акциональных классов: инцептивно-стативного, ингрессивно-процессуального, мультипликативного, и даже значительная часть предикатов сильного предельного класса.

Подобное типологически необычное распределение может быть объяснено двумя путями. В рамках «лексического» подхода [Tatevosov 2002; Татевосов 2005] можно предположить, что сильные предикаты в адыгейском в действительности являются слабыми, т. е. акционально амбивалентными: их претеритальные формы допускают как предельное, так и непредельное прочтение, однако последнее требует специального контекста, который и предоставляют наречия длительности. «Композициональный» подход [Depraetere 1995; Smith 1995; de Swart 1998] сохраняет противопоставление сильных и слабых акциональных классов; в рамках этого подхода предполагается, что акциональные характеристики предиката могут изменяться под воздействием темпоральных обстоятельств. Семантическое взаимодействие форм, рассмотренных в разделах 2 и 3, с предикатами различных акциональных классов представляет собой сильный аргумент в пользу «композиционального» подхода.

Действительно, для интерпретации обеих zere-форм существенны только те акциональные характеристики предиката, которые присущи ему (точнее, его претеритальной форме) в изоляции, вне контекста наречий длительности. Предикаты слабых классов в рассмотренных конструкциях допускают как предельную, так и непредельную интерпретацию, ср. пример (10) со слабым инцептивно-стативным глаголом ‘спать’:

(10) a. ḉ’ale-r čəja-ʁ
парень-ABS спать-PST
‘Парень уснул’.
‘Парень поспал’.

b. ḉ’ale-r zere-čəja-ʁ
парень-ABS ZERE-спать-PST
‘Парень как уснул, так и спит’.
‘Парень как поспал, так больше не спит’.

c. ḉ’ale-r zere-čəj-ew, pḉ’əhaṗe ə-λeʁ$_w$ə-ʁ
парень-ABS ZERE-спать-ADV сон 3SG-видеть-PST
‘Как только парень уснул, он увидел сон’.

d. ç̣’ale-r zere-čəj-ew, wəne-m
парень-ABS ZERE-спать-ADV дом-OBL
r-a-xə-ʁ
3SG-3PL-нести-PST
‘Пока парень спал, его вынесли из дома’.

В то же время предикаты сильных классов не допускают в рассмотренных конструкциях непредельного прочтения, вне зависимости от того, допускают ли они его при сочетании с наречиями длительности:

(11) a. mələ-r ẑ$_w$ə-ʁ
лед-ABS таять-PST
‘Лед растаял/*потаял’.

b. mələ-r zere-ẑ$_w$ə-ʁ
лед-ABS ZERE-таять-PST
‘Как лед растаял, так его больше нет’.
*’Лед как тогда таял, так и сейчас тает’.

(12) a. ç̣’ale-m č’ewə-r ə-ʁela-ʁ
парень-OBL забор-ABS 3SG-красить-PST
‘Парень покрасил забор’.

b. ç̣’ale-m č’ewə-r səhat-nəqwe ə-ʁela-ʁ
парень-OBL забор-ABS час-половина 3SG-красить-PST
‘Парень красил забор полчаса/*покрасил забор за полчаса’.

c. ç̣’ale-m č’ewə-r zer-jə-ʁal-ew,
парень-OBL забор-ABS ZERE-3SG-красить-ADV
weŝ$_w$ə qjexə-ʁ
град спускаться-PST
‘Как только мальчик покрасил забор, пошел град’.
*‘Пока мальчик еще красил забор, пошел град’.

Можно сделать вывод о том, что в лексическую спецификацию предиката входят только те акциональные значения, которые свойственны изолированной форме претерита. Интерпретации же, возникающие в контексте обстоятельств длительности, относятся к иному уровню аспектуальной композиции (derived situation types в терминах [Smith 1991/1997]). Таким образом, для

адекватного объяснения адыгейского материала требуется многоуровневая композициональная модель аспекта, рассматривающая темпоральные обстоятельства как отдельный уровень аспектуальных операторов, независимый как от «внешнего», так и от «внутреннего» аспекта [Smith 1991/1997].

Адыгейские данные наталкивают также на несколько соображений методологического характера. Во-первых, они наглядно демонстрируют, что исследователю аспектуальности следует быть предельно осторожным при использовании темпоральных обстоятельств в различных семантических тестах (в частности, при определении предельности того или иного глагола). Во-вторых, они показывают, что предложенная в [Tatevosov 2002] методика определения набора и состава акциональных классов не всегда оказывается достаточной. В случае адыгейского языка для принятия окончательного решения по поводу набора акциональных классов понадобилось привлечение дополнительных свидетельств — семантического поведения форм с префиксом zere-.

Список условных сокращений

ABS — абсолютив; ADV — адвербиальный суффикс; DIR — директивный преверб; IPF — имперфект; NEG — отрицание; OBL — косвенный (эргативный) падеж; PL — множественное число; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

Аркадьев П. М. Предикаты и обстоятельства длительности в адыгейском языке: взаимодействие лексической и синтаксической семантики // Дудчук Ф. И., Ивлиева Н. В., Подобряев А. В. (ред.). Структуры и интерпретации: работы молодых исследователей по теоретической и прикладной лингвистике. М., 2007.

Зекох У. С. Адыгейская грамматика. Майкоп, 2002.

Рогава Г. В., Керашева З. И. Грамматика адыгейского языка. Краснодар — Майкоп, 1966.

Сумбатова Н. Р., Ландер Ю. А. Адыгейские отрицания // Кавказский лингвистический сборник. Вып. 18. М., 2007.

Татевосов С. Г. Акциональность: типология и теория // Вопр. языкознания. 2005. № 1.

Bertinetto P.-M., Bianchi V., Higginbotham J., Dahl Ö., Squartini M. (eds) Temporal Reference, Aspect and Actionality. Vols. I-II. Torino, 1995.

Gerasimov D. V. Island domains in Adyghe and the typology of subordination // *Потанина О. В. и др.* (ред.). Международный симпозиум LENCA-3. Тезисы докладов. Томск, 2006.

Korotkova N. A., Lander, Yu. A. Deriving affixes in polysynthesis. Ms., 2008.

Depraetere I. The effect of temporal adverbials on (a)telicity and (un)boundedness // *Bertinetto at al.* (eds.) Vol. I., 1995.

Smith C. The Parameter of Aspect. 2nd ed. Dordrecht, 1991/1997.

Smith C. The range of aspectual situation types: Derived categories and a bounding paradox // *Bertinetto et al.* (eds.) Vol. II., 1995.

de Swart H. Aspect shift and coercion // Natural Language and Linguistic Theory, 1998. Vol. 16. № 2.

Tatevosov S. G. The parameter of actionality // Linguistic Typology, 2002. Vol. 6, № 3.

А. А. Байдимирова

Санкт-Петербург

ОСОБЕННОСТИ ОТРАЖЕНИЯ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ ПАССИВА В ЖИТИИ АЛЕКСАНДРА СВИРСКОГО ПО СПИСКУ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI ВЕКА: к постановке проблемы

1. Грамматикализацию, в соответствии с работами [Meillet 1912; Lehmann 1995; Hopper, Traugott 2003], принято рассматривать как исторический процесс превращения неграмматического языкового факта в грамматический, например, отдельной лексемы в грамматический показатель.

2. Как известно, диахроническими источниками пассива в русском языке являются, с одной стороны, декаузативные возвратные глаголы (типа *сломаться*, *испачкаться*, *освободиться*) и, с другой стороны, отглагольные прилагательные с суффиксами *-м-*, *-т-*, *-н-*, которые со временем развили категории времени, вида и оказались втянутыми в систему глагольных форм [Крысько 2006].

В связи с этим, под **грамматикализацией пассива** имеется в виду длительный процесс грамматической специализации языковых средств для выполнения функции страдательного залога.

3. В истории русского языка этот процесс шел постепенно и имел ряд промежуточных этапов. Каждый памятник письменности отражает большую или меньшую степень грамматикализации пассива. Агиографический текст был выбран в целях рассмотрения максимально широкого круга пассивных форм, поскольку, как считает В. В. Колесов, «сама категория залога формировалась в рамках литературно-книжных жанров письменного текста» [Колесов 2005: 578].

Кроме того, Житие Александра Свирского — практически не изученное с лингвистической точки зрения оригинальное севернорусское житие, написанное в 1545 году, — является тек-

стом, типичным для господствующей макарьевской школы агиографии того времени [Siilin 2001]. Обстоятельства составления этого Жития, анализ его структуры и топики говорят о следовании автора основным канонам жанра. Текст написан в стандартном регистре книжного языка, со стремлением соответствовать строгой книжно-славянской грамматической норме. Поэтому данное Житие можно считать показательным с точки зрения книжного узуса и отражения в нем определенной ступени грамматикализации средств выражения пассива.

4. В ходе исследования было выделено и проанализировано в тексте Жития 250 употреблений страдательных причастий и 493 употребления возвратных глаголов, из которых значение пассива можно с уверенностью констатировать только в 20 случаях. Такое распределение форм свидетельствует о том, что основным и наиболее универсальным средством выражения грамматического значения пассива в тексте являются страдательные причастия. Формы возвратного пассива малочисленны и малопродуктивны как по сравнению с причастиями, так и по сравнению с другими разрядами рефлексивов.

5. Определение степени грамматикализации пассива, отраженной в памятнике, потребовало рассмотрения форм пассива с различных точек зрения: их парадигматичности (связи с категориями вида и переходности), идиоматичности (спаянности), определенности их грамматического значения, обусловленности их пассивной семантики контекстом, конкуренции с другими средствами деагентизации высказывания. Проведенный анализ позволил сделать следующие выводы:

5.1. Наряду с преобладающей контактной позицией *ся* после глагола текст отражает частичное сохранение как синтагматической (подвижность в рамках ритмической фразы), так и парадигматической (ограниченная возможность замены на *си* и *себя*) вариативности *ся*, которые свидетельствуют о том, что *ся* еще не полностью прикреплено к глаголу и имеет скорее статус клитики, чем аффикса.

5.2. Многообразие и ограниченная взаимозаменяемость форм глагола *быти* при страдательных причастиях (*бяше*, *быва-*

ше, *пребываше*, *бе*) позволяют говорить о слабой степени спаянности и идиоматичности этих элементов, поэтому в тексте Жития их следует считать скорее сочетаниями глагола-связки с именной частью составного именного сказуемого, чем аналитическими формами пассива.

5.3. Анализ форм возвратного пассива показал, что зависимость их грамматической семантики от контекста гораздо сильнее, чем у большинства страдательных причастий. Пассивные рефлексивы, восходяшие к декаузативам, особенно зависимы от контекста и требуют наличия агентивного дополнения (в идеале имеющего своим референтом одушевленное лицо), в противном случае реализуют декаузативное значение.

5.4. Пассивная семантика ряда возвратных глаголов и страдательных причастий слабо зависит от контекста, поскольку обусловлена самим лексическим значением исходного глагола, в качестве семантического компонента включающего наличие обязательного внешнего источника процессуального состояния.

5.5. Формы пассива включены в парадигму глагола и в значительной степени взаимосвязаны с другими глагольными категориями. Текст отражает ведущую тенденцию к установлению грамматической обусловленности образования форм страдательного залога видом и переходностью. При этом в Житии встречаются страдательные причастия настоящего времени, образованные от глаголов совершенного вида (*привлачим*) и достаточно частотны возвратно-страдательные формы от глаголов совершенного вида (*отведутся*, *спасутся*, *благословится* и др.), имеющие результативное значение и в связи с этим конкурирующие с формами причастного пассива (*приведены быша*, *благословен быти*).

5.6. Высокая продуктивность форм причастного пассива обусловлена, на наш взгляд, рядом причин, среди которых главной является разнообразие аспектуальных значений, выражаемых страдательными причастиями и их связочными (*быти*) и полусвязочными (*бывати*, *пребывати*) глаголами. Возвратный пассив в Житии ограничен формами настоящего/простого будущего времени.

Другой причиной большей продуктивности страдательных причастий является наличие у соответствующих им возвратных

форм исходного непассивного значения: *мучить — мучим — мучиться* (декаузатив), *лишити — лишен — лишитися* (декаузатив), *облачати — оболчен — облачатися* (собственно возвратный глагол), *остричь — острижен — остричься* (автокаузатив).

5.7. С грамматическими формами пассива конкурируют в тексте Жития номинализованные конструкции (*благословение получити* вместо *благословен быти*, *благословиться*; *исцеление получити* вместо *исцелен быти*, *исцелитися*).

5.8. Анализ вышесказанного приводит к выводу о том, что **особенности употребления форм пассива в Житии Александра Свирского отражают относительно слабую степень грамматикализации данной категории.**

6. Полученные выводы во многом обусловлены характером исследованного памятника, написанного сугубо книжным языком, намеренно дистанцированным автором от живой разговорной речи. Кроме того, Житие Александра Свирского отражает характерную для церковно-книжных памятников XV — XVI века тенденцию к архаизации языка, стремление соответствовать строгой книжно-славянской грамматической норме предшествующего периода. Поэтому полученные выводы характеризуют только тот книжный узус использования грамматических средств, который представлен в Житии Александра Свирского.

7. Обращение к другим памятникам XVI века — летописям, статейным спискам путешествий русских послов и др., — ближе стоящим к живому языку того времени, заставляет признать сосуществование в литературном языке XVI века текстов различных регистров, отражающих различную степень грамматикализации пассива. Однако может ли такой процесс, как грамматикализация, отражаться неравномерно в текстах одного времени? Если каноническая агиография отражает слабую степень грамматикализации пассива, правомерно ли говорить о более сильной грамматикализации этой категории в текстах других жанров? Общая теория грамматикализации не рассматривает эти вопросы, а в рамках исторической грамматики отдельного языка их решение представляется далеко не самоочевидным.

Литература

Житие Александра Свирского: Текст и словоуказатель / *Герд А. С.* (ред.). СПб., 2002.

Колесов В. В. История русского языка. СПб. — М., 2005.

Крысько В. Б. Исторический синтаксис русского языка: Объект и переходность. М., 2006.

Hopper P. J., Traugott E C. Grammaticalization. Cambridge, 2003.

Lehmann Ch. Thoughts on Grammaticalisation. Unterschleissheim, 1982/1995.

Meillet A. L'évolution des formes grammaticales. Scientia (Rivista di Scienza) 1912. 12, № 26, 6. Переиздано в *Meillet A.* Linguistique historique et linguistique générale. Paris, 1958.

Siilin L. Отражение графико-орфографических норм церковнославянского языка в житийной литературе второй половины XVI века. На материале Жития Александра Свирского. Joensuu, 2001.

В. В. Баранова

Санкт-Петербург

СЕМАНТИКА АНАЛИТИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ В КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ (ИМПЕРФЕКТИВНАЯ ЗОНА)[1]

В процессе грамматикализации в языке образуется некоторое количество близких по значению конструкций (П. Хоппер указывает сосуществование и взаимодействие разных пластов (layering) в числе важнейших свойств процесса грамматикализации [Hopper 1996: 230]). В калмыцком языке представлен ряд бивербальных сочетаний с глаголами av- ‘брать’, ald- ‘терять’, bää- ‘быть’, bol- ‘становиться’, gi- ‘говорить’, od- ‘уходить’, ork- ‘класть’, ög- ‘давать’, xaj- ‘бросать’, xälä- ‘смотреть’, üz- ‘видеть’, jov- ‘ходить’, другими глаголами движения и позиции).

Некоторые случаи синонимии аналитических форм в калмыцком языке представляют собой конкуренцию двух форм, одна из которых обладает более широкой семантикой. Например, авертивные конструкции с глаголом ald- ‘терять’ (используемые только пожилыми носителями языка) постепенно вытесняются конструкциями с глаголом gi- ‘говорить’ [Баранова 2007]. Дистрибуция других конструкций зависит от свойств смыслового глагола: в перфективной зоне глагол od- ‘уходить’ сочетается только с непереходными глаголами, глагол ork- ‘класть’ сочетается преимущественно с переходными.

Менее очевидно распределение аналитических конструкций в имперфективной зоне (традиционно они описываются в грамматиках как синонимы формы на -dhana):

---

[1] Материал собран в экспедициях 2007 г. в пос. Ергенинский и 2008 г. в пос. Тугтун Кетченеровского района Калмыкии при частичной поддержке гранта РФФИ № 07-06-00278 «Создание корпусов глоссированных текстов на малых языках России».

- сочетания деепричастия на -dh с глаголом bää-;
- конструкция -dh jovna, образующая прогрессив от глаголов движения (параллельно формам на -dhana и -dh bäänä от тех же глаголов);
- сочетание деепричастия на -ad с jov- ‘ходить’ bää ‘быть’, (suu- ‘сидеть’, kevt- ‘лежать’[2]).

В работах [Ebert 1999; Bertinetto et al. 2000] соотношение формы прогрессива на -dhana с конструкциями -dh jovna/bää- рассматривается с точки зрения «сфокусированности» (focalized) или «несфокусированности» прогрессива (аналитические конструкции представляют наивысшую степень «сфокусированности»), а сочетания этих глаголов с деепричастием на -ad интерпретируется как не допускающий «сфокусированного» прочтения дуратив, передающий различные значения продолжительности, градуальности или итеративности [Bertinetto et al. 2000: 544]. Сочетания с глаголами позиции, по данным К. Эберт, используются чрезвычайно редко и всегда сохраняют что-то от своего буквального значения [Ebert 1999: 338], то есть употребляются в контекстах типа umsh-ad suu-na/kevt-nä читать-CV.ANT сидеть-PRS/лежать-PRS.

Полевые материалы демонстрируют гораздо б*о*льшую грамматикализованность конструкций с глаголами suu- ‘сидеть’ и kevt- ‘лежать’ (1)[3].

(1) Enə qaza bää-xə xatxanchəg täär-äd
этот земля быть-PC.FUT колючка резать-CV.ANT
xaj-chk-u-chən urq-ad suu-na
бросать-PRF.TR-PST-хотя расти-CV.ANT сидеть-PRS
‘Только срезаешь колючку — она снова вырастает’ (AlBor_VB_2008).

[2] Две последние конструкции, как правило, не упоминаются в грамматиках. См. о путях грамматикализации глаголов позиции в [Майсак 2005].

[3] Возможно, это различие между литературным калмыцким языком и идиомом, с которым мы работали: все информанты подчеркивают, что сочетания с глаголами suu-/kevt имеют разговорный оттенок и не используются в литературном варианте.

Дуративная конструкция, как правило, сочетается именно с глаголами, не подразумевающими сидячее или лежачее положение, тогда как бипредикативное сочетание «делать X лежа» обычно выражается сочетанием с деепричастием на -dh; ср. лексикализовавшееся сочетание unt-dh kevt- (2).

(2) söö arvən negn chas-la Sandhə unt-ch
ночь десять один час-COM Сандж спать-CV.IPFV
kevt-lä
лежать-CONF
‘В одиннадцать часов вечера Санджи спал’ (ГАЛЦЕБ1958_KK).

Глаголы suu- ‘сидеть’ и kevt- ‘лежать’ сочетаются с деепричастием на -ad практически от любых глаголов. Десемантизация глаголов позиции в этой конструкции достаточно значительна, чтобы были возможны сочетания с глаголами движения (3).

(3) Mandhə gerə erg-äd güüq-äd
Манджи дом кружиться-CV.ANT бежать-CV.ANT
suu-na / kevt-nä
сидеть-PRS / лежать-PRS
‘Манджи бегает и бегает вокруг дома’ (Noqal_VB__2008).

К. Эберт предполагает, что менее специализированные сочетания с деепричастием на -ad уточняют акциональные свойства смыслового глагола (она предполагает, в частности, что использование аналитических конструкций разграничивает предельную и непредельную интерпретацию двухфазовых глаголов, однако это наблюдение, судя по всему, не подтверждается).

Сочетания глаголов bää-/jov-/suu-/kevt с деепричастием на -ad достаточно близки между собой и в разных контекстах могут иметь указанные Бертинетто, Эберт и Гроот значения градуальности, итеративности и «несфокусированной» (дуративной) длительности («ситуация P длится, то есть, P имело место до момента T и будет иметь место после момента T)»), а также выражать некоторые другие близкие значения.

Несмотря на близость дуративных значений между собой и слабую специфицированность конструкций, анализ частных значений этих конструкций представляется перспективным, а ука-

занные формы при ближайшем рассмотрении оказываются не полностью синонимичными друг другу. В частности, конструкции с глаголом kevt- ‘лежать’ имеют значение интенсивного дуратива («P длится [слишком/очень] долго»), т.е. содержат оценку говорящего, конструкции с глаголом bäänä воспринимаются как нейтральные; они используются в хабитуальных контекстах и передают значение постоянно свойственного признака. В докладе предполагается подробно рассмотреть частные значения этих конструкций, зависимость значения конструкций от типа смыслового глагола (семантики и акциональных свойств) и взаимодействие имперфективных аналитических конструкций (прогрессива и дуратива) между собой.

Список условных сокращений

COM — комитатив; CV.ANT — разделительное деепричастие; CONF — давнопрошедшее; CV.IPFV — соединительное деепричастие; PC.FUT — причастие будущего времени; PRF.TR — законченный вид; PRS — настоящее конкретное; PST — недавнопрошедшее.

Литература

Баранова В. В. Конструкции со значением «недостигнутого результата» в калмыцком языке // Четвертая Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Санкт-Петербург, 2007.

Майсак Т. А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и позиции. М., 2005.

Bertinetto P.-M., Ebert K. H., de Groot C. The progressive in Europe // *Dahl Ö* (ed.) Tense and Aspect in the Languages of Europe. Berlin — New York, 2000.

Ebert K. H., Degrees of focality in Kalmyk imperfectives // *W. Abraham, L. I. Kulikov* (eds.). Tense-aspect, transitivity and causativity: Essays in honour of Vladimir P. Nedjalkov. Philadelphia, 1999.

Hopper P. J. Some recent trends in grammaticalization // Annual Review of Anthropology, 1996. Vol. 25.

В. С. Волк, Ю. К. Коган

Москва

СКОЛЬКО-МЕСТОИМЕНИЯ И (БЕС)КОНЕЧНОСТЬ ЯЗЫКА

В русском языке существует класс слов, образованных от композитов с первой частью числительным (*однолетний*, *трехэтажный* и т.д.) путем замены этой части на *сколько*: *сколько-летний*, *сколькоэтажный*, *сколькоместный* и т.д.

(1) *Может быть, кто-то уже покупал такую смесь и знает,* ***сколькoлетний*** *он и какой высоты будут растения?* [gardens.no-ip.com/forum/viewtopic.php?t=1014]

(2) ***Сколькоэтажным*** *должен быть Харьков XXI века?* [www.vecherniy.kharkov.ua/news/9601/]

(3) *Когда его спросили,* ***сколькозвездочный*** *коньяк он предпочитает, стюард ответил: — Я — американец. По мне, чем больше звезд, тем лучше!* [easyinfo.ru/a98p419.html]

Конструкции с такими вопросительными словами встречаются редко и носят явно разговорный характер (показательно, что в Русском Национальном корпусе найти интересующие нас примеры мы не смогли; все примеры получены с помощью поисковой системы Google), однако оцениваются носителями русского языка как приемлемые.

Синтаксические и морфологические свойства *сколько*-композитов необычны. Прежде всего, заметим, что *сколько* в составе не образует отдельного слова — в терминах [Плунгян 2000] оно неотделимо (4)

(4) **Сколько ты летний любишь коньяк?*

и непереместимо (5).

(5) **Летний сколько коньяк ты любишь?*

Однако, несмотря на это, синтаксис слов со *сколько-* отличен от синтаксиса композитов с обычными числительными — в

частности, они, как обычные вопросительные местоимения, должны передвигаться в начало предложения

(3') ??*Когда его спросили, коньяк он сколькозвездочный предпочитает…*

и могут входить в состав конструкций, предполагающих вопросительные местоимения.

(6) *Еще и стихи снова начала писать, после... не помню уже,* ***сколькoлетнего*** *перерыва.* [www.valar.ru/forum.php?board=36;action= printpage;threadid=6368]

(7) *На одном из рисунков изображен фиг знает* ***сколько летний*** *Хаку вроде из «Унесенных призраками».* [henkou.onego.ru/forum/showthread.php?t=833&page=3]

Из примеров (3), (3'), (6) и (7) видно, что *сколько-* -композиты синтаксически ведут себя как вопросительные местоимения. С точки зрения взаимодействия грамматики и словаря их можно рассматривать двумя способами: во-первых, композит может содержаться в словаре как отдельное новое местоимение; в таком случае он по определению обладает полной синтаксической непрозрачностью. При другом анализе композит «собирается» из своих компонент на каком-то этапе синтаксического порождения предложения. Такой анализ в принципе оставляет возможности для самостоятельного синтаксического функционирования его отдельных частей.

С нашей точки зрения, необходимо принять второй анализ. Причины этого таковы:

Во-первых, это интуиция самих носителей. Представляется чрезвычайно показательным, что, несмотря на непереместимость и неотделимость, орфография сколько-композитов еще до конца не установилась и существуют примеры как слитного, так и раздельного написания (ср. примеры (6) и (7)). С нашей точки зрения, это показывает, что *сколько*, являясь частью композита, обладает определенной синтаксической свободой.

Во-вторых, это свойства русских композитов вообще. Существуют основания полагать, что вообще в русском языке композиты (или, по крайней мере, некоторые их классы) образуются с учетом «синтаксических отношений» между их частями. Так, *-н-*

композиты (*глубоководный*, *подлунный*, *водозаборный*, *асфальтоукладочный* и т.д.) сохраняют при расстановке своих составных частей порядок слов в «производящем» словосочетании везде, кроме сочетания «глагол + актант» — в нем они меняют нормальный порядок слов на обратный (*водозаборный*, *асфольтоукладочный*), учитывая, таким образом, частеречные характеристики «производящих» слов и предполагая существование этих слов в виде словосочетания еще до перехода в состояние композита.

В-третьих, это элегантность анализа — вместо дополнения словаря в принципе неограниченным количеством никак не связанных друг с другом, но очень похожих новых местоимений — *сколькoлетний*, *сколькоэтажный*, *сколькоместный* и т.д. — мы предполагаем, что новых местоимений не появилось вообще, а просто старое местоимение *сколько* расширило свою дистрибуцию и смогло войти в состав композита на раннем этапе синтаксического построения предложения — еще до «вмерзания» в композит.

Все это, с нашей точки зрения, в очередной раз иллюстрирует необходимость специального компонента, промежуточного между словарем и синтаксисом в обычном понимании этого слова. Этот компонент призван синтаксически собирать слова, которые не содержатся в словаре в готовом виде, но тем не менее являются — с синтаксической точки зрения — словами, а не составляющими более высокого уровня (их составные части по отдельности не проходят тестов на «словность»). О других аргументах за необходимость такого компонента см. [Hale, Keyser 1993; Halle, Marantz 1994] и т.д.

Отдельный вопрос состоит в том, почему другие классы композитов не допускают превращения в вопросительные местоимения, ср. *вечнозеленый* и **сколькозеленый*, *темно-красный* и **каккрасный* и т.д. Причина этого, по нашему мнению, состоит в том, что только у композитов с числительными существует потенциально неограниченная вариативность первой части (*одноместный*, *трехместный*, *тридцатисполовинойместный* и т. д.). *Сколько-* композиты наглядно показывают, что именно потенциальная неограниченность количества вариантов является ключевой при скачке от морфологии к синтаксису. Хотя обычные композиты, с нашей точки зрения, и «хранят память» о производя-

щих словосочетаниях (см. выше о необходимости синтаксической информации при расположении частей *-н-* композита), этого оказывается недостаточно для появления соответствующего вопросительного местоимения — они все равно хранятся в словаре как единые слова. Напротив, хранить все композиты с числительными в словаре в виде списка невозможно, должен существовать какой-то механизм их производства. Именно необходимость в таком механизме и вынуждает сделать эти композиты «синтаксичнее», передать их из словаря другому механизму, откуда и возникает возможность замены на вопросительное слово одной из составных частей.

Все это еще раз подтверждает, что главное отличие морфологии от синтаксиса состоит в потенциальной бесконечности последнего (см. по этому поводу [Langedoen, Postal 1984; Hauser, Chomsky, Fitch 2002] и др.).

Литература

Плунгян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику. М., 2000.

Hale K., Keyser S. J. On Argument Structure and the Lexical Representation of Syntactic Relations // *Keyser S. J., Hale K.* (eds). The View from Building 20. Cambridge, MA, 1993.

Halle M., Marantz A. Some key features of Distributed Morphology // *Carnie A., Harley H.* (eds). MITWPL 21: Papers on phonology and morphology. Cambridge, MA, 1994.

Hauser M. D , Chomsky N., Fitch W. T. The Faculty of Language: What Is It, Who Has It, and How Did It Evolve? // Science, 2002. Vol. 298.

Langendoen D. T., Postal P. M. The vastness of natural languages. Oxford, 1984.

А. П. Выдрин

Санкт-Петербург

ГРАММАТИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ВОЗМОЖНОСТИ В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ[1]

1. Введение

Модальное значение возможности традиционно разделяют на внутреннюю возможность и внешнюю. Под внутренней возможностью подразумевается умение или способность субъекта выполнить действие (*Вася может съесть полкило жареного мяса за раз*). Под внешней — обстоятельства, окружающая обстановка, моральные нормы, позволяющие или не препятствующие субъекту выполнить действие (*Сегодня нет пробок, и мы можем добраться до университета на машине*). Насколько можно судить по имеющимся типологическим исследованиям значения возможности (см., прежде всего, такие работы, как [Bybee et al. 1994; van der Auwera, Plungian 1998; Palmer 2001]), внутренняя и внешняя возможности могут выражаться в конкретном языке или только лексически (например, модальными глаголами; ср. противопоставление *мочь* и *можно* в русском языке), или лексически и морфологически (например, модальный глагол для выражения внутренней возможности и морфологический показатель для внешней; подобная ситуация наблюдается, например, в венгерском языке [Kiefer 1981]). Реже, но возможна ситуация, когда в языке и внешняя, и внутренняя возможность выражаются одним и тем же морфологическим показателем или одной и той же грамматической конструкцией (такая ситуация наблюдается, в частности, в пушту). Од-

[1] Исследование проведено при поддержке грантов РГНФ № 08-04-18019е и РГНФ № 08-04-95371и/Мл. Материал собран нами у носителей иронского диалекта осетинского языка в ходе экспедиций в республику Северная Осетия—Алания в 2007 и 2008 гг. Некоторые примеры заимствованы из грамматик и современной художественной литературы на осетинском языке.

нако ни в одном из известных нам описаний не отмечена логически допустимая ситуация, когда как внутренняя, так и внешняя возможность обе выражаются морфологически или с помощью грамматических конструкций, но при этом выражаются разными морфологическими показателями или разными грамматическими конструкциями. Тем не менее, такой способ выражения возможности обнаружен нами в осетинском языке.

В докладе разбираются синтиксические и семантические особенности двух конструкций осетинского языка, одна из которых выражает внутреннюю возможность, другая — внешнюю; проводится их сопоставление с так называемой дативно-инфинитивной конструкцией в русском языке (например, *Как* ***мне*** *туда* ***попасть****?*), и рассматривается вопрос о происхождении двух конструкций возможности в осетинском языке.

2. Две конструкции, выражающие возможность в осетинском языке

Для выражения значения внешней возможности/невозможности в осетинском языке используется конструкция, состоящая из основы настоящего времени смыслового глагола с суффиксом *-æн*[2] и вспомогательного глагола *уын* ‘быть’ в третьем лице единственного числа, изменяющегося по временам и наклонениям. При этом агенс обязательно маркируется дативом. Например,

(1) *Мæнæн* *сæумæ-райсом* *нуаз-æн* *нæй*
1SG.DAT утром-утро пить.PRS-INF2 PRED.NEG
‘Мне по утрам пить нельзя’ (=‘запрещено’) [Техов 1970: 81].

(2) *Ме* *’мбал-æн* *дзур-æн*
POSS.1SG друг-DAT говорить.PRS-INF2
куы *уыд-аид,* *уæд* *ра-дзырд-т-аид*
если быть.PST-IRR.3SG тогда PREF-говорить.PST-TR-IRR.3SG

[2] Помимо конструкции внешней возможности суффикс *-æн* используется для образования отглагольных имен. Например, *фысс-æн дзаума-тæ* ‘письменные принадлежности’ (писать.PRS-INF2 вещь-PL.NOM). Далее формы с данным суффиксом мы будем условно называть инфинитивом вторым и глоссировать их как INF2.

‘Если бы моему другу можно было говорить (= разрешили бы говорить), он бы рассказал’ ([Багаев 1965: 274] перевод предложения наш — *А.В.*).

Для выражения внутренней возможности используется конструкция, состоящая из смыслового глагола в форме инфинитива, маркированного дательным падежом, и вспомогательного глагола *уын* ‘быть’ (3), который может изменяться по лицам, числам, временам и наклонениям.

(3) *Кус-ын-æн* *дæн*
работать.PRS-INF-DAT быть.PRS.1SG
‘Я могу работать’ = ‘Я в состоянии работать’.

Первая конструкция изменяется по всем лицам, числам, временам и наклонениям, кроме императива. Вторая конструкция изменяется по всем лицам, числам, временам и наклонениям, включая императив (4). Обе конструкции не имеют формальных ограничений на образование от сложных или превербных глаголов.

(4) *Уæ* *бæстæ-йæн* *лæггад*
POSS.2PL страна-DAT служение
кæн-ын-æн ***ут***
делать.PRS-INF-DAT быть.IMP.2PL
‘Пусть вы всегда будете в состоянии служить вашей стране’ [Махдуг № 1, 2002, стр. 99].

Важно отметить, что конструкции различаются не только стратегией оформления подлежащего и смыслового глагола и свойствами вспомогательного глагола, но и тем, что в третьем лице единственногочисла презенса у них используются разные вспомогательные глаголы. В конструкции внешней возможности используется экзистенциальная связка *ис* (5), а в конструкции внутренней возможности — глагол *у* ‘быть’ (7). Данное противопоставление сохраняется и при отрицании, ср. (1) и (7)

3. Конструкции возможности в осетинском языке *vs.* дативно-инфинитивная конструкция в русском языке

В докладе проводится сравнение синтаксических свойств конструкций возможности в осетинском языке со свойствами да-

тивно-инфинитивной конструкции в русском языке [Fortuin 2005] (например, *И рыбак оставил лодку и проник в эту пещеру вначале такую узкую, что* ***едва пройти человеку***). Синтаксические свойства дативно-инфинитивной конструкции в русском языке мало чем отличаются от свойств конструкций возможности в осетинском. Так же как и дативно-инфинитивная конструкция в русском языке, две рассматриваемые конструкции в осетинском могут употребляться в вопросительных предложениях ((5) рус. *Как* ***мне*** *туда* ***попасть****?*), в придаточных предложениях ((6), рус. *Обычно, чтобы* ***мне понять*** *смысл стиха, я читаю его несколько раз*), в контрастивных предложениях ((7), рус. ***Пете залезть*** *на дерево, а* ***Маше — нет****.*), а также в предложениях с наречиями или частицами (8) (*Тротуары так узки, что одному* ***только*** *человеку пройти*).

(5) *Уырдæм* *мæнæн* *куыдæй* *ба-хау-æн* *ис?*
туда я.DAT как PREF-падать.PRS-INF2 EXT
‘Как мне туда попасть?’.

(6) *цæмæй* *бæлас-мæ* *с-хиз-æн* *уа,*
чтобы дерево-ALL PREF-лезть.PRS-INF2 быть.COND.3SG
уый *тыххæй* *хъæуы* *асин*
3SG из.за быть.нужным.PRS.3SG лестница
‘Чтобы залезть на дерево, нужна лестница’.

(7) *Сашæ* *бæлас-мæ* *‘с-быр-ын-æн*
Саша дерево-ALL PREF-ползать.PRS-INF-DAT
у, *Залинæ* *нæ* *у*
быть.PRS.3SG Залина NEG быть.PRS.3SG
‘Саша может залезть на дерево, а Залина — нет’.

(8) *Фыд-ы* *цырт* *фæ-тар,*
отец-GEN надгробный.камень PREF-темный
йæ *фыст-ыт-æн* *ба-кæс-æн*
POSS.3SG надпись-PL-DAT PREF-читать.PRS-INF2
зын-т-æй *ис*
трудность-PL-ABL EXT
‘Надгробный камень отца потемнел, его надписи с трудом читаются’ [Махдуг № 10, 2002, стр. 75].

Семантически конструкции, выражающие внешнюю и внутреннюю возможность в осетинском, *у*же, чем дативно-инфинитивная конструкция в русском, которая может помимо возможности передавать значение желания и пожелания (***Мне бы*** *только* ***смотреть*** *на тебя*; ***Расти ему*** *большим и здоровым!*), а также, по убеждению Э. Фортэйна [Fortuin 2005], императивное значение (при опущенном субъекте — *Молчать!*)[3]. В то же время значение возможности у дативно-инфинитивной конструкции практически всегда возникает только при наличии отрицания. В осетинском языке рассматриваемые конструкции не связаны с присутствием в предложении отрицания (хотя и отмечена большая частотность конструкции со значением внешней возможности в отрицательных контекстах).

4. Происхождение конструкций возможности в осетинском языке

Для установления источника появления двух конструкций возможности в осетинском языке в докладе рассматриваются грамматические способы выражения возможности в других восточноиранских языках (как мертвых, так и современных), а также в кавказских и тюркских языках, контактирующих или контактировавших ранее с осетинским языком. Исходя из нашей выборки языков, можно выделить три основных стратегии выражения возможности: 1. морфо-лексическую (восточноиранские), 2. лексическую (тюркские), 3. морфологическую (абхазо-адыгские и нахско-дагестанские). Рассмотрим более подробно перечисленные стратегии.

4.1. Некоторые восточноиранские (например, хотаносакский (мертвый), хорезмийский (мертвый), согдийский (мертвый), ягнобский, пушту) языки обладают категорией потенциалиса, которая так же как и в осетинском, состоит из отглагольного образования и вспомогательного глагола. Подлежащее при этом находится в номинативе (кроме пушту, обладающего эргативной

[3] На наш взгляд, объединение императивных конструкций, выражающихся инфинитивом, с дативно-инфинитивной конструкцией, является не вполне убедительным; иной анализ таких конструкций см. в [Храковский, Володин 1986].

конструкцией), вспомогательный глагол изменяется по лицам, числам, временам и наклонениям. В качестве вспомогательных в восточноиранских используются глаголы со значением ‘делать’, ‘становиться’, ‘быть’. Например,

согд. будд.

(9) L’ ’nx’št L’ ZY nvst-w β-’m
NEG встать.PST NEG и сесть.PST-POT быть.PRS-PRS.1SG
‘Я не могу ни встать, ни сесть’ [Sim-Williams 2007: 378].

ягнобский

(10) be hamra na-ed višt
без спутник NEG-идти.PART становиться.PRS.2SG
‘Без спутника нельзя идти’ [Хромов 1972: 45].

пушту

(11) parosažkāl me pura myāšt
прошлый.год 1SG.SHRT целый месяц
də na-rоγəy pə sabab hec
PREP NEG-здоровье.OBL PREP причина никакой
kār **na-šu** **kaw-əl-āy**
работа NEG-сделаться.PST.3SG делать-INF-POT
‘В прошлом году из-за болезни я целый месяц не мог работать’ ([Грюнберг 1987: 176] (перевод предложения наш — *А. В.*).

4.2. В тюркских языках значение возможности передается лексически — с помощью модальных глаголов. Стоит отметить, что в некоторых тюркских языках в качестве модального глагола со значением возможности может выступать глагол ‘быть’ [Исхаков, Пальмбах 1961: 323]. Например,

тувинский

(12) *ойна-п* *бол-ур*
играть-CONV быть-HAB
‘можно играть’ [там же].

4.3. В абхазо-адыгских и нахско-дагестанских языках значение возможности передается морфологически. Если рассмотренные нами контактирующие с осетинским нахско-дагестанские языки (чеченский, ингушский) обладают только одним морфоло-

гическим показателем потенциалиса (например, суффикс *-луо* в чеченском), то в абхазо-адыгских языках существует несколько морфологических средств выражения потенциалиса (например, в адыгейском префикс *фэ-* и суффикс *-шъу*) (14)–(15). Однако сфера употребления показателей в этих языках определяется скорее типом глагола, а не семантикой ситуации, как в осетинском.

(13) *ар* *ащ* *к1эхьэ-**шъу**-щт-эп*
3SG.ABS 3SG.ERG догнать-POT-FUT-NEG
‘Он не сможет догнать его’ [Рогава, Керашева 1966: 279].

(14) *сэ* *ар* *с-**фэ**-шхы-щт-эп*
1SG 3SG.ABS 1SG-POT-есть-FUT-NEG
‘Я не смогу кушать то’ [Рогава, Керашева 1966: 280].

4.4. Помимо трех рассмотренных стратегий выражения значения возможности, можно выделить четвертый тип, в который входит только грузинский язык. В грузинском значение невозможности выражается специальной отрицательной частицей ver/veγar. Например,

(15) veγar v-xed-av
больше.не.POT 1SG.SUB-видеть-SER
‘Не могу больше его видеть’ (je ne peux plus le voir) [Vogt 1971: 218].

Значение возможности в грузинском может передаваться пассивной конструкцией (ср. рус. *надпись не читается* = ‘надпись невозможно прочесть’), при этом в отрицательных контекстах используется только отрицание ar, которое в отличие от отрицания ver, не имеет потенциального значения. Например,

(16) am sazogadoeba-ši
этот.DAT общество-в
ar še-m-e-svl-eb-a
NEG PREF-1SG.O-REL.PASS-идти-PASS-3SG.PRES
‘Я не могу войти в это общество’ (je ne peux pas entrer dans cette société) [Vogt 1971: 114–115].

4.5. Итак, ни в одном из рассмотренных нами языков значения внутренней и внешней возможности не могут выражаться разными морфологическими показателями или разными грамма-

тическими конструкциями. Тем не менее, во многих контактирующих с осетинским кавказских языках (или даже всех, кроме тюркских) существуют морфологические средства выражения значения возможности. Морфо-лексические средства выражения возможности присутствуют также в некоторых восточноиранских языках (как мертвых, так и современных).

4.6. Можно сделать три предположения относительно появления двух конструкций со значением возможности в осетинском языке: 1. рассматриваемые конструкции развились только из данных осетинского языка или, возможно, существуют в осетинском издревле; 2. рассматриваемые конструкции развились под влиянием контактирующих с осетинским языков, скорее всего принадлежащих к разным языковым семьям; 3. одна из конструкций возможности в осетинском языке развилась под влиянием языка или языков, контактирующих с осетинским, вторая же развилась в осетинском самостоятельно. В докладе будут рассмотрены аргументы в пользу каждого из выдвинутых предположений.

Список условных сокращений

ABL — аблатив; ABS — абсолютив; ALL — аллатив; COND — кондиционалис; CONV — деепричастие; DAT — датив; ERG — эргатив; EXT — экзистенциальная связка; FUT — будущее; IMP — императив; INF — инфинитив; INF2 — инфинитив второй; NEG — отрицание; NOM — номинатив; O — объектное спряжение; PART — причастие; PASS — пассив; PL — множественное число; POSS — поссессивность; POT — потенциалис; PRED.NEG — предикативное отрицание; PREF — префикс; PREP — предлог; PRS — настоящее; REL.PASS — релятивный пассив; SER — тематический показатель; SG — единственное число; SHRT — энклитическое местоимение; SUB — субъектное спряжение.

Литература

Багаев Н. К. Современный осетинский язык. Т. I. Орджоникидзе, 1965.

Грюнберг А. Л. Очерк грамматика афганского языка (пашто). Л., 1987.

Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М., 1961.

Рогава Г. В., Керашева З. И. Грамматика адыгейского языка. Краснодар — Майкоп, 1966.

Техов Ф. Д. Выражение модальности в осетинском языке. Тбилиси, 1970.

Храковский В. С., Володин А. П. Семантика и типология императива. Русский императив. Л., 1986. (2002 — 2-е изд.).

Хромов А. Л. Ягнобский язык. М., 1972.

Bybee J. L., Perkins R., Pagliuca W. The Evolution of Grammar: Tense, Aspect, and Modality in the Languages of the World. Chicago—London, 1994.

Fortuin E. From necessity to possibility: the modal spectrum of the dative-infinitive construction in Russian // Hansen B., Karlik P. (eds.). Modality in Slavonic Languages. New Perspectives. München, 2005.

Kiefer F. What is Possible in Hungarian? // Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae, 1981. Tomus 31 (1–4).

Palmer F. R. Mood and Modality. Cambridge, 2001.

Sim-Williams N. The Sogdian potentialis // *Macuch M., Maggi M., Sundermann W.* (eds). Iranian Languages and Texts from Iran and Turan. Ronald E. Emmerick Memorial Volume. Wiesbaden, 2007.

van der Auwera J., Plungian V. Modality's semantic map // Linguistic Typology, 1998. Vol. 2, №2.

Vogt H. Grammaire de la langue géorgienne. Oslo, 1971.

А. В. Выдрина

Санкт-Петербург

ПАССИВИЗАЦИЯ НЕПЕРЕХОДНЫХ ГЛАГОЛОВ В КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ[1]

В калмыцком языке имеется показатель пассива -gd, который сочетается как с синтаксически переходными, так и непереходными глаголами. Он имеет разные значения в зависимости от того, к глаголу какого класса он присоединяется. При синтаксически переходных глаголах он является показателем пассива в узком понимании, т. е. маркирует мену диатезы:

(1а) Badma üüdə sekə-v
Бадма дверь открыть-PST
'Бадма открыл дверь'.

(1б) üüdən Badm-ar sekə-gdə-v
дверь Бадма-INS открывать-PASS-PST
'Дверь была открыта Бадмой'.

В данной работе будет рассмотрено, как этот показатель сочетается с непереходными глаголами.

В статье М. Сибатани [1999] сказано, что, как правило, если в языке существует возможность образования пассива от синтаксически непереходных глаголов, то такой способностью обладают не все непереходные глаголы, а лишь те, которые обозначают более агентивные ситуации. Поскольку агентивность ситуации — это один из признаков семантической переходности, то данное явление свидетельствует о том, что не синтаксическая, а «именно семантическая переходность играет решающую роль для пони-

---

[1] Материал был собран во время летних экспедиций филологического факультета СПбГУ в поселок Ергенинский и поселок Тугтун Кетченеровского района республики Калмыкия в августе 2006, 2007 и 2008 годов. Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ 07-06-00278 «Разработка и создание корпусов глоссированных текстов на малых языках России: нанайский, удыгейский, калмыцкий».

мания природы залога» [Сибатани 1999: 279]. Таким образом, для пассивного залога важно противопоставление двух семантических классов непереходных глаголов: агентивные и неагентивные непереходные глаголы.

Разделение непереходных глаголов на агентивные и неагентивные действительно релевантно для показателя -gd. Однако, как будет показано ниже, гипотеза о том, что он может сочетаться только с первыми, не полностью подтверждается для калмыцкого языка.

1. Агентивные непереходные глаголы

Сочетаясь с глаголами данного класса, морфема -gd получает одно из двух значений:

– экспериенциальный пассив
– каузальный пассив (термины из [Лютикова и др. 2006])

1.1. Экспериенциальный пассив. Предикаты конструкций со значением экспериенциального пассива «обозначают эмоциональное/физическое состояние референта дативной ИГ, связанное с его способностью участвовать в ситуации, описываемой глагольной основой» [Лютикова и др. 2006: 70].

(2) küük-də jov-sən Badma-də säänär
ребенок-PL ходить-PC.PRF Бадма-DAT хорошо
ködlə-gd-nä
работать-PASS-PRS
‘Бадме хорошо работается, когда дети уходят’.

Экспериенцер может не выражаться:

(3) Asxar ertə unt-xla örün ertə bos-gd-na
вечер-INS рано спать-CV.SUCC утро рано вставать-PASS-PRS
‘Если рано лечь спать, утром рано хорошо встается’.

1.2. Каузальный пассив. В конструкциях со значением каузального пассива вводится внешний каузатор, который «вытесняет» основой аргумент глагола из позиции инициатора, в связи с чем последний становится менее агентивным. Как и в случае с экспериенциальным пассивом, исходное подлежащее либо оформляется дативом, либо не выражается.

В качестве внешнего каузатора выступает некоторое событие, обстоятельство, природное условие (интересно, что при каузальном пассиве допустим только тот тип каузаторов, что и при декаузативе — о каузаторе в декаузативных конструкциях см. [Падучева 2001]).

(4) avtobus xamxr-ad, (madn-də) gostinic-ür
автобус ломаться-CV.ANT мы-DAT гостиница-DIR
irə-gdə-v
приходить-PASS-PST
‘Автобус сломался, и (нам) пришлось пойти в гостиницу’.

(5) endər ödr-in duusən kevtə-gdə-v
сегодня день-GEN продолжительность лежать-PASS-PST
‘Мне пришлось пролежать сегодня целый день (из-за плохой погоды и из-за плохого самочувствия)’.

1.3. Экспериенциальный/каузальный пассив vs. имперсонал. Важно отметить, что при агентивных непереходных глаголах морфема -gd не только понижает синтаксический ранг основного аргумента, но и обязательно вносит дополнительное значение. Иными словами, показатель пассива в калмыцком языке не может быть показателем имперсонала, как это происходит, например, в немецком языке:

Hier wurde getanzt ‘Здесь танцевали’.

Такая ситуация вполне закономерна, поскольку в калмыцком языке подлежащее может опускаться:

(6) enə xora-də amər-na
этот комната-DAT отдыхать-PRS
‘В этой комнате отдыхают’.

Соответственно, имперсональная конструкция в калмыцком языке — это просто конструкция без подлежащего. Если же к непереходному глаголу присоединяется пассивная морфема, то обязательно появляется дополнительная семантика:

(7) En qazər-tə biilə-gd-nä
этот место-DAT танцевать-PASS-PRS
‘Здесь хорошо танцевать’.
*‘Здесь танцуют’.

Что касается эксперинецильного и каузального пассива, то здесь, по-видимому, нет распределения по глагольным лексемам. Присоединяясь к одной и той же глагольной основе, в одном случае пассивная морфема имеет значение эксперинциального пассива, а в другом — каузального.

1.4. Выше было сказано, что, как правило, пассивизации могут подвергаться только те синтаксически непереходные глаголы, которые обозначают более агентивные ситуации. Однако агентивность включает в себя целый набор признаков и, как утверждает Сибатани, при образовании пассива от непереходных глаголов для разных языков определяющими оказываются разные признаки агентивности ситуации [Сибатани 1999: 280].

Специфика значений каузального и эксперинциального пассива уже сама по себе накладывает определенные ограничения на лексическую семантику тех глаголов, с которыми они могут сочетаться. В случае с эксперинциальным пассивом речь идет о «способности участвовать в ситуации, описываемой глагольной основой» (см. 1.1.), — такое возможно только у тех глаголов, которые изначально обозначают контролируемые действия. То же самое относится и к каузальному пассиву — ведь суть этого значения заключается в том, что действие, которое в принципе является контролируемым и волититвным, оказывается каузируемым некоторыми внешними обстоятельствами.

Это объясняет, например, то, почему морфема -gd может присоединяться к основам таких глаголов, как suu- ‘сидеть’, kevt- ‘лежать’, zogs- ‘стоять’: хотя по некоторым признакам они являются неагентивными, но при одушевленном участнике они могут обозначать и контролируемое действие, например:

(8) Lavk-in cherüt-tə udan zogsə-gd-na
магазин-GEN очередь-PC.HAB долго стоять-PASS-PRS
‘В магазине приходится долго стоять в очереди’.

Показательно то, что эти глаголы присоединяют пассивную морфему только при личном участнике, который способен контролировать действие, но не в случае, если участник является неодушевленным, например, ‘стоять (о стуле)’, ‘лежать’ (о мешке).

С другой стороны, не способны присоединять пассивную морфему такие глаголы как nis- ‘лететь’, möör- ‘мычать’ — за-

прет объясняется тем, что они обозначают действия, выполняемые животными, и в данном случае сознательный контроль невозможен.

Глаголы dur- ‘быть похожим’, tör- ‘рождаться’, bajrl- ‘радоваться’. öŋgr- ‘умирать’ также не присоединяют -gd: несмотря на то, что они обладают семантической валентностью на личного участника, они обозначают неконтролируемое действие.

Таким образом, оказывается, что в калмыцком языке именно контролируемость действия является тем из признаков агентивности ситуации, который необходим для того, чтобы непереходный глагол был способен присоединять пассивную морфему.

2. Неагентивные непереходные глаголы

Однако оказалось, что инхоативные глаголы с неодушевленным пациенсом, который, разумеется, не может обладать никакими признаками агентивности, все же способны присоединять морфему -gd.

(9а) xur orad, tüümər untrə-gdə-v
дождь входить-CV.ANT пожар гаснуть-PASS-PST
‘Прошел дождь, и пожар погас’.

(9б) tüümər untrə-v
пожар гаснуть-PST
Пожар погас.

Морфема -gd маркирует введение внешнего каузатора, причем данный каузатор обладает теми же свойствами, что и в конструкции с каузальным пассивом (и декаузативом). Пример (9а) и (9б) различаются только тем, что в первом из них ситуация представляется как каузированная извне, а во втором примере — как произошедшая сама по себе.

Таким образом, здесь морфема -gd выступает в функции, в некотором смысле противоположной пассивной: она маркирует не уменьшение количества участников, а, напротив, введение в ситуацию нового участника — внешнего каузатора.

В статье Е. А. Лютиковой и А. А. Бонч-Осмоловской описывается такое же значение пассивной морфемы в карачаево-балкарсоком языке [Lyutikova, Bonch-Osmolovskaya 2006].

Показательно, что если каузатор является не фоновым, то пассивная морфема не может присоединяться к глагольной основе непосредственно. Сначала глагол должен подвергнуться каузативации и стать переходным (примеры (10а) → (10б)), и только затем присоединяется пассивная морфема и каузатор понижает свой статус:

(10а) Ger shatə-v
дом гореть-PST
‘Дом загорелся’.

(10б) Baatr ger shat-**a**-və
Баатр дом гореть-CAUS-PST
‘Батр поджег дом’.

(10в) Ger Baatrar shat-**a**-gdə-v / *shatə-gdə-v
дом Баатр-INS гореть-CAUS-PASS-PST гореть-PASS-PST
‘Дом был подожжен Батром’.

Однако важно отметить, что для морфемы-*gd* данная функция — маркирование введения внешнего каузатора при инхоативном глаголе — является весьма неустойчивой. Варианты глагольных форм с пассивной морфемой и без нее часто оказываются взаимозаменяемыми, например:

(11) Baatr-in tölä teg shatə-gdə-v / shatə-v
Баатр-GEN из-за степь гореть-PASS-PST / гореть-PST
‘Степь загорелась из-за Батра’.

Информанты часто предпочитают вариант без пассивной морфемы, а некоторые вообще разрешают только его.

3. Выводы

При непереходных глаголах морфема -gd может иметь две совершенно разные функции.

Если морфема -gd присоединяется к синтаксически непереходным глаголам, которые обозначают контролируемое действие, то она выражает значение экспериенциального или каузального пассива, и, следовательно, выступает показателем того, что происходит определенное понижение агентивности ситуации.

Но пассивная морфема может также присоединяться к инхоативным глаголам с неодушевленным пациенсом — то есть к глаголам, обозначающим ситуации, которые не обладают никакими признаками агентивности. В данном случае она выступает скорее в функции, противоположной пассивной — она не уменьшает, а, напротив, увеличивает количество участников ситуации. Однако эта функция, в отличие от первой, для калмыцкого языка оказывается скорее маргинальной и неустойчивой.

Список условных сокращений

CV.ANT — разделительное деепричастие, CV.SUCC — условное деепричастие, DAT — дательный падеж, DIR — направительный падеж, GEN — родительный падеж, PASS — пассив, PC.HAB — многократное причастие, PC.PRF — перфективное причастие, PL — множественное число, PRS — настоящее время, PST — прошедшее время.

Литература

Лютикова Е. А., Татевосов С. Г., Иванов М. Ю., Пазельская А. Г., Шлуинский А. Б. Структура события и семантика глагола в карачаево-балкарском языке. М., 2006.

Падучева Е. В. Каузативный глагол и декаузатив в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1.

Сибатани М. Переходность и залог в свете фактов японского языка // Рахилина Е. В., Тестелец Я. Г. (ред.). Типология и теория языка. От описания к объяснению. М., 1999.

Lyutikova E., Bonch-Osmolovskaya F. A very active passive: Functional similarities between passive and causative in Balkar // *Kulikov L., Malchukov A., de Swart P.* (eds). Case, valency and transitivity. Amsterdam, 2006.

Ю. Е. Галямина

Москва

ВОЗМОЖНЫ ЛИ ПАДЕЖИ В ЯЗЫКЕ С ВЕРШИННЫМ МАРКИРОВАНИЕМ

Традиционно наибольший интерес при рассмотрении грамматики кетского языка вызывает его глагольная морфология. Проблема построения непротиворечивой и адекватной модели кетского глагола, несмотря на значительные усилия, которые прикладываются различными исследователями, до сих пор не разрешена [Галямина, Казакевич и др. 2007].

Кетская именная система, часто находящяяся «в тени» из-за своей сравнительной простоты, продолжает, тем не менее, вызывать ряд вопросов, от решения которых зависит типологическое описание кетской грамматики в целом и глагольной — в частности.

1. Статус Абсолютива

Главный вопрос при описании кетского имени — это вопрос наличия Абсолютивного падежа [Валл, Канакин, 1985]. Как известно, в кетском предложении различие между первым и вторым актантом маркируется в глаголе, а не в имени. Тем не менее, традиционно для существительных постулируется нулевой падеж (Абсолютив). Значение этого падежа можно определить как принадлежность к ядерным актантам. Однако необходимость постулировать данной нулевой граммемы обусловливается, как мне представляется, исключительно парадигматическим фактором: Абсолютивом называют основную форму имени [Vajda 2004]. В рамках существующих теорий вершинного маркирования [Nichols 1986] и теории полисинтетических языков вполне возможно построение модели, исключающей необходимость постулирования падежа с размытым (нетрадиционным) значением [Кибрик 1999] и к тому же выраженным на поверхностном уровне нулем.

Кетский язык многие исследователи относят к полисинтетическим языкам с вершинным маркированием.

Полисинетические языки отражают развитие «маленькой драмы» при помощи глагольной морфологии. В этом случае считается, что полные именные группы, когда они есть в предложении, являются не аргументами, а представляют собой уточняющие приложения к местоименным аргументам, выраженным в глаголе [Jelinek 1984].

В кетском языке синтаксическая связь между актантными показателями в глаголе и именными группами осуществляется с помощью согласования по классу и числу: класс является словоклассифицирующей категорией имени, а число — словоизменительной. При этом маркирование синтаксической роли актанта происходит только в глаголе (с помощью материальных морфологических показателей и их порядка).

Введение нулевого падежа, который не различает то, что различается в глаголе, нельзя считать функционально обоснованным: нейтрализующий существующие между актантами противопоставления падеж является семантически немотивированным и не экономичным, а также не реализует функцию различительности.

В пользу модели без нулевого падежа говорит и то, что порядок слов в современном кетском языке свободный в отношении всех именных групп, но в целом именные группы, соответствующие первому и второму актантам, располагаются левее глагола (SOV), при этом первый актант находится левее второго, что соответствует расположению актантных местоимений в глаголе (показатель первого актанта всегда располагается левее показателей второго), т.е. в порядке слов отражается различие между первым и вторым актантом.

2. Проблема выделения остальных падежей

Однако можно пойти и еще дальше, поставив под сомнение наличие всех остальных падежей. Впервые эта попытка была проделана [Валл, Канакин 1986] в качестве гипотетического описания кетского имени в рамках вербоцентричной модели. Однако мне представляется, что существует ряд факторов, позволяющих принять такое описание как основное.

Традиционно считается, что в кетском языке имеется два ряда грамматических падежей (помимо Абсолютива), которые отличаются друг от друга тем, что показатели первого ряда не согласуются с существительным ни в классе, ни в числе (LOC, INSTR, PROL, CAR), а показатели второго — напротив согласуются (GEN[1], DATALL, DATLOC, ABL, BEN).

Показатели первого ряда можно без ущерба для модели отнести к неграмматическим: они не вступают в парадигматические отношения ни друг с другом, ни с падежами второго ряда (могут сочетаться друг с другом в одной словоформе), они могут опускаться в речи и оформлять целую именную группу. Несмотря на то, что происходит фонетическое сближение таких «падежных» формантов с существительным (вплоть до образования одного фонетического слова), нет ни морфологических, ни синтаксических аргументов в пользу признания их падежными граммемами. Без сомнения, в силу широкой трактовки понятия падежа в современной теории можно считать показатели этого ряда семантически падежными, однако с морфологической точки зрения эти маркеры (регулярные, но необязательные) можно отнести к квазиграммемам. Синтаксически же с помощью этих показателей выражаются сирконстантные отношения именных групп по отношению к предикату.

Показатели второго ряда представляют собой более сложное явление. Главным их отличием от показателей первого ряда является то, что они не могут сочетаться друг с другом в одной словоформе. Тем не менее, мы не можем говорить об обязательности данных показателей (а значит, не можем говорить и об их грамматичности) в силу ряда их свойств.

1. Факультативность появления показателя в заданном контексте.
2. Наличие не входящих в парадигматические отношения формантов в той же позиции, которые не могут быть признаны граммемами (см. выше).

[1] В рамках данной работы мы выносим за скобки статус генитива как падежа, отвечающего за маркирование синтаксических и семантических отношений имен.

Все это дает возможность рассматривать падежные показатели второго ряда как отдельные словоформы, входящие в определенные морфологические и синтаксические отношения с именем. В пользу такой трактовки также говорят следующие свойства этих показателей:

1. Позиционная свобода (может позиционно отделяться от существительного).
2. Возможность оформления одним показателем целой именной группы.
3. Просодическая самостоятельность двусложных падежных формантов.
4. Употребление показателей в изолированном контексте в качестве независимых местоимений.
5. Повторное выражение множественного числа в «падежном» показателе, что говорит о его согласовательном, а не семантическом статусе.

Если учесть, что кетский язык относится к языкам с вершинным маркированием, можно при описании актантно-сирконстантных отношений в кетском предложении предложить считать «падежные» показатели второго ряда местоименными вершинами именных групп, которые несут в себе информацию о пассивной валентности всей именной группы, с одной стороны (критерий Базелла — [Тестелец 2001]), и согласуются с зависимыми существительными — с другой. Таким образом, налицо вершинное маркирование синтаксической зависимости. В данном случае можно провести аналогию с предлогами, которые в теории составляющих выделяются как вершина предложной группы, определяющая селективные свойства целого.

3. Заключение

Безпадежная модель описания кеткого имени представляется более логичной для языка с вершинным маркированием. Конечно, языки с вершинным и зависимостным маркированием не образуют дискретные группы, а представляют собой континуум. Тем не менее, модель языка, построенная в рамках одной стратегии, представляется нам более экономной и обладающей большей предсказательной силой. С другой стороны, очевидно, что проис-

ходящие в кетском языке процессы, связанные с идиоматизацией глагольных маркеров и лексикализацией глагольных словоформ, приводят к развитию компенсаторных механизмов маркирования актантных зависимостей, что в конечном счете могло бы привести и к возникновению новой падежной системы, однако это маловероятно из-за короткого срока жизни, который, к сожалению, отпущен кетскому языку.

Литература

Валл М. Н., Канакин И. А. Категория имени в кетском языке. Новосибирск, 1985.

Галямина Ю. Е., Казакевич О. А., Рудницкая Е. Л., Будянская Е. Л., Вахонева Д. М. О приложимости различных моделей описания языка к реальному языковому материалу (на примере кетского глагола) // Вестник РГГУ, 2007. № 8.

Кибрик А. Е. Семантическая эргативность // Кибрик А. Е. (ред.) Элементы цахурского языка в типологическом освещении. М., 1999.

Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. М., 2001.

Jelinek E. Empty categories, case and configurationality // Natural Language and Linguistic Theory, 1984. Vol. 2. № 1.

Nichols J. Head-marking and depended-marking grammar // Language, 1986. Vol. 62. № 1.

Vajda E. Ket. München, 2004.

Д. С. Ганенков, Ю. В. Мазурова

Москва

БАЗА ДАННЫХ ПО ПРОСТРАНСТВЕННЫМ СИСТЕМАМ ЯЗЫКОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

В докладе будет представлена база данных по пространственным показателям (превербам, локативным падежам, предлогам, послелогам, наречиям) в генетически различных языках Кавказского ареала: нахско-дагестанских, абхазо-адыгских, иранских (осетинского)[1].

В базе данных содержатся сведения о морфологических, семантических и синтаксических свойствах рассматриваемых элементов. Во многих случаях решение об отнесении данного элемента к тому или иному грамматическому разряду является нетривиальным, что вообще характерно для пространственных показателей. В зависимости от семантики и функциональной нагрузки, элементы этой зоны могут находиться на разных стадиях грамматикализации и относиться к разным грамматическим разрядам. База данных дает возможность показать связь между семантикой элемента и его степенью грамматикализации.

Семантика показателей описывается с помощью специально разработанного метаязыка, который позволяет выявить довольно тонкие семантические различия как внутри одного языка, так и при межъязыковом сравнении. Как показано в [Ганенков 2005; Мазурова 2007], топологические зоны, такие как «внутри», «сверху», «снизу» часто распределяются между несколькими показателями в зависимости от свойств ориентира и/или взаимного расположения ориентира и локализуемого объекта, что является причиной довольно сильного межъязыкового варьирования в этой семантической зоне иногда даже в близкородственных языках. Разделение на топологические зоны (верх/низ, внут-

---

[1] Данные осетинского языка собраны нами в ходе экспедиций в республику Северная Осетия—Алания в 2008 г., поддержанных грантом РГНФ № 08-04-18019е.

ри/снаружи, спереди/сзади) для описания межъязыкового варьирования семантики пространственных показателей является слишком общим. В то же время в типологическом исследовании нецелесообразно учитывать все множество пространственных ситуаций, в которых возможно или, наоборот, невозможно употребление конкретного показателя. В представленной базе данных сравнение показателей производится на основе *прототипических концептов локализации*, которые они выражают. Прототипические концепты локализации — типологически наиболее часто находящие выражение в отдельных грамматических показателях и/или лексических единицах. Ограниченность этого набора является следствием свойств человеческой памяти и мышления: язык не использует для каждого понятия отдельное формальное средство, а объединяет базовые понятия в одно более общее, следуя в каждом конкретном случае своей логике. В грамматику языка включаются пространственные ситуации 1) часто возникающие в повседневном опыте; 2) простые для восприятия; 3) функционально выделенные; 4) культурно значимые.

Таблица 1. Сравнение семантики пространственных показателей

Топологическая зона	Прототипический концепт локализации	Осетинский (иранский)	Адыгейский (абхазо-адыгский)	Агульский (нахско-дагестанский)
IN-REGION	INSIDE	**-ы**	и-, дэ-, кIоцIы-	-ʔ-
	INTER	**-ы**	хэ-	**-ʕ-, -k-**
	BETWEEN	æхсæн	зыфагу	**-ʕ-**
SUPER-REGION	ON	**-ыл**	те-	-l-
	CONT	**-ыл**	пы-, кIэ-ры-	**-k-**
	COVER	сæрыл	шъхьэ-дэ-	**-k-**
	ABOVE	сæрмæ	шъхьэ-щы-	wartal
SUB-REGION	UNDER	**бын**	чIэ-, кIэ-	**-k-**
	FOOT	**бын**	**кIэ-кIэ-**	-q-
APUD-REGION	AT	уæлхъус	**кIэ-кIэ-**	-h-
	NEAR	цур	бгъо-дэ-, лъэ-хэ-	-w-/-f-

Два показателя, выражающих, например, концепт CONT в разных языках, могут не совпадать полностью по семантике и различаться в своих периферийных употреблениях. Выявление набора пространственных ситуаций, свойств ориентира и локализуемого объекта, которые релевантны для употребления тех или иных показателей в рассматриваемых языках, также является одной из целей создания базы данных.

Литература

Ганенков Д. С. Контактные локализации в нахско-дагестанских языках и их типологические параллели. Дисс… канд. фил. наук. М., 2005.

Мазурова Ю. В. Типология средств выражения пространственной локализации (вертикальная ось). Дисс… канд. фил. наук. М., 2007.

Д. В. Герасимов

Санкт-Петербург

О РЕФАКТИВНОМ ПОКАЗАТЕЛЕ -JE(V)Y- В ПАРАГВАЙСКОМ ГУАРАНИ

Семантическая зона рефактива представляет собой специфическую подобласть более широкой семантической зоны предикатной множественности. Если большинство значений из зоны предикатной множественности предполагает неопределенно-кратное повторение ситуации или фазы ситуации (количество «повторов» не называется, но подразумевается, что их «много») [Храковский 1989; Cusic 1991; Шлуинский 2005], то рефактив указывает на то, «что помимо некоторого «исходного» осуществления ситуации она осуществляется повторно еще один и только один раз» [Шлуинский 2007: 123]. Ср. пример (1) из английского языка:

(1) It is recommended that you close all running applications and **re**start your computer.
‘Рекомендуется закрыть все работающие приложения и перезапустить ваш компьютер’.

Продуктивный морфологический рефактив, по-видимому, достаточно редок и на сегодняшний день документирован для относительно небольшого числа языков мира. Тем не менее, можно говорить об определенных закономерностях организации зоны рефактива в различных языках. В частности, характерно совмещение в одном показателе значений собственно рефактива и реверсива («отмены» ситуации, возвращения в исходную точку/исходное состояние [Плунгян 2003; Шлуинский 2005: 2007]). Ср. примеры (2), (3) из языка фула:

фула

(2)	a.	o	food-i	ɓoggol	ngol
		он	тянуть-PFV	веревка	ART

‘Он потянул веревку’.

b. o food-it-i ɓoggol ngol
он тянуть-REFACT-PFV веревка ART
‘Он снова потянул веревку’. [Коваль, Нялибули 1997: 147]

(3) a. o sok-ii baafal ngal
он замыкать-PFV дверь ART
‘Он замкнул дверь’.

b. o sot-t-ii baafal ngal
он замыкать-REFACT-PFV дверь ART
‘Он отмкнул дверь’ [Коваль, Нялибули 1997: 147].

Настоящий доклад посвящен описанию рефактивного показателя в парагвайском гуарани. Исследование выполнено на материале корпуса текстов и, как следствие, не может претендовать на полноту. Детальное изучение всех частных значений рефактивного показателя, в частности, описание его взаимодействия с предикатами различных лексических и акциональных классов, невозможно без непосредственной работы с носителем языка. Тем не менее, промежуточные результаты, полученные нами на текстовом материале, уже представляют несомненный интерес для типологии рефактива. Распределение выявленных значений показателя -je(v)y- позволяет высказать некоторые гипотезы о путях диахронического развития рефактивной семантической зоны. Немаловажно также то обстоятельство, что для этого показателя надежно восстанавливается источник грамматикализации — глагол -jevy ‘возвращаться’.

Ниже последовательно рассматриваются различные единицы, производные от лексического корня -jevy, и их значения.

1. Глагол -jevy ‘возвращаться’

В парагвайском гуарани имеется непереходный активный глагол -jevy, обозначающий возвращение в исходный пункт движения:

(4) Nda-i-katú-i há-icha che a-myatyrõ
NEG-3-мочь-NEG NMR-MNR я 1SG.A-исправить

upe tekope'ỹ, a-**jevy** che-irũ-nguéra
DEM неприятность 1SG.A-возвращаться 1SG-спутник-PL
ndive ha a-mombe'u ichu-pe-kuéra
с и 1SG.A-рассказывать 3-OBL-PL
oi-ko-va'e-kue ore-machu ha i-ména rehe
3A-быть-REL-NPAST 1PL.EXCL-кухарка и 3-муж через
‘Поскольку я не мог ничем помочь в этой беде, я вернулся к своим спутникам и рассказал им о том, что произошло с нашей кухаркой и ее мужем’.

Примечательно, что каузативный дериват от рассматриваемого глагола может иметь значение ‘отменять’:

(5) Mba’e-re-va-ichá-pa peẽ-me nd-o-jerure-i raka’e
вещь-RE-REL-MNR-Q 2PL-OBL NEG-3A-просить-NEG DPAST
hikuái peteĩ léi o-mbo-**jevý**-va kó-va-pe
PL один закон 3A-CAUS-возвращаться-REL DEM-REL-LOC
‘Почему, как вы думаете, они не попросили (принять) закон, который отменил бы этот?’

Из общих соображений представляется крайне убедительным предположение о том, что именно глагол -jevy — самостоятельная глагольная лексема с конкретно-пространственным значением — является исходным пунктом эволюции рефактивного суффикса -je(v)y- и прочих рассматриваемых ниже единиц. Что касается варитивности -jevy- ~ -jey-, то выпадение -v- в интервокальной позиции — достаточно частое в парагвайском гуарани явление, ср. такие альтернанты как kóva ~ kóa ‘это’, -ñañuvã ~ -ñañuã ‘обнимать’, и т.п.

2. Существительное je(v)y ‘раз’

Как именная лексема, je(v)y ‘раз’ допускает модификацию количественными числительными и другими кванторными словами:

(6) Yvy guive o-mbokapu Ulo Nika rova-ité-re
земля из 3A-стрелять Уло Ника лицо-AUG-RE
mokõi **jey**
два раз
‘С земли Уло дважды выстрелил прямо в лицо Нике’.

(7) Heta **jeý**-ma mitã Kalaíto o-u ha
много раз-PERF парень Калаито 3A-приходить и
o-ho Paraguý-pe
3A-ходить Асунсьон-LOC
‘Калаито уже много раз приезжал в Асунсьон и ходил по нему’.

Вариант jey значительно более употребителен, нежели jevy. Косвенно об этом может свидетельствовать тот факт, что поисковая система Google выдает более 420 результатов на запрос сочетания “peteĩ jey” ‘один раз’ и только 6 — на вариант “peteĩ jevy”.

3. Наречие je(v)y ‘опять, еще раз’

Строго говоря, в общем случае однозначно отделить наречие в постглагольной позиции от суффикса (см. ниже, раздел **5**) без специальных тестов не представляется возможным. Однако есть ряд примеров, относительно которых можно с уверенностью говорить о наречном употреблении je(v)y. Ср. (8), где этот элемент следует после локативного обстоятельства, и (9), где он подвергается редупликации.

(8) Henda-ité-pe jey o-pytá-ta
3.место-AUG-LOC опять 3A-оставаться-FUT
‘С ней все будет так, как и раньше’.

(9) Ñande-kóga i-ka’i-pa-rei jepe-ve
1PL.INCL-посев 3-сохнуть-TOT-MAL даже.если-SUP
re-ka’api jevy-jevy
2SG.A-полоть опять-опять
‘Наши посадки засыхают, даже если их все время пропалывать’.

4. Лимитативная конструкция jey-ma-nte

В гуарани представлена эмфатическая лимитативная конструкция, в которой за обозначением выделяемого участника следует элемент jey, несущий на себе суффиксы перфекта (‘уже’) и лимитатива (‘только’):

(10) Ko'ã jeiko asy-kue ko
DEM.PL существование тяжелый-NPAST DEM
mitã-kuña Anselma nde jey-ma-nte
ребенок-женщина Ансельма ты опять-PERF-LIM
re-mby.ekovia-va'e-rã ché-ve
2SG.A-возместить-REL-NFUT 1SG-OBL
‘Эти страдания, дорогая Ансельма, только ты одна способна мне возместить’.

(11) Ha’e-kuéra jey-ma-nte oi-kuaá-ne
он-PL опять-PERF-LIM 3A-знать-FUT2
mba’é-icha-pa o-kañỹ
вещь-MNR-Q 3A-прятаться
‘Уж они-то знают, как прятаться’.

Насколько нам известно, в существующих грамматиках эта конструкция не описана. Вопрос о ее происхождении представляется довольно интересным, тем более, что показатели jey- и -ma- обладают в каком-то смысле противоположной семантикой: первый указывает на то, что ситуация, имеющая место в момент референции, уже имела место ранее, в то время как второй подчеркивает, напротив, что ситуация, имеющая место в момент референции, не имела места ранее. В рассматриваемой конструкции jey выступает в функции интенсификатора (англ. intensifier), которую в языках мира часто берут на себя рефлексивные местоимения [Kőnig 2001]. Употреблений jey- в функции/контексте рефлексива нами засвидетельствовано не было (ср. соответствующие употребления адыгейского реверсивно-рефактивного суффикса -ž’ə- [Аркадьев 2005: 18]). Развитие эмфатического значения из реверсивного (или рефактивного) минуя рефлексив заслуживает дополнительного изучения.

5. Рефактивный суффикс -je(v)y-

Имеющиеся в нашем распоряжении примеры позволяют предположить, что позиция суффикса -je(v)y- в глагольной словоформе строго не фиксирована и может варьироваться в зависимости от сферы действия (подробнее см. [Герасимов, в печати]). У рассматриваемого суффикса прослеживается два основных

значения (дальнейшее исследование, вероятно, позволит построить более дробную классификацию).

5.1. Значение возвращения в исходное состояние. Данное значение возникает преимущественно с глаголами движения и относится к семантической зоне реверсива [Шлуинский 2005: 126]. Оно может быть истолковано следующим образом: ‘результирующее состояние ситуации типа P уже имело место (пресуппозиция); данная ситуация также является ситуацией типа P (ассерция)’.

(12) Hymba-etã-me nd-a’ipó-ri oi-ké-va
3.животное-земля-LOC NEG-DEM-NEG 3A-входить-REL
ha’e-ae-rei, ha o-sẽ-**jey** haũgua
он-сам-свободно и 3A-выходить-REFACT чтобы
oi-ké-va tekotevẽ-ma i-santo-porã
3A-входить-REL нуждаться-PERF 3-святой-хороший
‘На его пастбище никто не может войти просто так; а чтобы потом выйти, вошедшему потребуется заступничество святого’.

Значение возвращения в исходное состояние близко к собственно реверсивному значению. Однако если показатель «чистого» реверсива, присоединяясь к глаголу, образует по сути его антоним, то показатель со значением возвращения в исходное состояние сохраняет исходное лексическое значение глагола и лишь указывает на то, что описываемая им ситуация является обращением некоторой «противоположной» ситуации, предположительно имевшей место ранее [Шлуинский 2005: 125–126].

5.2. Собственно рефактивное значение. Собственно рефактивное значение возможно со значительно более широким кругом глаголов. Оно допускает следующее толкование: ‘ситуации типа P уже имели место (пресуппозиция); данная ситуация также является ситуацией типа P (ассерция)’ (формулировка из [Аркадьев, Короткова 2005: 20]).

(13) Che ai-me-jeý-ma pene-ndive.
я 1SG.A-быть-REFACT-PERF 2PL-с
‘Теперь я снова с вами’.

(14) Ro-mbo'e-ha-gué-icha kuña
1SG.A/2SG-учить-NMR-NPAST-MNR женщина
mongetá-re ro-mbo'e-jeý-ta arriero
беседа-RE 1SG.A/2SG-учить-опять-FUT мужчина
je-juruká-re
NMR-контролировать-RE
'Так же, как я тебя учил обхождению с женщинами, сейчас я тебя научу держать под контролем мужчин'.

6. Выводы

Рассмотренный материал позволяет сформулировать некоторые выводы и гипотезы касательно путей диахронического развития семантической зоны рефактива, как в парагвайском гуарани, так и кросс-лингвистически. Происхождение соответствующего показателя от глагола со значением 'возвращаться' служит убедительным доводом в пользу того, что рефактивное значение развивается из реверсивного (ср. аналогичный вывод для адыгейского суффикса -ž'ə- в [Аркадьев, Короткова 2005: 21]). Обращает на себя внимание то обстоятельство, что сосуществования в одном и том же языке показателей со значениями собственно реверсива и возвращения в исходное состояние не засвидетельствовано [Шлуинский 2005: 126]. Собственно реверсивные показатели представлены в языках нигер-конго [Плунгян 2003: 22]; показатели со значением возвращения в исходное состояние в гуарани, адыгейском [Аркадьев 2005: 17–18], французском, агульском [Шлуинский 2005: 126], азую тлапанек [Wichmann 1992: 91–94], и др. Таким образом, можно постулировать два альтернативных пути развития от лексического значения 'возвращаться' к рефактиву: через реверсив и через значение возвращения в исходное состояние. Ключ к ответу на закономерно возникающий вопрос о том, от чего зависит выбор тем или иным языком одного из двух путей развития, могут, по-видимому, дать более глубокие исследования семантической структуры глаголов движения в соответствующих языках.

Список условных сокращений

A — показатель активной серии; ART — определенный артикль (в фула); AUG — аугментатив; CAUS — каузатив; COMP — комплементайзер; DEM — демонстратив; DPAST — давнопрошедшее; EXCL — эксклюзив; FUT — будущее; FUT2 — «второе будущее»; LIM — лимитатив; LOC — локатив; MNR — образ действия/объект сравнения; NEG — отрицание; NFUT — именное будущее; NMR — номинализатор; NPAST — именное прошедшее; OBL — косвенный падеж; PERF — перфект; PFV — перфектив (в фула); PL — множественное число; Q — показатель вопроса; REFACT — рефактив/реверсив; RE — показатель, выражающий широкий круг пространственных, временных и проч. значений; REL — релятивизатор; SG — единственное число.

Литература

Cusic D. Verbal Plurality and Aspect. Ph.D. Dissertation. Stanford, 1981.

Kőnig E. Intensifiers and reflexive pronouns // Haspelmath M., Kőnig E., Oesterreicher W., Raible W. (eds). Language Typology and Language Universals. Berlin, 2001.

Wichmann E. A. semantic framework for Azoyú Tlapanec Iterative // Acta Linguistica Hafniensia, 1992. Vol. 25.

Аркадьев П. М. Аспектуальная деривация в адыгейском языке: к постановке проблемы. Ms., 2005.

Аркадьев П. М., Короткова Н. А. О показателе *-ž'ə* в адыгейском языке // Вторая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Материалы. Санкт-Петербург, 2005.

Герасимов Д. В. К построению порядковой модели глагольной словоформы парагвайского гуарани // Труды Института лингвистических исследований РАН (в печати).

Коваль А. И., Нялибули Б. А. Глагол фула в типологическом освещении. М., 1997.

Плунгян В. А. Африканские глагольные системы: заметки к типологии // Виноградов В. А., Топорова И. Н. (ред.). Основы африканского языкознания: Глагол. М., 2003.

Храковский В. С. Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация // Храковский В. С. (ред.). Типология итеративных конструкций. Л., 1989.

Шлуинский А. Б. Типология предикатной множественности: количественные аспектуальные значения. Дисс…канд. фил. наук. М., 2005.

Шлуинский А. Б. К типологии предикатной множественности: рефактивные значения // Вторая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Материалы. СПб., 2005.

N. Dundua

Tbilisi

CVV, CVCC AND CCC COMPLEXES IN MODERN PERSIAN

Introduction

The phonemic system of Persian, like those of other world languages, distinguishes between the two basic classes of phonemes: vowels and consonants. Phoneme combinations are an important object of linguistic research.

Complex is defined as a sintagmatic union of phonemes, usually belonging to the same class. The length of a complex is defined as the number of elements within the phoneme range. In these terms, there can exist two-, three-, four- and so on membered complexes of consonants (or vowels).

For the analysis of VCC-, CVCC- and CCC-type phoneme complexes we have used a 50000 word corpus. The main results are the following. Word-initial consonant segments in Persian can only consist of a single consonant phoneme. All phonemes (except /'/) can appear in the anlaut of the word. Word-final consonant segments can contain no more than two consonant phonemes. Three-consonant combinations can only be found at morphemic boundaries [Giunashvili J., 1965; 1968].

I. The analysis of VCC-type complexes

The first consonantal position in VCC-type complexes can be occupied by any sonorant, less frequently by a spirant. Of all obstruents, only three can occur in this position:

C_1= sonorants (r, l, m, n) > spirants (f, z, s, š, x, h) > obstruents (b, k, q).

In the second consonantal position of VCC complexes, all sonorants except n can occur; then follow obstruents. Among spirants, only dental consonants are presented:

C_2= sonorants (r, l, m) > obstruents (d, t, k, q) > spirants(v, z, s).

The following phonotactic rules are in effect in VCC complexes:

1. When the first member of VCC complex is a sonorant:

1. We have geminated consonant complexes: rr, mm;
2. Sonorant r is followed by dental s;
3. Sonorant m is followed by r;
4. After a sonorant, dental l turns into nasal sonorant m;
5. After a dental, nasal n becomes either d or s.

2. When the first member of VCC complex is a spirant:

Of 8 Persian spirants, only 2 are able to appear in the second consonantal position in VCC complex: v and š.

1. f is followed by v;
2. Dental z can be followed by sonorants r and m;
3. Dental s can be followed by sonorants r, l, and m;
4. š can be followed by r, k and q;
5. x can be followed by sonorant m and dental z;
6. h can be followed by sonorant l and dental d.

3. When the first member of VCC is an obstruent:

1. Bilabial b is followed by sonorant r;
2. k is followed by the dental s;
3. q can be followed by either the lateral sonorant l or the dental d.

If we consider the above mentioned complexes from the point of view of accession/decession, decessive complexes are: šk, šq; accessive complexes are: xz, hd, ks, qd.

On the basis of the material presented, we can assume that in Persian CC consonant complexes accessive complexes outnumber deccessive complexes.

II. The analysis of CVCC type complexes

In CVCC-type complexes, the first consonantal position can be occupied by any sonorant and by any spirant except ž. Of the 10 Persian obstruents only two can occur in this position: p and č.

Similarly, all sonorants and all spirants except ž are allowed in the C_2 position. However, all obstruents except p and č can occupy

this position. So, as we can see, the consonants ž, p, and č never occur in CVCC-type complexes.

In this case we have the following phonotactic rules:

1. Geminirated consonant complexes are: rr, ll, nn, vv, zz, dd, tt, kk.

2.From the point of view of accession/decession, in CVCC-type complexes we have the following picture: decessive complexes are: fz, ft, z', sk, sq, šk, sy, bz, bs, bh, bk, b', dh, dq, dh, th, ty, tq, ğh; accessive complexes are: zb, sb, šf, št, xs, xš, xt, hz, hs, hš, hy, qf, qz, qs, qš, qd, qt, tf, ks,'f,'s,'d,'y. Here also accession has a higher type frequency than decession.

III. The analysis of CCC type consonant complexes

As we have mentioned above, in Persian CCC-type consonant complexes can only be found at morphemic boundaries. In the whole corpus of 50000 wordforms we have analyzed, only 235 wordforms (i.e. 0.47 %) contained three-consonant sequences.

In CCC-type consonant-complexes:

1. The first position can be occupied by any sonorant, and by any spirant except v and ž, and by obstruents z, ğ and č.

2. Position C_2 can be occupied by any sonorant, and by any spirant except v and ž, and by obstruents p, ğ and č.

3. In Position C_3, presented are all sonorants except n, all spirants except z and y, and all obstruent phonemes except '.

Conclusion

– In modern Persian there word-initial consonant complexes are not presented.
– A word can begin with any consonant except '.
– Word-final consonant segments can consist of no more than two consonants — VCC, CVCC.
– Three-consonant CCC-type complexes in modern Persian can only be found at morphemic boundaries.
– In modern Persian the prototypical root structure is CVC.
– The following consonantal phonemes have the most limited distribution in Persian phonotactics: bilabial p, alveolar ğ, alveolar č, labiodental v, and alveolar ž.

– We have a geminated consonant complexes: in VCC — rr, ll, mm; in CVCC — rr, ll, nn, vv, zz, dd, tt, kk.

– Both in VCC and in CVCC complexes accessive consonant sequences outnumber decessive sequences.

References

Гиунашвили Дж. Ш. Система фонем персидского языка // Tsu Sromebi, t. 116. Tbilisi, 1965.

Гиунашвили Дж. Ш. О сочетаниях типа ССС в современном персидском языке // Тбилисский университет Георгию Ахвледиани. Юбилейный сборник к 80-летию со дня рождения, Тбилиси, 1969.

Н. М. Заика

Санкт-Петербург

АГГЛЮТИНАЦИЯ И ФЛЕКТИВНОСТЬ В БАСКСКОМ ЯЗЫКЕ И СВЯЗАННЫЕ С НИМИ ПРОБЛЕМЫ ГЛОССИРОВАНИЯ ПОЛИПЕРСОНАЛЬНЫХ ФОРМ

Подавляющее большинство исследователей считают баскский язык[1] агглютинативным[2]. Однако в баскском языке в значительной мере присутствуют элементы флективности.

Противопоставление агглютинативность/неагглютинативность. Если мы будем считать признаком неагглютинативности «отдельные, фонетически немотивированные аффиксы для разных корней (основ)», а признаком агглютинативности — соответствие одной грамматической категории одного аффикса (определение по [Касевич 1988: 152]), то мы обнаружим в баскском языке признаки и одного, и другого явления.

Так, например, агглютинативность проявляется в ряде глагольных субпарадигм, а неагглютинативность — в именном склонении: в показателях мн. ч. наблюдается омонимия, обусловленная морфологическим контекстом: в зависимости от падежа показатель множественного числа может выглядеть как -eta-, -e-, или как морфологический ноль.

Противопоставление флективность/нефлективность. согласно определению, данному в [Касевич 1988: 153], «флективными являются аффиксы, благодаря которым форма входит по меньшей мере в две грамматические оппозиции, нефлектив-

---

[1] Здесь и далее мы рассматриваем систему литературного баскского языка, за исключением особо оговоренных примеров.

[2] Строго говоря, в баскском языке наблюдаются и некоторые черты изолирующих языков, такие как выражение грамматических значений последством служебных слов — вспомогательных глаголов. В нашей статье мы остановимся лишь на проявления агглютинации и флективности в языке.

ные же обслуживают только одну оппозицию». В баскском языке встречаются случаи, когда одна морфема может содержать несколько граммем (например, персональные глагольные показатели).

В терминах противопоставлений по агглютинативности и флективности в баскском языке имеются все четыре вида аффиксов:

— *нефлективные и агглютинативные* (суффикс прошедшего времени -n);
— *флективные и неагглютинативные* (персональные показатели со значением абсолютива мн. ч. -zki-, -tza-, первый из которых употребляется, например, в формах вспомогательного глагола и глагола jakin ‘знать’, а второй — в формах глаголов ekarri ‘приносить’, eraman ‘нести’, erabili ‘употреблять’);
— *флективные и агглютинативные* (суффикс эргативного показателя 1 лица ед. ч. -t-, обслуживающий все глагольные лексемы);
— *нефлективные и неагглютинативные* (перфективные суффиксы -i, -n, -tu и нулевой суффикс, распределение которых не обусловлено фонетически).

В связи с тем, что баскский язык не является ни последовательно агглютинативным, ни последовательно флективным и глагольные формы в нем отличаются высокой степенью нерегулярности, встает вопрос о том, сколько грамматических значений выражают морфемы, и об оптимальном способе их глоссирования. Естественным образом, чем больше показателей содержит глагол, тем труднее членение.

Мы коснемся проблем глоссирования полиперсональных форм вспомогательного глагола, связанных с префиксальными показателями в третьем лице.

Рассмотрим ряд форм вспомогательного глагола[3].

[3] В трехперсональных глагольных формах в баскском языке показатель абсолютива может стоять лишь в третьем лице. В этом случае мы говорим о согласовании по лицу (третьему) и числу, а не только по числу из системных соображений (те же префиксы с тем же грамматическим значением встречаются и в других субпарадигмах, например, у

Таблица 1. Настоящее время (трехперсональные формы)

erg \ dat	**1sg**	**3sg**	**1pl**	**2sg**	**2pl**	**3pl**
1sg		diot		dizut	dizuet	diet
3sg	dit	dio	digu	dizu	dizue	die
1pl		diogu		dizugu	dizuegu	diegu
2sg	didazu	diozu	diguzu			diezu
2pl	didazue	diozue	diguzue			diezue
3pl	didate	diote	digute	dizute	dizuete	diete

Таблица 2. Настоящее время (эргативно-абсолютивные формы)

erg \ abs	**1sg**	**3sg**	**1pl**	**2sg**	**2pl**	**3pl**
1sg		dut		zaitut	zaituztet	ditut
3sg	nau	du	gaitu	zaitu	zaituzte	ditu
1pl		dugu		zaitugu	zaituztegu	ditugu
2sg	nauzu	duzu	gaituzu			dituzu
2pl	nauzue	duzue	gaituzue			dituzue
3pl	naute	dute	gaituzte	zaituzte	zaituztete	dituzte

Из таблиц 1–4 видно, что в глагольных словоформах хорошо вычленяются суффиксальные показатели эргатива (-t-, -ø-, -gu-, -zu-, -zue-, -te-) и датива (-t-/-da-, -o-, -gu-, -zu-, -zue-, -e-) и ряд префиксальных показателей в прошедшем времени, а также показатели прошедшего времени -n и условного наклонения -ke-. Рассмотрим, какие грамматические значения можно приписать оставшимся после членения фрагментам (d-, z-, l-) и каким способом выражается в этих формах абсолютив (в настоящем времени) и эргатив (в прошедшем времени и в условном наклонении) третьего лица. Для этого проанализируем способы глоссирования в работах баскологов.

эргативно-абсолютивных глаголов, где возможны показатели абсолютива либого лица). В формах абсолютива множественного числа после корневой гласной -i- появляется показатель -zki-, ср. diot vs. dizkiot.

Таблица 3. Прошедшее время (трехперсональные формы)[4]

dat / erg	**1sg**	**3sg**	**1pl**	**2sg**	**2pl**	**3pl**
1sg		nion		nizun	nizuen	nien
3sg	zidan	zion	zigun	zizun	zizuen	zien
1pl		genion		genizun	genizuen	genien
2sg	zenidan	zenion	zenigun			zenien
2\pl	zenidaten	zenioten	zeniguten			zenieten
3pl	zidaten	zioten	ziguten	zizuten	zizueten	zieten

Таблица 4. Условное наклонение (трехперсональные формы)

dat / erg	**1sg**	**3sg**	**1pl**	**2sg**	**2pl**	**3pl**
1sg		nioke		nizuke	nizueke	nieke
3sg	lidake	lioke	liguke	lizuke	lizueke	lieke
1pl		genioke		genizuke	genizueke	genieke
2sg	zenidake	zenioke	zeniguke			zenieke
2pl	zenidakete	zeniokete	zenigukete			zeniekete
3pl	lidakete	liokete	ligukete	lizukete	lizuekete	liekete

Вообще говоря, при глоссировании не обязательно указывать всю грамматическую информацию. Часто правила глоссирования лишь подразумеваются, не эксплицируются. При анализе вспомогательный глагол может не переводиться поморфемно, а обозначаться как AUX или переводиться с известной долей приблизительности, например, на английский (is, has). В ряде работ в глоссах присутствуют наиболее важные, по мнению авторов, грамматические категории, ср. [Etxepare 2003: 3, 24, 26, 34, 39,

[4] В прошедшем времени баскского глагола и производных от него формах, в том числе и условного наклонения, у трехперсональных и эргативно-абсолютивных форм с показателем абсолютива третьего лица порядок морфем отличается от порядка морфем в настоящем времени. Так, если в настоящем времени префиксальную позицию занимает абсолютивный показатель, в прошедшем — эргативный. В плане выражения префиксальные эргативные показатели в прошедшем времени сходны с абсолютивными показателями у абсолютивных глаголов в прошедшем времени.

51] AUX-I, AUX-T, AUX-I(ABS-DAT), AUX(DAT-ABS), AUX-DAT-ABS, AUX-I-DAT-ABS, AUX-DT для обозначения абсолютивных, эргативно-абсолютивных, абсолютивно-дативных и трехперсональных глаголов.

В синтаксических работах авторы часто указывают категории, не производя морфологического членения, ср.

1. [Etxepare 2005: 303]: dio ‘AUX(3SINGE-3SINGD-3SINGA)’.
2. [Oyharçabal 2003: 224]: dizut ‘AUX:1SG.3SG.2SG’ (падежи понятны из контекста предложения — глосс именных групп).
3. [Oyharçabal 1993: 103]: dut ‘3SGA.AUX.1SGE’.
4. [Rebuschi 2003: 457]: du ‘AUX:HE-HAS-IT’.

При морфологическом анализе рассматриваемых нами фрагментов d-, z-, l- им можно приписать как значение согласовательного показателя, так и значение времени или наклонения. Логически рассуждая, можно отметить, что эти два значения могут комбинироваться друг с другом.

I. Значение показателя третьего лица (абсолютивного или эргативного, в зависимости от формы)

1. [Coyos 2005: 78, 80, 82]: d-u-zu ‘3AB+ être+AL.RESP)’; z-e-n ‘3ABS+ être+ passé’; d-u ‘3ABS+ avoir/3ERG (Ø)’.
2. [Rebuschi 2004: 846]: d.i.z.ki.zu.gu ‘it-i-PL.DF.you.we’[5].

В пользу этого традиционного членения говорит сравнение членов некоторых субпарадигм (например, приведенной нами эргативно-абсолютивной), а также желание приписать оставшейся в результате выделения морфеме грамматическое значение, которое явным образом присутствует в словоформе.

II. Значение показателя времени или наклонения

1. [Etxepare 2003: 4]: d-i-o-t ‘Ø(3SING.ABS)-PRESENT-(PRE)DATIVE-3SING(DAT)-1SING(ERG)’.

[5] В дальнейшем, Ребюски указывает, несколько противоречиво, что рассматриваемые нами показатели не являются персональными.

2. [Ormazabal-Romero 2007: 326]: d-i-da-zu ‘PRES-AUX-1DAT-2ERG’.
3. [Oyharzabal 1993: 96] Ø-dei-tz-o-zü-gü[6] ‘3A-AUX-A.PL-3SGD-ALLOvouv-1PLE’.
4. [Elordieta 2001: 116, 127] Ø-d-i-zki-zu-t ‘3A-PRES-root-PL-2D-2E’; d-i-o ‘3A-PRES-root-3D’ (число персональных показателей в глоссах не указывается, а выводится из контекста).
5. [Ormazabal-Romero 2001: 231]: d-Ø-i-o-te ‘PRES-3ABS-AUX-3DAT-PLERG’.

Одним их первых баскологов, приписавших этим морфемам значение времени/наклонения был Р. Траск. Согласно этой точке зрения, в формах прошедшего времени и условного наклонения появляется по два соответствующих категориальных показателя (z- и -n, l- и -ke- соответственно). Показатель абсолютива или эргатива третьего лица является нулевым, что встречается в полиперсональных языках, причем исследователи приписывают ему как крайнее левое положение (как и в других членах парадигмы), так и положение после показателя времени/наклонения.

III. Отсутствие значения

1. [Fernández 2001: 153]: d-o-s-t[7] ‘ESPL-ERROA[8]-DM[9]-1D(3E)’.

В такой интерпретации в форме имеется нулевой показатель абсолютива третьего лица и нулевой показатель настоящего времени (и первое, и второе типологически вполне закономерно). Прошедшее время и условное наклонение маркируются один раз. Однако вряд ли можно считать достоинством морфологического членения наличие в словоформе двух нулевых морфем и одного сегмента без грамматического значения.

[6] Диалектная форма.
[7] Диалектная форма.
[8] Корень.
[9] Дативный маркер.

Мы предлагаем приписать рассматриваемым морфемам одновременно значения показателя абсолютива или эргатива 3 лица и времени/наклонения, что соотносится с тем, что баскский язык непоследовательно агглютинативен.

Итак, морфема d- выражает синкретично 3 лицо и настоящее время (d-i-zki-e-t ‘A3PRS-3PERS-A.PL-D3PL-E1SG’), морфема z- — 3 лицо и прошедшее время (z-i-o-n ‘E3PST-3PERS3[A.SG]-D3SG[E.SG]-PST’), морфема -l- — 3 лицо и условное наклонение (l-u-ke COND-E3SG.PST3[A.SG]-E/A-COND).

Список условных сокращений

1 — первое лицо, 2 — второе лицо, 3 — третье лицо, 3PEPS — трехперсональный тип спряжения, A, ABS — абсолютив, ALLO — аллокутивная форма, ALLOvouv — аллокутивная форма высокого регистра, AUX — вспомогательный глагол, COND — условное наклонение, D, DAT — датив, E, ERG — эргатив, E/A — эргативно-абсолютивный тип спряжения, PL — множественное число, PRES, PRS — настоящее время, PST — прошедшее время, RESP — высокий регистр, SG, SING — единственное число.

Литература

Касевич В. Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. М., 1988.

Coyos J.-B. En basque // Typologie de la syntaxe connective. Rennes, 2005.

Elordieta A. The Role of Verbal Agreement in Licensing Null Arguments // P. Albizu eta B. Fernández (arg.). Kasu eta komunztaduraren gainean. Bilbo, EHU. 2001.

Etxepare R. Number long distance agreement in (substandard) Basque // Lakarra J., Hualde J. I. (eds.). International Journal of Basque Linguistics and Philology (ASJU). Special volume in honor of Larry Trask. San Sebastián, 2005.

Etxepare R. Valency and Argument Structure in the Basque Verb. Ms., 2003. http://artxiker.ccsd.cnrs.fr/docs/00/06/19/33/PDF/Valency-argument _structure.pdf.

Fernández B. Absolutibo komunstaduradun ergatiboak, absolutibo komunstaduradun datiboak: ergatiboaren lekualdatzetik datiboaren lekualdatzera // P. Albizu eta B. Fernández (arg.). Kasu eta komunztaduraren gainean. Bilbo, EHU, 2001.

Ormazabal J., Romero J. A brief description of some agreement restrictions // P. Albizu eta B. Fernández (arg.). Kasu eta komunztaduraren gainean. Bilbo, EHU, 2001.

Ormazabal J., Romero J. The Object Agreement Constraint // Natural Language and Linguistic Theory, 2007. Vol. 25. № 2.

Oyharçabal B. Lexical causatives and causative alternation in Basque // Oyharçabal B. (ed.). Inquiries into the lexicon-syntax relation in Basque. Universidad del País Vasco, 2003.

Oyharçabal B. Verb Agreement with Nonarguments: On Allocutive Agreement // Hualde J. I., Ortiz de Urbina J. (édt.). Generative Studies in Basque Linguistics. 1993.

Rebuschi G. Basque from a typological, dialectological and diacronic point of view // Roelke Th. (ed.). Variation Typology. Variationstypologie, Berlin—New York, 2004.

Rebuschi G. Basque Semi-Free Relative Clauses and the Structure of DPs // Lapurdum. Vol. VIII. Bayonne, 2003.

Trask R. L. Basque verbal morphology // Iker-I. Euskaltzaindia, Bilbo, 1981.

В. А. Иванов, Е. В. Федько

Москва

КОНТРОЛЬ РЕФЛЕКСИВНОГО МЕСТОИМЕНИЯ В РУССКИХ КОНСТРУКЦИЯХ С АГЕНТИВНЫМ ДОПОЛНЕНИЕМ

0. Введение

В работе [Тестелец, Толдова 1998: 2] дается следующее определение рефлексивного местоимения: «Рефлексивными (= возвратными) местоимениями, или просто рефлексивами, мы называем такие местоимения, которые могут употребляться анафорически и хотя бы в части таких употреблений требуют обязательного наличия антецедента, во-первых, грамматически приоритетного (например, подлежащего) и, во-вторых, находящегося в составе той же синтаксической единицы (например, предложения), в которую входит само местоимение».

Рассмотрим примеры из русского языка:

(1) *Я*$_i$ *вижу себя*$_i$*/ его*$_{*i}$ *в зеркале.*

(2) *Петя*$_i$ *встретил брата*$_j$ *в своем*$_{i/*j}$*/ его*$_{j/*i}$ *кабинете.*

Здесь рефлексивами являются местоимения *себя* и *свой*. Очевидно, что употребление в (1) и (2) нерефлексивных местоимений в случае, когда их антецедентом является подлежащее, неправильно. Более того, рефлексив в данном случае может контролироваться только подлежащим (ср. (2)). Данное правило, однако, не распространяется на пассивные конструкции с агентивным дополнением. Например:

(3) *Роман*$_j$ *пишется автором*$_i$ *для себя*$_{i/*j}$.

Подобным случаям и будет посвящен наш доклад.

1. Контроль агентивным дополнением

Очевидно, что в конструкциях с агентивным дополнением, как правило, подлежащее не может контролировать рефлексивное местоимение. В подобных случаях роль при выборе контролера

играет фактор одушевленности. Агентивное дополнение в подавляющем большинстве случаев выражено одушевленной именной группой (ИГ), а подлежащее пассивной конструкции, напротив, неодушевленной. Ср. пример (4) из [Козинский 1983: 7]:

(4) *Этот дворец был построен халифом$_i$ в самом начале своего$_i$ царствования для себя$_i$ и своей$_i$ любимой наложницы.*

В случаях, подобных (4), контролер выбирается в соответствии со следующей иерархией:

(5) АГЕНС > ПАЦИЕНС

Если в пассивной конструкции отсутствует агенс, то контроль может осуществлять и пациенс. Например:

(6) *Дом$_i$ был разрушен из-за своей$_i$ полной непригодности.*

2. Контроль подлежащим

Однако (5) работает не всегда. Данная иерархия может нарушаться в тех случаях, когда и агенс, и пациенс выражены одушевленными ИГ.

(7) [*Известный писатель П*]$_i$ *изображен художником$_j$ в своем$_{i/*j}$ кабинете.*

Очевидно, что контроль j…j в данном случае невозможен. И связано это как раз с тем, что пациенс в (7) одушевленный. Как видно, фактор одушевленности в предложениях с агентивным дополнением действительно играет первостепенную роль, из чего следует, что для объяснения подобных примеров иерархия (5) должна быть расширена с учетом этого фактора.

(8) ПАЦИЕНС [+Одуш] > АГЕНС > ПАЦИЕНС [-Одуш]

3. Особые случаи

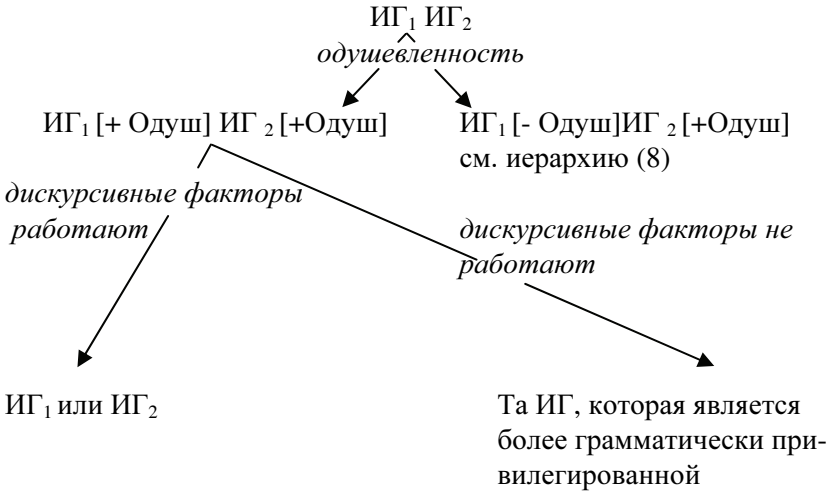
Однако более глубокое исследование проблемы позволяет выявить случаи, в которых и иерархия (8) не способна объяснить выбор контролера рефлексивного местоимения. Например:

(8а) *Пушкин$_i$ был сослан императором$_j$ в свое$_{i/*j}$ имение.*

(8б) *Крестьянин$_i$ был отправлен графом$_j$ в свое$_{*i/j}$ имение под Орлом.*

Семантико-синтаксическая структура этих предложений одинакова, однако при этом в (8а) контролером является пациенс, а в (8б) — агенс. Иерархия (7) работает только для примера (8б), в (8а) она неприменима. Очевидно, что фактор одушевленности здесь не играет первостепенной роли. На выбор контролера здесь влияют некоторые другие факторы. Эти факторы можно назвать «дискурсивными». Референция устанавливается на основании экстралингвистических знаний, в данном случае общих представлений о мире.

Схема 1



4. Подведение итогов

На основании всего вышесказанного можно предложить следующую схему выбора контролера рефлексива в предложениях с агентивным дополнением (схема 1).

Литература

Козинский И. Ш. О категории «подлежащее» в русском языке // Предварительные публикации. Вып. 156. М., 1983.

Тестелец Я. Г., Толдова С. Ю. Рефлексивные местоимения в дагестанских языках и типология рефлексива // Вопр. языкознания. 1998. № 4.

Е. В. Кашкин

Москва

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ПОСЕССИВНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ В ИЖЕМСКОМ ДИАЛЕКТЕ КОМИ-ЗЫРЯНСКОГО ЯЗЫКА

Предметом рассмотрения в нашей работе являются особенности употребления посессивных показателей 3 лица единственного числа в ижемском диалекте коми-зырянского языка[1]. В данном диалекте (как и в литературном коми-зырянском языке) выделяется два типа склонения [Жилина, Бараксанов 1971; Сахарова, Сельков 1976], обозначаемых в разных источниках различными терминами. Мы будем говорить о простом склонении и посессивном склонении.

В литературе [Fraurud 2001; Nikolaeva 2003; Кузнецова 2003, и др.] неоднократно отмечалось, что в уральских языках посессивные показатели не только выражают принадлежность, но и нередко выполняют иные, дискурсивные функции, среди которых выделим маркирование определенности именной группы (ИГ) для обоих участников коммуникации. Именно на этой функции мы далее и сосредоточимся. Наконец, прежде чем перейти к обсуждению наших данных, отметим важный для дальнейшего изложения тезис, выдвигаемый в [Nikolaeva 2003] и [Fraurud 2001]: в уральских языках употребление показателей посессивности для выражения определенности всегда факультативно.

Наше исследование позволило выявить ряд интересных особенностей, присущих ижемским посессивным аффиксам 3 лица. В докладе будет показано, что, во-первых, маркирование определенности посессивными показателями во многих случаях является обязательным и, во-вторых, обязательность использования в этой функции посессивного показателя зависит от синтак-

---

[1] Материал получен в ходе лингвистической экспедиции МГУ в с. Мужи Шурышкарского района Ямало-Ненецкого АО (грант РГНФ № 08-04-18011е).

сической роли ИГ. Обратимся далее к более подробному рассмотрению данных свойств ижемских посессивных показателей.

В (1)–(3) представлены определенные[2] ИГ, в которых невозможно опущение посессивных показателей. Отметим, что рассматриваемые ИГ в этих примерах выполняют синтаксические функции подлежащего, прямого дополнения и непрямого дополнения[3] соответственно.

(1) m’e mun-i ul’iča kuz’a i ad’d’-i
я идти-PST.1SG улица по и увидеть-PST.1SG
pon **ponm-ys** / ***pon** kuč’-is
собака собака.OBL-POSS.3SG собака начать-PST.3SG
uvt-ny
лаять-INF
‘Я шел по улице и увидел собаку. Собака залаяла (букв. «начала лаять»)’.

(2) **əb’es-se** / ***əb’es** s’ipt-y
дверь-ACC:POSS.3SG дверь закрыть-IMP
‘Закрой дверь’.

(3) m’e s’et-i etaje kn’iga-se
я дать-PST.1SG этот книга-ACC:POSS.3SG
zonm-ys-ly / ***zon-ly** kod
мальчик.OBL-POSS.3SG-DAT мальчик-DAT который
vol-is tərytə
приходить-PST.3SG вчера
‘Я дал эту книгу тому мальчику, который приходил вчера’.

Иная картина наблюдается в (4)–(6). Определенные ИГ в этих примерах могут кодироваться как посессивным, так и простым склонением. Заметим, однако, что данные ИГ (в отличие от представленных в (1)–(3)) выполняют синтаксическую функцию косвенного дополнения, и именно в этом случае возникает не встречающаяся в (1)–(3) вариативность в выборе типа склонения.

---

[2] Референциальные статусы ИГ определяются в нашей работе в терминах [Падучева 1986].

[3] Термин *непрямое дополнение* в нашей работе соответствует английскому *indirect object*, тогда как термин *косвенное дополнение* мы употребляем как соответствие английскому *oblique*.

(4) eta **pol'e-as** / **pol'e-yn** bydm'-e
этот поле-LOC:POSS.3SG поле-LOC расти-PRS.3SG
kartap'el'
картошка
'На этом поле растет картошка'.

(5) eta **kar-ys'** / **kar-s'is** vo-is
этот город-EL город-EL:POSS.3SG приехать-PST.3SG
m'enam p'ij-e
я.GEN сын-POSS.1SG
'Из этого города приехал мой сын'.

(6) muži **gort-as** / **gort-yn**
Мужи поселок-LOC:POSS.3SG поселок-LOC
ol-e una m'iča nyy
жить-PRS.3SG много красивый девушка
'В поселке Мужи живет много красивых девушек'.

Таким образом, мы можем сформулировать следующую закономерность: если определенная ИГ выполняет синтаксическую функцию косвенного дополнения, то ее оформление посессивным показателем факультативно; если же определенная ИГ находится в иной синтаксической позиции (подлежащего, прямого дополнения или непрямого дополнения), то она обязательно получает посессивный маркер.

В докладе будут обсуждаться и другие случаи употребления посессивного склонения в ижемском диалекте; в частности будет затронут вопрос о возможности кодирования посессивными показателями именных групп, характеризующихся иными референциальными статусами. Так, например, неопределенные ИГ не могут получать посессивный аффикс (7), а родовые ИГ могут оформляться как простым, так и посессивным склонением (8).

(7) vas'a təryt koz'nal-ys
Вася вчера подарить-PST.3SG
kučemke **nyy-ly** / ***nyl-ys-ly** cv'etok
какой.то девочка-DAT девочка-POSS.3SG-DAT цветок
'Вася вчера подарил какой-то девочке цветок'.

(8) **kartap'el'-is** / **kartap'el'** bydm'-e
картошка-POSS.3SG картошка расти-PRS.3SG
pol'e-jas vyl-yn
поле-PL на-LOC
'Картошка растет на полях'.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ACC — аккузатив; DAT — датив; EL — элатив; GEN — генитив; IMP — императив; INF — инфинитив; LOC — локатив; OBL — косвенная основа; PL — множественное число; POSS — посессивное склонение; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

Жилина Т. И., Бараксанов Г. Г. Присыктывкарский диалект и коми литературный язык. М., 1971.

Кузнецова А. И. Кумуляция грамматических значений в агглютинативных показателях: дейктические функции посессива в уральских языках // Международный симпозиум по дейктическим системам и квантификации в языках Европы и Северной и Центральной Азии. Сборник статей. Ижевск — Лейпциг, 2003.

Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М., 1986.

Сахарова М. А., Сельков Н. Н. Ижемский диалект коми языка. Сыктывкар, 1976.

Fraurud K. Possessives with extensive use: A source of definite articles? // Baron I., Herslund M., Sørensen F. (eds). Dimensions of possession. Typological Studies in Language. Amsterdam—Philadelphia, 2001.

Nikolaeva I. A. Possessive affixes in the pragmatic structuring of the utterance: Evidence from Uralic // Международный симпозиум по дейктическим системам и квантификации в языках Европы и Северной и Центральной Азии. Сборник статей. Ижевск — Лейпциг, 2003.

М. Ю. Князев

Санкт-Петербург

ОСОБЕННОСТИ ДИСТРИБУЦИИ *ТО* + *ЧТОБЫ*-КЛАУЗ В КОНТЕКСТЕ МАТРИЧНЫХ ГЛАГОЛОВ РУССКОГО ЯЗЫКА

1. В докладе рассматриваются конструкции, образуемые местоимением *то* и придаточным предложением с союзом *чтобы* (далее *то+чтобы*-клаузы) в функции сентенциального актанта, как в (1).

(1) *Через год Н. Н. Озеров, прослушав меня на экзамене за первый курс, сказал, что признателен педагогу, который настоял на том, чтобы принять эту певицу в консерваторию, добавив при этом: «Эта девушка с будущим».* [И. А. Архипова. Музыка жизни (1996)]

2. При ряде глаголов, таких, как *мечтать*, *заслуживать*, *привыкать*, *помогать*, в т.ч. *настаивать* и многих других (назовем их группа А) *то+чтобы*-клауза конкурирует с придаточным дополнительным с союзом *чтобы* (далее *чтобы*-клауза).

(1а) *Через год Н. Н. Озеров, прослушав меня на экзамене за первый курс, сказал, что признателен педагогу, который настоял, чтобы принять эту певицу в консерваторию...*

Однако некоторые глаголы, такие, как *запрещать*, *позволять*, *предлагать*, *планировать*, *разрешать*, *любить*, *рекомендовать*, *поручать*, *предпочитать*, *советовать*, *предписывать*, *велеть*, *приказывать*, *сказать* (назовем их группа Б), присоединяющие *чтобы*-клаузу в функции сентенциального актанта, не присоединяют *то+чтобы*-клаузу (2).

(2) *Кроме того, поправки запрещают,* (*???то*) *чтобы реклама звучала громче, чем основная передача.* [Своя рубашка ближе к телу // Рекламный мир, 2001.12.25]

3. Сравним дистрибуцию *то+чтобы*-клауз при глаголах групп А и Б с дистрибуцией имен действия при данных глаголах.

Глаголы группы А, присоединяющие *то+чтобы*-клаузу, свободно допускают замену последней на имя действия (сохраняя при этом значение исходной конструкции) (1a).

(1b) *Через год Н. Н. Озеров, прослушав меня на экзамене за первый курс, сказал, что признателен педагогу, который настоял на принятии этой певицы в консерваторию...*

Глаголы группы Б, не присоединяющие *то+чтобы*-клаузу, в этом отношении ведут себя неодинаково.

Некоторые из них, такие, как *велеть*, *приказывать*, *сказать* (назовем их группа БА), не присоединяют имена действия.

(3) *Буш приказал Пентагону осуществить гуманитарную операцию в Грузии.* http://www.lenta.ru/news/2008/08/13/bush1

(3a) *Буш приказал* (**то*), *чтобы Пентагон осуществил гуманитарную операцию в Грузии.*

(3b) **Буш приказал Пентагону осуществление гуманитарной операции в Грузии.*

Остальные глаголы группы Б (назовем их группа ББ) способны в определенных контекстах присоединять имена действия.

(4) *Буш запретил Пентагону осуществление гуманитарной операции в Грузии.*

(4a) *Буш запретил* (**то*), *чтобы Пентагон осуществил гуманитарную операцию в Грузии.*

Наблюдаемое сходство (хотя и при отсутствии совпадения) дистрибуции *то+чтобы*-клауз и дистрибуции имен действия, а также общая «именная» природа этих языковых единиц, позволяют предположить, что их дистрибуции определенным образом связаны друг с другом.

Это предположение подкрепляется следующим интересным фактом.

Глаголы *хотеть*, *желать*, *требовать*, *жаждать*, *ждать*, *просить* (назовем их группа В) не присоединяют *то+чтобы*-клаузы с *то* в аккузативе, присоединяя их с *то* в генитиве, и,

аналогичным образом, не присоединяют имена действия в аккузативе, присоединяя их в генитиве.

(5) *Разве эти люди хотели того/*то, чтобы он, потеряв любовь, старый, одинокий шел к своему заброшенному дому?* [Василий Гроссман. Все течет (1955–1963)]

(5а) *Разве эти люди хотели потери/*потерю любви.*

В таблице 1 отражена дистрибуция *то+чтобы*-клауз и имен действия при вышеописанных группах глаголов.

Таблица 1

группа глаголов	А	БА	ББ	В	
Пример	*настаивать*	*приказывать*	*запрещать*	*хотеть*	
				то в генитиве	*то* в аккузативе
присоединение *чтобы*-клауз	да	да	да	да	
присоединение *то+чтобы*-клауз	да	нет	нет	да	нет
присоединение имен действия	да	нет	да	да	нет

Возникает вопрос: как объяснить дистрибуцию *то+чтобы*-клауз и имен действия?

4. На мой взгляд, запрету на присоединение глаголами группы БА *то+чтобы*-клауз и имен действия можно предложить объяснение, базирующееся на идеях, предложенных в диссертации [Zucchi 1989], и сводящееся к особенностям лексической семантики этих глаголов.

Дзукки рассматривает тот факт, что некоторые матричные предикаты английского языка, такие как believe, know, say и др. глаголы речи, в отличие от других матричных глаголов, не способны присоединять в качестве сентенциального актанта номинализованные клаузы (клаузы, возглавляемые герундием или именем действия.

(6) *John believes the soprano's performing the song

(6a) *John knows the soprano's performing the song

(6b) John hears the soprano performing the song

(6c) John is aware of the soprano's performing the song

Дзукки пересматривает традиционный подход, заключающийся в том, что глаголы первой группы требуют в качестве семантического типа аргумента пропозицию, а глаголы второй группы — событие, указывая на контрпримеры с пропозитивными глаголами во второй группе, типа be aware of, и предлагает выносить семантический тип их аргумента за пределы «настоящих» пропозиций (к которым относятся аргументы глаголов первой группы), относя его к близкому к пропозициям типу т.н. «положению дел». Таким образом, лишь глаголы первой группы в качестве семантического типа аргумента требуют «настоящую» пропозицию. Это позволяет сформулировать гипотезу о том, что «настоящая» пропозиция как сентенциальный актант в принципе не может быть выражена номинализованным дополнением, что дает возможность объяснить запрет на употребление герундия с глаголами первой группы.

Вкратце, подход Дзукки устанавливает (также имеющееся в традиционном подходе) соответствие между синтаксическими противопоставлениями (присоединение/неприсоединение номинализовынных дополнений) и семантических противопоставлений (семантический тип аргумента матричного глагола) и, соответственно, может быть перенесен на исследуемый материал русского языка.

Запрет на присоединение глаголами группы БА *то+чтобы*-клауз и имен действия, при допущении, что данные глаголы в качестве семантического типа аргумента выбирают «настоящую» пропозицию, будет вытекать из «недоступности» для номинализованных дополнений (к которым относятся *то+чтобы*-клаузы и имена действия) данного семантического типа.

Различие между пропозициями и положениями дел достаточно зыбко, однако, если применить его в качестве объяснения указанного запрета, то оно может получить определенное эмпирическое подтверждение:

а) Глаголы группы БА, в отличие от глаголов группы ББ, являются глаголами речи и имплицируют наличие речевого акта. Это проявляется в том, что глаголы группы БА обязательно требуют одушевленного агенса.

Так, если мы сравним глагол из группы БА *приказывать* и глагол со сходным значением из группы ББ *предписывать*, то увидим, что *приказывать* требует одушевленного участника (который бы мог осущесвить соответствующий речевой акт), в то время как *предписывать* — допускает и неодушевленного участника.

(7) *С началом следующей седмицы «сырной», или «сыропустной», более известной как масленица, церковный устав предписывает/*приказывает верующим воздерживаться от мяса.*

(7а) *Батюшка предписал/приказал воздерживаться от мяса.*

б) При отрицании некоторые глаголы из группы ББ допускают *то+чтобы*-клаузу с *то* в генитиве, тогда как подобные конструкции невозможны с глаголами из группы БА. Это показывает, что запрет на *то+чтобы*-клаузу у глаголов группы БА не зависит от синтаксического контекста и связан скорее с семантикой глагола (в то время как запрет на *то+чтобы*-клаузуу глаголов группы ББ предположительно связан с синтаксическим контекстом, а именно с наличием аккузатива).

(8) *Учитель не планировал/*приказывал того, чтобы эти толпы вышли из Иерусалима ему навстречу; об этом позаботились другие.* [www.urantia.ru/book/print.asp?page=1882&lang=1]

5. Учитывая вышеописанные факты про отрицание, а также факты, касающиеся глаголов группы В, можно предполагать, что на запрет на *то+чтобы*-клаузу с глаголами группы ББ, влияет аккузатив, присваиваемый матричным глаголом.

Однако следует заметить, что переходность матричного глагола не является достаточным признаком неприсоединения им *то+чтобы*-клаузы. Так, в группе А также есть глаголы, управляющие аккузативом, такие, как *предусматривать*, *предполагать*, *поддерживать*, *обеспечивать*, *допускать* (назовем их группа АА).

(9) *Этот процесс обеспечивает то, чтобы проект управлялся тем способом, который полностью соответствовал бы требованиям заказчика.* [*www.smartcase.ru/skillsoft/obespech kontrolkach.htm*]

Возникает вопрос: что же отличает глаголы группы ББ от глаголов группы АА, позволяя вторым присоединять *то+чтобы* клаузу?

На мой взгляд, глаголы группы АА отличает то, что они способны присоединять также клаузы с союзом *что* (*что*-клаузы и *то+что*-клаузы), полностью сохраняя лексическое значение.

Как связать этот эмпирический факт с запретом на присоединение *то+чтобы*-клаузы?

(10) *Этот процесс обеспечивает то, что проект управляется тем способом, который полностью соответствует требованиям заказчика.*

Возможность присоединения глаголами группы АА как клауз с союзом *что*, так и клауз с союзом *чтобы*, свидетельствует о том, что семантика матричного глагола не накладывает ограничений на временную референцию зависимого глагола, оставляя время в зависимой клаузе независимым от времени в главной клаузе. В то же время обязательное присоединение клауз с союзом *чтобы* у глаголов группы ББ, напротив, свидетельствует о том, что в зависимой клаузе зависимое время, предопределенное семантикой матричного глагола (а именно следование).

Если обратиться к теории, то в генеративной парадигме существует подход, представленный в работах Песецкого и Торрего, который предполагает эксплицитную связь между аккузативом как одним из структурных падежей и признаком времени. Признак аккузатива и признак времени рассматриваются как реализации одного и того же признака на разных языковых единицах.

Так, номинализация типа destruction, в отличие от глагола destroy, не допускают объект в аккузативе, выражаясь на языке данной теории, — с непроверенным признаком времени, по той причине, что номинализация, в отличие от глагола, не обладает признаком времени и неспособна его «проверить» (а непроверенные признаки вызывают неграмматичность).

Предполагается, что клаузы так же, как и ИГ, обладают непроверенным признаком времени, однако, в отличие от ИГ, этот признак должен проверяться не «внешним» глаголом, а внутри, т.е. в самой клаузе.

Если такая проверка осуществилась, а для этого клауза должна обладать признаком времени с полноценным значением, то данная клауза больше не нуждается во «внешнем» глагольном контексте и расширяет свою дистрибуцию за пределы контекстов, где присваивается падеж (т. е. не подвергается Case Filter), в частности, может выполнять функцию модифицирующей имя существительное относительной клаузы (а имена, как известно, не присваивают падеж). Неполноценное же значение признака времени внутри клаузы, напротив, сужает дистрибуцию клаузы, делая ее похожей на обычную ИГ, требующую «внешней» проверки.

Можно предположить, что в случае глаголов группы АА независимое время в клаузах с союзом *чтобы* делает их сходными с относительными клаузами, тем самым позволяя им сочетаться с ИГ *то*. В то же время в случае глаголов группы ББ зависимое время предположительно делает клаузы с союзом *чтобы* сходными по дистрибуции с ИГ, как бы заставляя их бороться за одну и ту же позицию с ИГ *то*.

Как представляется, такой подход мог бы объяснить запрет на *то+чтобы*-клаузы в случае глаголов группы ББ.

Литература

Zucchi A. The Language of Propositions and Events. Ph.D. thesis, University of Massachusetts, Amherst, 1989.

Pesetsky D., Torrego E. Tense, case, and the nature of syntactic categories. [Final version in *Guéron J., Lecarme J.* (eds.) The Syntax of Time. Cambridge, MA, 2004.]

М. Б. Коношенко

Санкт-Петербург

РЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС ИМЕНИ В СЕВЕРНОМ И ЦЕНТРАЛЬНОМ ДИАЛЕКТАХ ГВИНЕЙСКОГО КПЕЛЛЕ

1. Введение

1.1. Язык кпелле входит в группу юго-западных манде семьи манде. На нем говорят в Либерии и Гвинее (ок. 500 и 300 тыс. соответственно [Gordon 2005]). В докладе будут рассматриваться северный (также называемый *гбали*) и центральный диалекты кпелле, распространенные в Лесной Гвинее [Casthelain 1952].

1.2. Цель настоящего доклада — сравнить системы прагматических маркеров в указанных диалектах с учетом функций каждого из этих средств. Для языка кпелле принципиально важным является семантическое деление имен существительных на автосемантичные (yílê ‘собака’, gwíì ‘банан’) и относительные (léé ‘мать’, húŋɔ́ ‘нос’). В докладе будут обсуждаться обе группы, однако здесь для краткости я касаюсь только автосемантичных имен.

1.4. Представленные материалы собраны в ходе лингвистической экспедиции в Гвинею в январе-марте 2008, организованной В. Ф. Выдриным[1]

2. Гбали

Кодирование референциального статуса осуществляется за счет наличия либо отсутствия суффикса -i.

---

[1] Проект «Интегральное описание южных языков манде: словари, грамматики, корпуса глоссированных текстов», поддержанный грантом РГНФ № 08-04-00144а.

2.1. Тон аффикса зависит от тона основы, к которой тот присоединяется: ɓɛ́láá ‘баран’ — ɓɛ́láái ‘этот баран’, yàlà ‘лев’ — yàlài ‘этот лев’, yílê ‘собака’ — yílêì ‘эта собака’.

2.2. Обычно аффикс выражает *определенность* ИГ (как при наличии детерминатора или рестриктивного определения, так и без него):

(1) Gáá hùyò téɣé-ì, **yílé-í** / ***yílê**
1SG.PF.быть мясо резать-NF собака-DEF собака
kpɛ́!
прогонять
‘Я буду резать мясо, прогони собаку!’

(2) Ńéé àà ŋɔ́ **yɔ̀wɔ́** / ***yɔ̀wɔ́-ì** yáà,
1SG.POSS.мать 3SG.PRF 1SG.POSS топор топор-DEF покупать
ŋàá **yɔ̀wɔ́-ì** / ***yɔ̀wɔ́** (tíí) tɛ̀ɣɛ̀
1SG.PRF топор-DEF топор этот передавать
ńéɣé pɔ̀
1SG.POSS.старший.брат BEN
‘Мама купила мне топор, а я отдал топор своему старшему брату’.

(3) **Yá-í** / ***yá** kó gàà,
река-DEF река 1PL.PF 3SG.PF.видеть
nɛ̀lɛ́ɛ́ ɓé
3SG.PF.быть.красивым COP
‘Река, которую мы видели, красивая’.

2.3. В *генерических* контекстах аффикс появляется только при наличии рестриктивного определения:

(4a) **Níné-ɣáá** gbànáá ɓè, dè wéléè ɓé dè lów-ì
крыса-PL хитрый COP 3PL.PF мочь PRED 3PL.PF прятаться-NF
‘Крысы хитрые, они умеют прятаться’.

(4b) **Níné-ɣáá-ì** dè gbànáà, dè wéléè ɓé
крыса-PL-DEF 3SG.PF хитрый 3PL.PF мочь COP
dè lów-ì
3PL.PF прятаться-NF
‘Те из крыс, которые хитрые, умеют хорошо прятаться’.

2.4. Интересно, что в универсальном употреблении показатель -i обязателен при кванторе lɔ́pé ‘любой, все равно какой’ и невозможен при hɛ́nɛ́ ‘все’ (заметим, что в обоих случаях отсутствует показатель множественного числа):

(5a) Kó wɔ́ ɲààlèè-ì è **níné-í** **lɔ́pé** máá-ɲɔ̀wɔ́
1PL.PF POSS кот-DEF 3SG.? крыса-DEF любой CAUS-бояться
‘Наш кот может испугать любую крысу’.

(5b) Kó wɔ́ ɲààlèè-ì è **níné** **hɛ́nɛ́** máá-ɲɔ̀wɔ́
1PL.PF POSS кот-DEF 3SG.? крыса все CAUS-бояться
‘Наш кот может испугать всех крыс’.

3. Центральный гвинейский кпелле

Референциальный статус ИГ выражается с помощью двух средств: суффиксального показателя -í, всегда имеющего высокий тон, а также морфемы-операции, состоящей в чередовании начальных согласных с понижением тона на первом слоге основы (о понятии морфема-операция см. [Плунгян 2003:67–70]). Таким образом, в центральном кпелле у имени возможны четыре формы:

(6)

Лексема	Словоформы	
yílê ‘собака’	0 — yílê	3 — yílé**í**
	1 — **ɲ**ìlê	2 — **ɲ**ìlé**í**

3.1. Форма 0 кодирует большинство ИГ, не являющихся определенными (9). Об исключениях см. далее.

3.2. Форма 1 используется в ИГ, если референт является *определенным*, причем ИГ состоит из существительного без детерминатора:

(7) Gɛ́ ŋ́ jùyò hû téɣé,
1SG.делать 1SG.DEP DEF.мясо в резать
ɲìlê kpɛ́
DEF.собака прогонять
‘Я собираюсь разделывать мясо, прогони собаку’.

(8) Ŋàá ɓòlù tá kàà **dàà** púlú
1SG.PRF коза один видеть DEF.деревня за
‘Я видел какую-то козу за деревней’.

В (7) и (8) референты слов, означающих ‘собака’ и ‘деревня’, наверняка известны говорящему и слушающему[2] и являются единственными в данной ситуации, поэтому передаются с помощью формы 1.

3.3. Форма 2 (типа ɲìléí) обязательна, если ИГ состоит из существительного с указательным местоимением в качестве детерминатора:

(9) (Wɛ́í ŋ́ yòwâ yáà bèlè mɛ̀-ì.)
вчера 1SG.PST топор покупать.PST DEF.улица поверх-в

a. Ŋ́ **ɲòwá-í** / ***ɲòwâ** tíí tɛ́ɣɛ̂
1SG.PST DEF.топор-DEF DEF.топор этот передавать.PST
ńáŋ̀ pɔ̀
1SG.POSS.отец BEN

b. … Ŋ́ **ɲòwâ** (*tíí) tɛ́ɣɛ̂ ńáŋ̀ pɔ̀
1SG.PST DEF.топор этот передавать.PST 1SG.POSS.отец BEN
‘(Вчера я купил на улице топор.) Я отдал топор отцу’.

Кроме того, форма 2 обязательна, если ИГ, имеющая определенный референциальный статус, является вершиной ограничивающего оборота:

(10) **Nìné-í** kú jòŋ́, è
DEF.крыса-DEF 1PL.PF 3SG.PF.ловить.PF 3SG.PST
kɛ̂ à bɔ̀lɔ̀-pɔ̀lɔ̀
быть с 3SG.PF.старый
‘Крыса, которую мы поймали, была старой’.

И в (9), и в (10) референт ИГ определяется, точнее ограничивается, при помощи детерминатора либо целой клаузы. Поэтому далее я буду называть такой контекст *рестриктивным*.

[2] Что касается референта ‘мясо’ в (7), в предлагаемом стимуле он не обязательно интерпретируется как определенный — ср. пример (1).

3.4. Если ИГ является вершиной ограничивающего оборота, т.е. опять же попадает в рестриктивный контекст, но при этом не имеет определенного референциального статуса, то употребляется форма 3 (типа yíléí). В этом же контексте возможна также немаркированная форма 0, разница между этими вариантами пока неясна:

(11) **Yílé-í** / **yílê** ă kɔ́nɔ́ŋ́ míí kɛ́nɛ́,
собака-DEF собака 3SG.HAB пища есть много
hvà lámúŋ̀
3SG.HAB.NEG длиться
‘Собака, которая много ест, долго не проживет’.

Также форма 3 необходима при универсальном кванторе lɔ́pé ‘любой’, а при кванторе kéléé ‘все’ допустима только форма 0 (ср. (5) в гбали). В отличие от квантора ‘все’, квантор ‘любой’ «выбирает» и выделяет гипотетического референта, что также можно считать разновидностью рестриктивного контекста:

(12a) Kú wó ɲààlèè-í ă **níné** **kéléé** màà-yɔ́ù
1PL.PF POSS кот-DEF 3SG.HAB крыса все CAUS-бояться
‘Наш кот пугает всех крыс (может испугать)’.

(12b) Kú wó ɲààlèè-í ă **níné-í** **lɔ́pé**
1PL.PF POSS кот-DEF 3SG.HAB крыса-DEF любой
màà-yɔ́ù
CAUS-бояться
‘Наш кот пугает любых крыс (может испугать)’.

3.5. Таким образом, несколько упрощая картину, можно представить систему кодирования референциального статуса в центральном варианте гвинейского кпелле в виде таблицы 1:

Таблица 1

		Рестриктивный контекст	
		–	+
Определенный реф. статус ИГ	–	0 — yílê	3 — yílé**í**
	+	1 — ɲìlê	2 — ɲìlé**í**

Итак, в центральном диалекте гвинейского кпелле начальное чередование кодирует собственно определенность ИГ, а суффиксальный показатель используется во всяком рестриктивном контексте, т. е. имеет значение ‘не кто иной как’, которое не следует путать с определенностью.

4. Итоги

В северном диалекте используется один показатель (-i). С помощью него противопоставляются немаркированная и маркированная формы, причем последняя покрывает три вида контекстов из четырех, рассмотренных нами (у автосемантичных имен).

Система центрального диалекта устроена более тонко, так как в ней используются два прагматических маркера, которые в комбинации с немаркированной формой дают четыре формы и позволяют по-разному оформлять ИГ в различных контекстах. Поэтому система центрального диалекта является более иконичной, но зато менее экономной, чем система гбали.

Список условных сокращений

BEN — бенефактив; CAUS — каузатив; COP — копула; DEF — определенный; HAB — хабитуалис; NEG — отрицание; NF — нефинитный; PF — личное местоимение полифункциональной серии; PL — множественное число; PRF — перфект; PST — аорист; POSS — притяжательный; SG — единственное число.

Литература

Плунгян В. А. Общая морфология. М., 2003.

Casthelain J. La langue guerzé: Grammaire et dictionnaire. Mémoires de l’IFAN, Vol. 20. Dakar, 1952.

Gordon R. (ed.). Ethnologue: Languages of the World. Fifteenth edition. Dallas, Tex.: SIL International. 2005. Online version: http://www.ethnologue.com

К. А. Крапивина

Санкт-Петербург

ПРИЧАСТИЯ НА -SƏN И -XƏ В РОЛИ СКАЗУЕМОГО ОТНОСИТЕЛЬНОГО ОБОРОТА В КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ[1]

1. Относительные предложения в калмыцком языке, см. (1), характеризуются следующими особенностями:

(1) [mini ___$_i$ al-sən] ükər$_i$
я.GEN убить-PC.PRF корова
dala üsə ög-dəg bilä
много молоко давать-PC.HAB быть.PST
‘Корова, которую я убил, давала много молока’.

- внешняя вершина относительной группы,
- предшествование относительного оборота вершине,
- пробел (gap) в относительном обороте на месте релятивизуемой позиции,
- возможность релятивизовать все ИГ, находящиеся в иерархии доступности Кинена-Комри [Кинен, Комри, 1982] выше обладателя, т.е. подлежащее, прямое дополнение, дополнение в дательном падеже (непрямое дополнение) и косвенное дополнение (в т.ч. послеложную группу), а также обладателя, связанного с субъектом относительного оборота, см. (2):

(2) gerə-ny shat-sən övgən
дом-P.3 гореть-PC.PRF старик

[1] Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ № 07-06-00278 «Разработка и создание корпусов глоссированных текстов на малых языках России: нанайский, удэгейский, калмыцкий» и основано на материале, полученном в пос. Тугтун Кетченеровского р-она республики Калмыкия в августе 2008 г. в ходе экспедиции, организованной факультетом филологии и искусств СПбГУ.

Elstə nüü-dhə odə-v
Элиста кочевать-CV.IPFV отправляться-PST
‘Старик, дом которого сгорел, переехал в Элисту’.

▪ в случае, когда релятивизуется не подлежащее, субъект относительного оборота как правило стоит в родительном падеже,
▪ в качестве сказуемого относительного оборота используется причастие, причем выбор формы определяется ее видо-временными характеристиками, а не релятивизуемой позицией.

Настоящее исследование посвящено детальному изучению факторов, которые влияют на выбор формы сказуемого относительного оборота.

2. В ходе исследования отдельно рассматривались перфективные и имперфективные употребления причастий, первые из которых представлены в таблице 1, где в строках — основные таксисные значения, а в столбцах — варианты временной локализации ситуации, выраженной в главной клаузе, относительно момента речи:

Таблица 1. Перфектив

	прошлое	настоящее	будущее
предшествование	sən	sən	sən (xə)
одновременность	sən		xə
следование	sən (xə)	xə	xə

Как видно из таблицы, причастие на -sən имеет более широкую сферу употребления и, с одной стороны, используется в контекстах, где имеет место предшествование (независимо от времени ситуации в главной клаузе), а с другой — употребляется во всех случаях, когда ситуация, выраженная причастием, относится к плану прошедшего.

В случае же, когда ситуация, выраженная причастием, следует за некоторой ситуацией в прошлом, но сама локализована в

плане будущего, в качестве сказуемого относительного оборота используется форма на -хə, см. (3)[2]:

(3) Badm-in shkol-də **av-chə**
Бадма-GEN школа-DAT брать-CV.IPFV
ir-xə xotə Zandachanə-v
приходить-PC.FUT суп Занда варить-PST
‘Занда сварила суп, который Бадма возьмет в школу’.

Возможно, это явление связано с тем, что причастие на -хə является основным способом выражения значения будущего времени в независимом предложении, и поэтому носители стремятся употреблять именно эту форму для выражения ситуаций, локализованных в будущем времени.

Однако, несмотря на это, в контексте предшествования ситуации в будущем носителями как правило выбирается причастие на -sən, даже в тех случаях, когда выражаемая им ситуация сама относится к плану будущего, см. (4):

(4) Amerik-asə **ir-sən** küükən-də
Америка-ABL идти-PC.PRF девочка-DAT
bi Elstə üz-ül-xə-v
я Элиста смотреть-CAUS-PC.FUT-1SG
‘Я покажу Элисту девочке, которая приедет из Америки’.

Единственное исключение составляют случаи наличия в зависимой клаузе такого обстоятельства времени, которое бы однозначно указывало на локализацию ситуации в будущем, как, например, maŋqdur ‘завтра’ в примере (5):

(5) maŋqdur **shat-a-xə** / ?? **shat-a-sən**
завтра гореть-CAUS-PC.FUT / гореть-CAUS-PC.PRF
bog-mud-in orəm-də bolnic bär-gəd-xə
мусор-PL-GEN место-DAT больница строить-PASS-PC.FUT
‘На месте кучи мусора, который завтра сожгут, построят больницу’.

[2] То же касается и имперфективных употреблений; далее, в таблице 2, посвященной им, в случае следования за ситуацией в прошлом, будут учитываться только те ситуации, которые сами локализованы в плане прошедшего.

3. Имперфективные употребления образуют несколько более сложную картину, поскольку за счет т.н. показателя прогрессива -dha- количество возможных форм увеличивается с двух до четырех, и в арсенале носителя оказываются причастия на -sən, -хə, -dha-sən и -dha-хə, распределение которых происходит в зависимости от акционального класса глагола, от которого образовано причастие, что отражено в таблице 2 (первым всегда указывается наиболее предпочтительный вариант)[3].

Таблица 2. Имперфектив

	Предш	Одноврем			След		
		прош	наст	буд	Прош	наст	буд
Непредельные <P;P>, стативные <S;S>	sən	sən	dhaxə dhasən	xə	sən	xə	xə
Ингрессивно-непредельные <EP,P;P>, слабые инцептивно-стативные <ES,S;S>, собственно мультипликативные <MP,Q;MP>	sən dhasən	dhasən sən	dhaxə dhasən	xə	sən dhasən	xə	xə
Двупредельные <EP,P,ES;P> ингрессивно-мультипликативные <EMP,MP,Q;MP>	dhasən sən	dhasən sən	dhaxə dhasən	xə	dhasən sən	xə	xə
Слабые предельные <P,ES;P>, стативно-процессные <P,ES,S;P,S>	dhasən sən	dhasən	dhaxə dhasən	xə	dhasən sən	xə	xə
Сильные инцептивно-стативные <ES;S>, сильные предельно-стативные <ES,S;P>, сильные предельные <ES;P>	dhasən	dhasən	dhaxə dhasən	xə	dhasən	xə	xə

[3] В таблице использованы следующие сокращения для аспектуальных интерпретаций: S — состояние, P — процесс, ES — вхождение в состояние, EP — вхождение в процесс, MP — мультипликативный процесс, Q — квант мультипликативного процесса, EMP — вхождение в мультипликативный процесс. Подробнее об акциональных классах глаголов калмыцкого языка см. [Овсянникова 2007].

Анализируя настоящую таблицу, можно прийти к следующим выводам:

▪ Показатель прогрессива -dha- не сочетается с причастием на -хə в контекстах, где оно выражает значение будущего времени (так же, как и при независимом употреблении причастия на -хə).

▪ Причастие на -хə используется во всех случаях, когда ситуация, выраженная относительным оборотом, относится к плану будущего, кроме тех случаев, где имеет место предшествование ситуации в будущем.

▪ Формы на -dha-хə и -dha-sən обе используются для выражения одновременности в настоящем времени, однако многие носители предпочитают форму на -dha-хə, поскольку она не используется в других контекстах, в то время как форма на -dha-sən имеет и другие сферы употребления.

▪ Формы на -sən и на -dha-sən конкурируют друг с другом в контекстах предшествования, одновременности ситуации в прошлом и следования за ситуацией в прошлом, причем чем вероятнее появление у формы предельной интерпретации, тем скорее будет использоваться форма с показателем -dha-. Так, непредельные (например, хää- ‘искать’) и стативные (üürl- ‘дружить’) глаголы употребляются почти исключительно в форме на -sən, а сильные инцептивно-стативные (naald- ‘прилипать’), сильные предельно-стативные (mart- ‘забывать’) и сильные предельные (av- ‘брать’) — в форме на -dha-sən. Пунктивные глаголы (gee- ‘терять’ и ol- ‘находить’) не сочетаются с показателем -dha- в актуально-длительном значении и употребляются только в форме на -sən в значении вхождения в состояние. Необходимость выразить значение одновременности также является «аргументом» в пользу использования показателя прогрессива.

▪ Еще одним фактором, влияющим на выбор формы, является наличие в предложении обстоятельств времени, указывающих на длительность действия (таких как, например, udan ‘долго’), ср. (6) и (7):

(6)	Ajsa dala	möŋgə	üüdə	
	Айса много	деньги	сундук	
	säk-dhä-sən		/	***säk-sən**
	открывать-PROG-PC.PRF			открывать-PC.PRF

kün-də ögə-v
человек-DAT давать-PST
‘Айса дала много денег человеку, который открывал (эту) дверь’.

(7) Ajsa dala möŋgə udan avdər
Айса много деньги долго сундук
säk-sən / ?säk-dhä-sən
открывать-PC.PRF открывать-PROG-PC.PRF
kün-də ögə-v
человек-DAT давать-PST
‘Айса дала много денег человеку, который так долго открывал (этот) сундук’.

Как можно видеть из этих примеров, в случае появления в предложении подобного обстоятельства выбор делается в пользу формы без показателя прогрессива. Таким образом, в данном случае мы можем наблюдать, как экономия берет верх над эксплицитностью, позволяя языку выражать значение длительности любым из двух доступных ему способов.

Список условных сокращений

1 — лицо, ABL — аблатив, CAUS — каузатив, CV.IPFV — имперфективное причастие, DAT — датив, GEN — генитив, P.3 — притяжательный показатель третьего лица, PASS — пассив, PC.FUT — причастие будущего времени, PC.HAB — хабитуальное причастие, PC.PRF — причастие прошедшего времени, PL — множественное число, PROG — прогрессив, PST — прошедшее время, SG — единственное число.

Литература

Кинен Э. Л., Комри Б. Иерархия доступности именных групп и универсальная грамматика // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 11. М., 1982.

Овсянникова М. А. Акциональные классы глаголов калмыцкого языка // Четвертая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей: Материалы. СПб, 2007.

Н. В. Кузнецова

Санкт-Петербург — Тарту

СРАВНИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФОНОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ СОЙКИНСКОГО И НИЖНЕЛУЖСКОГО ДИАЛЕКТОВ ИЖОРСКОГО ЯЗЫКА[1]

1.1. В докладе рассматривается сегментная и (кратко) супрасегментная фонология двух сохранившихся к настоящему моменту диалектов ижорского языка. Нижнелужский диалект подвергся сильному влиянию соседних языков — водского, ингерманландского финского, отчасти эстонского — и наиболее сильно выделяется на фоне других ижорских диалектов (см. диалектологическое исследование [Лаанест 1966]). Можно сказать, что нижнелужский ижорский входит в своеобразный языковой союз родственных прибалтийско-финских идиомов, сложившийся на Нижней Луге. Нижнелужский ижорский довольно сильно эволюционировал, по сравнению с сойкинским, хэваским и оредежским диалектами, в сторону сближения с водским (говоры по правому берегу Луги и по р. Росонь) и отчасти с ингерманландским финским (прежде всего говоры по левому берегу Луги). В результате оказывается, что для ижорского языка в целом не имеется ни одной фонетической или морфологической изоглоссы, которая объединяла бы все ижорские диалекты и одновременно отделяла бы их от прочих прибалтийско-финских языков данного ареала (см. [Муслимов 2005; Рожанский 2008]).

Эволюция фонологической системы нижнелужского диалекта привела к развитию в ней существенных типологических отличий от системы сойкинского диалекта. Наиболее важными с точки зрения типологии являются процессы, связанные с **редукцией гласных неначального слога** и **перестройкой акцентной системы**. Эти процессы, в числе прочих следствий, способство-

[1] Исследование выполнено при поддержке грантов РГНФ, проекты 08-04-00172а, 08-04-00152а.

вали развитию в нижнелужских говорах **регулярной корреляции согласных по твердости/мягкости**. Именно на этих явлениях и будет сосредоточено в докладе основное внимание.

1.2. Основным материалом для данной работы послужили полевые материалы, собранные автором и другими исследователями в ходе четырех лингвистических экспедиций на Сойкинский полуостров и на Нижнюю Лугу в 2006–2008 гг. под руководством Ф. И. Рожанского. Важными источниками являются также словарь ижорских диалектов Р. Нирви [Nirvi 1971] и обратный морфологический словарь [Jussila 1986], составленный на основе словаря Нирви. Кроме того, использовались архивные записи нижнелужского и сойкинского диалекта, сделанные Р. Нирви, А. Лаанестом, Л. Хакулиненом и др. в 60-е гг. XX в[2].

2.1. Система **кратких гласных** начального слога корневых морфем в сойкинском и нижнелужском диалектах полностью совпадает:

Таблица 1. Краткие гласные начального слога корневых морфем

ряд / подъем	передний		средний	задний
	лаб.	нелаб.		
верхний	i	ü	*ы*	u
средний	e	ö		o
нижний	ä			a

2.2. Как сойкинские, так и нижнелужские говоры демонстрируют два основных типа фонологической организации системы долгих гласных начального слога корневых морфем (см. таблицы 2 и 3).

В ряде говоров сойкинского диалекта (преимущественно на юге полуострова) система II образовалась в результате «повышения» этимологических долгих гласных среднего подъема: *ē, ȫ, ō > ī ǖ ū. В нижнелужских говорах по левому берегу Луги и по р. Россони система II образовалась засчет дифтонгизации указан-

[2] Пользуясь случаем, хочу поблагодарить Центр исследования языков Финляндии (KOTUS) в Хельсинки за предоставление доступа к этим записям.

ных гласных: *ē, ȫ, ō > ie, üö, uo[3]. Различие рефлексов этимологических долгих гласных среднего подъема представляет собой важную изоглоссу, противопоставляющую различные прибалтийско-финские идиомы, однако существенной типологической значимости не имеет. Обратимся теперь к вокализму неначальных слогов.

Таблица 2. Система I

ряд / подъем	передний		зад-ний
	лаб.	нелаб.	
верхний	ī	ǖ	ū
средний	ē	ȫ	ō
нижний	ǟ		ā

Таблица 3. Система II

ряд / подъем	передний		зад-ний
	лаб.	нелаб.	
верхний	ī	ǖ	ū
неверхн.	ǟ		ā

3.1. Важным для фонетики и фонологии многих прибалтийских языков является понятие стопы. Стопа — это последовательность из 1–3 слогов, в рамках которой наблюдается более сильная фонетическая и фонологическая связь между сегментами, чем на межстопных границах. В ижорском языке, как и, например, в родственном эстонском, действует фонетическая **тенденция к изохронии стопы**. Язык стремится к сохранению некоторой постоянной длительности стопы вне зависимости от ее сегментного состава. Соответственно, в более длинных по количеству сегментов стопах происходит фонетическое «сокращение» сегментов, в более коротких — наоборот, их «продление». Действием этой тенденции объясняется, в частности, наличие ярко выраженного автоматического просодического продления гласного 2-го слога (средняя длительность 160 мс) в стопе с первым кратким слогом (открытым, содержащим краткий гласный): /k´ala/ [k´ałà] ‘рыба’.

Во втором слоге стопы с первым долгим слогом (закрытым и/или содержащим долгий гласный) имеется контраст кратких и продленных (110–130 мс) гласных. Краткие гласные часто под-

[3] Оговоримся, однако, что система II в большинстве случаев представляет собой некоторый предел, а в реальности в соответствующих говорах, как правило, все же имеются отдельные маргинальные лексемы (типа r´oozevoj ‘розовый’ и др.), содержащие долгие гласные среднего подъема.

вергаются количественной и иногда качественной редукции, однако при медленном произнесении полный гласный, как правило, восстанавливается. Продленные гласные в предшествующих исследованиях [Ariste 1960; Лаанест 1966; Nirvi 1971 и др.] считались фонологически долгими. Но продленные гласные второго слога стопы стабильно сопровождаются продлением определенного сегмента в первом слоге[4]. Продление в первом слоге противоречит автоматической фонетической тенденции к изохронии стопы, поэтому должно получать объяснение на фонологическом уровне. Поэтому я предпочитаю считать все гласные дальше первого слога корневых морфем фонологически краткими, а все явления продления и редукции описывать через т.н. «стопические акценты», легкий и тяжелый, например: /l´iña/ [l´iñə] <город.NOM.SG>, /l´iña-n/ [l´iñən] <город-GEN> vs. /l`iña/ [l´iñà] <город.PRT.SG>, /l`iña-s/ [l´iñàž] <город-INS> [Кузнецова 2006]. Сойкинский диалект имеет сложную морфонологическую систему, в которой имеются не только сегментные чередования фонем в алломорфах, но и чередования акцентов. Система гласных неначальных слогов полностью совпадает с системой кратких гласных начального слога корневых морфем (единственным исключением является отсутствие фонемы /ы/).

3.2. Система согласных фонем сойкинского диалекта, как и способ организации супрасегментных единиц, близки системе литературного эстонского языка. В языке существует магистральная оппозиция по силе, пронизывающая всю систему консонантизма и представляющая собой прямую параллель оппозиции по долготе/краткости в системе вокализма. Слабые и сильные смычные, а также фрикативные /s/ : /s̄/, /h/ : /h̄/ в интервокальной позиции противопоставлены не только по признаку краткости/долготы, но и по признаку звонкости/глухости. Для оппозиции по силе также характерна ее нейтрализация в начале и конце фонетического слова и в кластерах шумных согласных. Силовая оппозиция на сегментном уровне коррелирует с оппозицией ак-

[4] В зависимости от структуры стопы, это может быть: второй гласный дифтонга (в словах типа /k´oira/ ‘собака’), первый гласный консонантного кластера (/k´ülmä/ ‘холодный’), долгий гласный (/s´īvi/ ‘крыло’), сильный (долгий) согласный (/l´iña/ ‘город’).

центов на супрасегментном уровне. Система согласных в целом достаточно компактна и имеет сравнительно небольшую периферию маргинальных фонем (переднеязычные палатализованные, фонемы f, č):

Таблица 4. Система согласных сойкинского диалекта

	губные	пер.-яз.	ср.-яз.	зад-яз.
смычные ртовые	**p p̄**	**t t:**	t' t̄'	**k k̄**
смычные носовые	**m m̄**	**n n̄**	n' n̄'	
фрикативные	f f̄	**s s̄**	*s′ s̄′*	**h h̄**
аффрикаты			č, č̄	
аппроксим. латер.		**l l̄**	l' l̄'	
аппроксим. дрож.		**r r̄**	*r′ r̄′*	
глайды	**v v̄**		**j j̄**	

Примечание: жирным шрифтом выделены кардинальные фонемы, без шрифтового выделения — периферийные, курсивом — крайне периферийные (встречаются только в заимствованиях и экспрессивной лексике).

4.2. Нижнелужская фонологическая система представляет собой новый типологический этап просодического развития данной системы по направлению от «**квантового**» к «**волновому**» типу [Кодзасов, Кривнова 2001: 458–459]. Контраст кратких и продленных гласных в неначальных слогах стопы с первым долгим слогом переходит в контраст кратких и редуцированных. Развивается непроясняемая шва; кроме того, для редуцированных гласных в некоторых говорах характерно т.н. «глухое» произнесение (без участия голоса). В отличие от сойкинского диалекта, постулировать стопические акценты для нижнелужского уже не имеет смысла, поскольку количественный контраст гласных в неначальном слоге не сопровождается наличием/отсутствием продления в первом слоге. Т.е. контраст фонетически «локализуется» во втором слоге, и более простым оказывается его описание на сегментном уровне. Например (говор д. Ванакюля): /liñ~liñə/ [liñ~l´iñə] <город.NOM.SG> vs. /liña/ [l´iña] <город.PRT.SG>, /kuk̄ŏ/ [k´uk̄o̯] <петух.NOM.SG> vs. /kuk̄o/ [k´uk̄o] <петух.PRT.SG>. Набор редуцированных гласных еще подлежит уточнению для каждого

конкретного нижнелужского говора, но, по-видимому, он варьирует в следующих пределах:

Таблица 5. Максимальная система

ряд / подъем	передний		задний
	лаб	нелаб	
верхний	ĭ ŭ̆		ŭ
средний	ĕ ŏ̆		ŏ
нижний	ă̆		ă

Таблица 6. Минимальная система

лаб. / подъем	нелабиал.	лабиализ.
верхний	ĭ	ĭ̊ (<[ŭ̆/ŏ̆])
неверхний	ə (<[ă/ă̆/ĕ])	ə̊ (<[ŭ/ŏ])

4.3. Редукция гласных неначального слога стопы во многом обусловила дальнейшую эволюцию системы консонантизма. В этом смысле история нижнелужского говора напоминает эволюцию от праславянской фонологической системы к древнерусской. Корреляция по палатализации развивается для подавляющего числа согласных фонем. Параллельно исчезновению системы акцентов происходит и расщепление корреляции согласных по силе на корреляцию по долготе и (для смычных и s) корреляцию по звонкости/глухости. Система консонантизма становится крайне неоднородной с обширной периферией маргинальных фонем.

Таблица 7. Система согласных нижнелужского диалекта

		губн.	губн. палат.	пер.-яз.	пер.-яз. палат.	двух фок.	зад-яз.	зад.-яз палат.
смыч. ртовые	глух.	**p p̄**	p' *p̄'*	**t t:**	t' t̄'		**k k̄**	*k' k̄'*
	звон.	*b b̄*	*b'*	*d d̄*	*d' d̄'*		*g*	*g'*
смыч. нос.		**m m̄**	m' *m̄'*	**n n̄**	n' n̄'			
фрика-тивные	глух.	*f f̄*	*f'*	**s s̄**	s' *s̄'*	š š̄	**h h̄**	h' *h̄'*
	звон.			*z z̄*	*z' z̄'*	*ž*		
аффрик.					c	*č*		
аппрокс. латер.				**l l̄**	**l' l̄'**			
аппрокс. дрож.				**r r̄**	r' *r̄'*			
глайды		**v v̄**	v' v̄'		**j j̄**			

Примечание: данная система консонантизма соответствует минимальной системе редуцированных гласных фонем. Шрифтовое выделение как в таблице 4.

Список условных сокращений

NOM — номинатив; GEN — генитив; PRT — партитив; INS — инессив; SG — ед. ч.; [´] — ударение; [à] — продление краткой или долгой фонемы; [ḁ] — глухой гласный; /a/ — лабиализованный гласный; /´/ — легкий акцент; /ˆ/ — тяжелый акцент.

Литература

Лаанест А. Ижорские диалекты. Лингвогеографическое исследование. Таллинн, 1966.

Рожанский Ф. И. Ижорский язык с точки зрения языкового континуума. Доклад на конференции «Дульзоновские чтения — XXV», Томск, ТГУ, 26–29 июня 2008.

Муслимов М. З. Языковые контакты в Западной Ингерманландии (нижнее течение реки Луги). Дисс… канд. фил. наук. СПб., 2005.

Nirvi R. Inkeroismurteiden sanakirja. Helsinki, 1971.

Jussila R. Inkeroismurteiden käänteissanasto. Helsinki, 1986.

Ariste P. Isuri keelenäiteid // Keele ja kirjanduse instituudi uurimused. V. Tallinn, 1960.

Кузнецова Н. В. Акцентология ижорского языка (сойкинский диалект) // Третья конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Материалы. Санкт-Петербург, 2006.

Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф. Общая фонетика. М., 2001.

О. В. Кузнецова

Санкт-Петербург

ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ГУРО[1]

1. Предварительные замечания

Язык гуро относится к южной группе семьи манде, на нем говорят 332 тысячи человек (по оценке 1993 года) в центральной части Кот д'Ивуара. Исследование проводилось в 2006–2007 годах в Абиджане на материале диалекта Зуенуля.

В гуро, как и в других южных манде, выделяются две группы стратегий релятивизации: правосторонняя релятивизация, построеннная по модели адьективного определения, и левосторонняя, построенная по модели генитивной синтагмы [Выдрин 2007: 321]. В гуро нет безвершинных релятивных клауз (РК), то есть релятивизируемая именная группа (РИ) всегда выражена эксплицитно.

В гуро представлены два типа правосторонних РК: с внешней и внутренней вершиной. Они оформляются различными маркерами релятивизации.

2. Правосторонняя релятивизация с маркером le

РИ является частью главного предложения; релятивизатор le занимает позицию после РИ, и в релятивной клаузе, и в главном предложении РИ дублируется местоимениями. РИ либо сохраняет свою синтаксическую позицию в главной клаузе (1), либо передвигатется (вместе с последующей РК) в начало предложения (2). Релятивизатор le в позиции после среднего, высокого или восходящего тонов сохраняет свой лексический тон (средний), а после низкого или падающего лексический тон заменяется на низкий.

---

[1] Исследование выполнено при поддержке РГНФ № 08-04-00144а и Швейцарского национального фонда научных исследований (проект SUBJ 062156.00).

(1) Án tɔnɛ dɔ-a lı zàn
1SG:REFL ухо останавливать-IPFV женщина RESP
[lè è é lɛlɛ zìín vɔ-a] bhɛ, à lɛ̀
REL 3SGS IPFV песня красота сеять-IPFV там 3SGNS для
‘Я слушаю женщину, которая хорошо поет’.

(2) Lı zàn [lè è é lɛlɛ zìín vɔ-a]
женщина RESP REL 3SGS IPFV песня красота сеять-IPFV
bhɛ, án tɔnɛ dɔ-a à lɛ̀
там 1SG:REFL ухо останавливать-IPFV 3SGNS для
Перевод тот же.

Связка à, входящая в состав эквативной, квалификативной, локативной конструкций и результатива, в РК заменяется на связку cı. При этом в РК опускается субъектное местоимение третьего лица единственного числа, дублирующее РИ, наличие самой связки cı — факультативно.

(3) È à i pu ma zàn nya
3SGS COP 2SG близкий на AG с
‘Он твой сосед’.

(4) Gɔnɛ zàn [lè (cı) i pu ma zàn nya] bhɛ
мальчик RESP REL COP 2SG близкий на AG с там
wò à le wı́ fı́ pɔ́sê là
3PL 3SGNS POSS дело говорить.PFV радио на
‘По радио говорили о твоем соседе (о человеке, который является твоим соседом)’.

Посредством этой стратегии могут релятивизироваться все возможные синтаксические позиции из иерархии Кинена-Комри [Keenan, Comrie 1977]: от подлежащего до посессора, как при автосемантичных, так и при относительных существительных (объект сравнения в гуро занимает позицию косвенного дополнения).

Эта стратегия используется прежде всего для релятивизации ИГ, обладающих высоким референтным статусом. Поэтому РК, образованные согласно этой модели, чаще всего сопровождаются наречием bhɛ ‘здесь, там’, который может выполнять функцию постпозитивного определенного артикля.

3. Правосторонняя релятивизация с маркером ân

Релятивизируемая именная группа является частью РК; релятивизатор ân помещается справа от РИ. Как и в предыдущем случае, РК либо выносится в крайне левую позицию, либо сохраняет свою исходную позицию в главном предложении. В общем случае в главном предложении релятивизируемая позиция замещается местоимением.

(5) I bɩ yala pá lɩ nyáná ta miní
2SG сын лицо класть NMLZ работа на превосходить.PFV
[an nyáná nɔ́ gɔnɛ ân lɛ̀ bhɛ] à lɛ̀
1SG работа давать мальчик REL для там 3SGNS для
‘Твой сын прилежнее мальчика, которому я поручил работу’.

Внутри самой РК возможна топикализация, при которой РИ вместе с релятивизатором помещается в начало клаузы, а ее позиция заполняется местоименной репризой.

(6) [An pu ma gɔnɛ zàn ân án mâ wí
1SG близкий на мальчик AG REL 1SG.REFL на дело
fí à lɛ̀] à na é bò nâ
говорить.PFV 3SGNS для 3SGNS жена 3SG сам место
gɔɔ̀n lɔ́lú bhɩlɩ zàn nya
показывать губы есть AG с
‘Жена соседа, с которым я говорил о своих делах, оказалась болтливой’.

Для этой стратегии релятивизации действуют определенные ограничения: по-видимому, ân не может релятивизировать ИГ в позиции посессора, для нее доступны только ранги субъекта, прямого и косвенного дополнений. Однако было бы неверно считать, что эта стратегия в общем применяется к более высоким рангам иерархии, поскольку в большинстве доступных нам примеров РИ занимает в РК позицию косвенного дополнения. Причем характерны употребления, где релятивизируемое косвенное дополнение является сирконстантом; в таких случаях в соответствующей позиции в главном предложении нет местоименной репризы.

(7) [Fɛ dùùn$_i$ wɪ́ lɛɛ́ ân mà] mi fáá à$_i$
вещь выстрел звучать год rel на человек все 3SGNS
vun má
звук слышать.PFV
‘В год, когда прозвучал выстрел, все люди услышали его’.

3.1. В подобных конструкциях в качестве РИ может выступать существительное fɛ , имеющее лексическое значение ‘вещь’, а в данном случае использующееся как десемантизированный элемент, заполняющий обязательную синтаксическую позицию; тогда значение конструкции зависит от послелога при этом имени.

(8) [Dè pɔlɔ́ɔ̀ gä fɛ ân nà], à
когда многоножка умирать.PFV вещь REL на ART.SG
nà lè wà sɔ́nɛ́ ye
место это.есть 3PL>3SGNS колючки видеть.IPFV
‘Именно там, где умирает многоножка, находят ее панцирь’.

(9) [Aàn à yɪ-nâ fɛ ân zʊ̀] bhɛ è
1SG>3SGNS COP видеть-PROG вещь REL как там 3SGS
é sɔ-a nyáná kʊ́ pa-lɪ nya
IPFV мочь-IPFV работа этот класть-GER с
‘Эту работу можно сделать способом, который я знаю’.

3.2. Особый случай представляют РК с союзом dè ‘когда, если’. РИ таких конструкций, в отличие от РИ бессоюзных РК, обязательно должна быть нереферентна.

(10) [Dè sɔ ân è ká sɔ́-à i ma]
когда одежда REL 3SGS NEG мочь-IPFV 2SG на
lo te bhe wʊ mi bɛ̀ mà lo
NEG PROH 2SG.OPT>3SGNS носить человек другой на NEG
‘Если одежда плохо сидит на тебе, не прикрывай ею другого’.

4. Левосторонняя релятивизация

При левосторонней релятивизации предикат РК представлен отглагольным именем, совпадающем по форме с корнем глагола с его лексическими тонами, никакого специального маркера релятивизации при этой стратегии не используется. РК помеща-

ется в позицию генитивного определения, слева от РИ. Позиция, соответствующая РИ в составе РК, остается незаполненной.

(11) Án tɔnɛ dɔ-a [∅ lɛlɛ zìín vɔ
1SG:REFL ухо останавливать-IPFV песня красота сеять
lɩ] zàn lɛ̀
женщина AG для
‘Я слушаю женщину, которая хорошо поет’.

(12) Ya kʊ́ à bɛ̀nɛ̀ miní
агути этот 3SGNS величина превосходить.PFV
[an ∅ lɔ́] bholi
1SG покупать коза
‘Этот агути больше, чем коза, которую я купил’.

При использовании этой стратегии для релятивизации оказываются доступными ранги подлежащего и прямого дополнения, есть отдельные примеры релятивизации косвенного дополнения, но доступность этого ранга нуждается в проверке. На данный момент у нас также нет достаточного количества примеров для описания синтаксических свойств этой конструкции при релятивизации косвенного дополнения. Однако глагола sɔ́ ‘мочь, любить’ демонстрирует необычный синтаксический порядок, где РИ оказывается отделена от своего послелога глаголом.

(13) Núnù sɔ́ à lɛ̀ kaii
ребенок.PL любить 3SGNS для сильно
‘Он очень любит (этих) детей’.

(14) È é da-an bàná nya [é sɔ́ lɛ̀
3SGS IPFV приходить-IPFV подарок с 3SG любить для
kaii] (*// [∅ sɔ́ à lɛ̀ kaii]) núnù lɛ̀
сильно любить 3SGNS для сильно ребенок.PL для
‘Он приносит подарки детям, которых он очень любит’.

Левосторонняя релятивизация служит основой для продуктивных моделей словообразования, прежде всего для образования имен деятеля, где вершиной является существительное zàn ‘хозяин’.

(15) lu lâ pá zàn
трава на класть хозяин
‘охотник’

(16) bàlà tâ bín zàn
баран на следить хозяин
‘пастух’

Список условных сокращений

ИГ — именная группа; РИ — релятивизируемая именная группа; РК — релятивная клауза; AG — имя деятеля; COP — бытийная связка; GER — герундий; IPFV — имперфектив; NEG — показатель отрицания; NS — несубъектное местоимение; OPT — оптатив; PFV — перфектив; POSS — показатель принадлежности; PROH — прохибитив; REFL — рефлексивное местоимение; RESP — уважительная частица; S — субъектное местоимение.

Литература

Выдрин В. Ф. Стратегии релятивизации в языках манде (на примере дангуэта и бамана) // Выдрин В. Ф. (ред.). Африканский сборник — 2007. Санкт-Петербург, 2008.

Keenan E. L., Comrie B. Noun phrase accessibility and universal grammar // Linguistic Inquiry, 1977. № 8.

А. Б. Летучий

Москва

КЛАССЫ ГЛАГОЛОВ В АДЫГЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ[1]

Одной из ключевых проблем грамматики является классификация частей речи и более мелкие классификации — в частности, классификация глаголов. Однако разные граммМатические процессы могут быть ориентированы на различные классификации глаголов. Мы покажем это на примере адыгейского языка — полисинтетического языка западнокавказской семьи.

Морфологический критерий

В классической работе [Рогава, Керашева 1966] выделяются следующие классы глаголов: непереходные (одновалентные и многовалентные), переходные и инверсивные.

Критерий выделения переходных и непереходных глаголов понятен: это позиция личных префиксов. Согласно [Smeets 1984], существует три таких позиции: позиция показателя абсолютивного актанта (ABS), эргативного агенса (A) и эргативного непрямого объекта (IO). При переходных глаголах один согласовательный маркер занимает позицию маркера абсолютива, а другой позицию маркера агенса. При непереходных двухвалентных глаголах один маркер занимает абсолютивную позицию, а другой — позицию непрямого объекта. Существуют лабильные глаголы, которые могут быть и переходными, и непереходными.

Выделить инверсивные глаголы гораздо сложнее. Авторы грамматики пишут о них не в морфологических терминах, а скорее в семантических: «реальный субъект является грамматически косвенным объектом» [Рогава, Керашева 1966: 98]. Проще гово-

---

[1] Работа выполнялась из средств гранта РГНФ № 08-04-00191а. Материалы для данного исследования были собраны во время экспедиций Института лингвистики РГГУ в Республику Адыгея. Мы хотели бы поблагодарить всех участников этих экспедиций за плодотворное сотрудничество.

ря, под инверсивными глаголами подразумеваются такие глаголы восприятия и обладания, у которых экспериенцер или обладатель кодируется эргативом, а стимул или обладаемое — абсолютивом: например, jəʔen ‘иметь’ (букв. ‘иметься у кого-л.’) и т.д. Только по позиции личных префиксов выделить инверсивный класс невозможно. Любой глагол имеет абсолютивный аргумент: тем самым, возможны только два сочетания: <ABS (S); IO> и <A; ABS (DO)>.

Именно поэтому мы применили другой критерий для выделения классов глаголов — мы называем его деривативным. Классы глаголов выделялись в соответствии с тем, как образуются от глагола реципрок и рефлексив.

Деривационный критерий

Неожиданным образом, деривативный критерий дает совершенно иную картину, чем морфологический. Выделяемые им классы гораздо мельче.

Реципрок

Согласно [Рогава, Керашева 1966] и [Paris 1987], реципрок отделяет переходные глаголы от всех остальных. Только при кореферентности A и DO переходного глагола используется маркер zere-, во всех остальных случаях — ze-. По нашим данным, ситуация сложнее, см. таблицу 1.

Тем самым, реципрок выделяет пять (!) ключевых классов глаголов: переходные, непереходные (вместе с потенциальными дериватами), инверсивные глаголы, инадвертитивные дериваты и каузативы от переходных глаголов.

A = DO, переходный глагол:

(1) zere-wəʔa-ʁe-x
REC(A)-ранить-PST-PL(ABS)
‘Они друг друга поранили’.

A= IO, трехвалентный переходный глагол:

(2) te wəne-xe-r ze-fe-t-ṣ̌ə-ʁ
мы дом-PL-ABS REC(IO)-BEN-1PL.A-делать-PST
‘Мы построили друг для друга дома’.

Таблица 1. Образование реципрока от адыгейских глаголов

Тип кореферентности	Маркер	Слот
A = DO, переходный глагол	zere-	A
A = IO, трехвалентный переходный глагол	ze-	IO
A = DO-объект каузатива от переходного	zere-	A[2]
S = IO, непереходный глагол	ze-	IO
S = IO, инверсивный глагол	ze-	IO или ABS
S = IO, потенциальный дериват на fe-	ze-	IO
S = IO, инадвертитивный дериват[3] на ʔəč̣'e-	ze-, zere-	IO, ABS
A = IO-каузируемый каузативного глагола	zere-	IO, A

A = IO-каузируемый каузативного глагола:

(3) ʔ$_w$efŝak̦$_w$e-xe-m čəg$_w$ə-r ja-zere-ʁe-pχə
работник-PL-OBL поле-ABS 3PL.IO-REC(A)-CAUS-пахать
'Работники заставляют друг друга пахать поле'.

S = IO, непереходный глагол:

(4) a-xe-r zə-m zə-r zə-š'eg$_w$əʁ$_w$ə-x
он-PL-ABS один-OBL один-ABS REC(IO)-надеяться-PL(ABS)
'Они друг на друга надеются'.

Инверсивный глагол:

(5) a-xe-m z-a-š'ə-g$_w$əpše-ž'ə-ʁ
он-PL-OBL REC(ABS)-3PL.A-LOC-забыть-RFC-PST
'Они друг о друге забыли'.

---

[2] В целях экономии места пример на данный случай не дается, поскольку аналогичным образом реципрок образуется от непроизводного переходного глагола.

[3] Инадвертитивными дериватами мы называем дериваты на ʔeč̣'e-, обозначающие неумышленное действие. Потенциальные дериваты обозначают возможность совершить действие. При инадвертитивной и потенциальной деривациях переходный глагол перестает быть таковым.

Потенциальный дериват:

(6) a-xe-r ze-fe-λeʁ$_w$ə-xe-r-ep
он-PL-ABS REC(IO)-BEN-видеть-PL(ABS)-ABS-NEG
‘Они не могут видеть друг друга’.

Инадвертитив:

(7) a. aməṣ̂axew ʔeč̣’e-zere-wəč̣a-ʁe-x
нечаянно INADV-REC(IO)-убить.AP-PST-PL(ABS)
‘Они нечаянно убили друг друга’.

b. č̣’ale-xe-m z-a-ʔeč̣’e-wəʔe-ž’ə-ʁ
парень-PL-OBLREC(ABS)-3SG.IO-INADV-ранить-RFC-PST
‘Парни нечаянно друг друга поранили’.

c. č̣’ale-xe-r ze-ʔeč̣’e-wəč̣’a-ʁe-x
парень-PL-ABS REC(IO)-INADV-убить.AP-PST-PL(ABS)
‘Парни нечаянно друг друга убили’.

Рефлексив

Рефлексив делит глагольные классы менее дробно. Однако, с другой стороны, в отличие от реципрока, рефлексив различает непереходные глаголы и потенциальные дериваты на fe- (см. таблицу 2).

A = DO, переходный глагол:

(8) z-jə-wəč̣’ə-ʁ
REFL(ABS)-3SG.A-убить-PST
‘Он совершил самоубийство’.

S = IO, непереходный глагол

(9) ʁ$_w$ənǯe-m-č̣e s-jə-ze-pλə-ž’ə-ʁ
зеркало-OBL-INS 1SG.ABS-LOC-REFL(IO)-смотреть-RFC-PST
‘Я посмотрел на себя в зеркало’.

S = IO, инверсивный глагол:

(10) azamat zə-Ø-š’e-g$_w$əpša-ʁ
Азамат REFL(ABS)-3SG.IO-LOC-забыть-PST
‘Азамат о себе забыл’ (напр., увлекшись чем-л.).

Таблица 2. Образование рефлексива от адыгейских глаголов.

Тип кореферентности	Маркер	Слот
A = DO, переходный глагол	ze-	ABS
A = IO, трехвалентный переходный глагол	ze-	IO
A = IO-каузируемый каузатива от переходного глагола	ze-	IO[4]
S = IO, непереходный глагол	ze-	IO
S = IO, инверсивный глагол	ze-	ABS или IO
S = IO, потенциальный дериват	ze-	ABS
S = IO, инадвертитивный дериват	ze-	ABS
A = DO-объект каузативного глагола	ze-	ABS

Потенциальный дериват:

(11) s-ʔa me-wəzə-ŝ
1SG-рука DYN-болеть-CONV
zə-s-fe-wəpsə-š’t-ep
REFL(ABS)-1SG.IO-BEN-брить-FUT-NEG
‘У меня болит рука, и я не могу побриться’.

Инадвертитив:

(12) se zə-s-ʔeč̣’e-wəʔa-ž’ə-ʁ
я REFL(ABS)-1SG.IO-INADV-RFC-поранить-PST
‘Я нечаянно ранил себя’.

Итак, образование реципрока и рефлексива позволяет выделить шесть классов глаголов:

1. переходные стандартные
2. каузативы от переходных глаголов (используют *zere-* при кореферентности A = IO)
3. непереходные
4. инверсивные
5. инадвертитивы
6. потенциальные дериваты[5]

[4] В целях экономии места примеров на A = IO не дается, так как рефлексивизация происходит так же, как при двухвалентных непереходных глаголах.

Несколько слов о лабильных глаголах. Они не выделяются как единый синтаксический класс. Однако некоторые из их непереходных употреблений (напр., q_wəten ‘разбиться’) не допускают каузативации. В этом смысле они уникальны среди всех адыгейских непереходных глаголов.

Выводы

Наши данные выявляют следующую важную проблему. Поскольку адыгейский — полисинтетический язык (несколько актантов в нем выражаются в глаголе, именные группы могут не выражаться в предложении и т.д.), казалось бы естественным, если бы классификация глаголов также строилась исключительно на морфологических критериях (т.е., если бы синтаксические классы глаголов выделялись по набору личных показателей так же, как в языках типа русского они выделяются по набору падежных ролей).

Сами механизмы глагольной деривации действительно можно описать «морфологически» (например, «при переходном глаголе префикс zere- занимает агентивный слот»).

Однако для описания классов глаголов, к которым применяются деривации, чисто морфологического объяснения недостаточно. Никаких недеривационных критериев для выделения большинства классов не существует. Так, потенциальный дериват fe-λeʁ$_w$ən ‘мочь видеть’ по набору и позиции личных аффиксов не отличаются от бенефактивного деривата fe-ḳ$_w$en ‘идти для кого-л.’ — непереходного глагола.

Также нет оснований полагать, что актанты потенциальных, инадвертитивных и стандартных непереходных глаголов имеют различный синтаксический статус (например, непрямого vs. косвенного объекта). Различие этих классов глаголов, сформулированное на материале дериваций, и проявляется только в

[5] Количество классов могло бы возрасти, если бы мы упомянули уникальные лексемы типа потенциального деривата от zexe-xən ‘слышать’ — fe-zexe-xən ‘мочь слышать’. Это единственный потенциальный дериват, присоединяющий реципрок по «переходному» типу.

способах деривации[6]. Исключением являются каузативы от переходных глаголов: семантико-синтаксические критерии также выявляют особый статус этих дериватов (подробнее см. [Летучий 2006; Аркадьев, Летучий 2007]).

Единственная возможность — признать, что адыгейские актантные деривации опираются на **особый «деривационный» уровень** языка. Иначе говоря, рефлексив и реципрок учитывают тип «предыдущей» актантной деривации (или цепочки деривраций), затронувшей тот же глагол:

– особым образом образуются дериваты от результатов понижающих дериваций (потенциалиса и инадвертитива)
– особым образом образуются дериваты от каузативов

Именно деривационный критерий дробит глаголы на мелкие классы, в то время, как число классов по остальным критериям сводится к двум — переходные и непереходные. В докладе мы покажем, что типологически это достаточно необычно.

Список условных сокращений

ABS — абсолютив; ADV — адвербиальный суффикс; AP — антипассив; BEN — бенефактив; CAUS — каузатив; CONV — деепричастие предшествования; DIR — директивный преверб; DYN — динамический преверб; FUT — будущее время; INADV — инадвертатив; LOC — локативный преверб; NEG — отрицание; OBL — косвенный (эргативный) падеж; PL — множественное число; PST — прошедшее время; REC — реципрок; REFL — рефлексив; RFC — рефактив; SG — единственное число.

[6] Нужно сказать, что вообще для адыгейского языка чисто синтаксические тесты не дают почти никаких результатов, поскольку такие механизмы, как кореферентное опущение, часто являющееся тестом на свойства глагола и его актантов, не ограничены определенным синтаксическим статусом актанта.

Литература

Аркадьев П. М., Летучий А. Б. Типологически нетривиальные свойства адыгейского каузатива // Четвертая Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Материалы докладов и лекций. Санкт-Петербург, 2007.

Летучий А. Б. Адыгейский каузатив: синтаксис и структура ситуации // *Потанина О. В. и др.* (ред.). Международный симпозиум LENCA-3. Тезисы докладов. Томск, 2006.

Рогава Г. В., Керашева З. И. Грамматика адыгейского литературного языка. Краснодар — Майкоп, 1966.

Paris C. Comment sont remplies en tcherkesse les functions dévolues dans d'autres langues aux variations de diathèse. Actances 3, 1987.

Smeets R. Studies in West Circassian Phonology and Morphology. Leiden, 1984.

Д. Ф. Мищенко

Санкт-Петербург

ДЕЕПРИЧАСТНЫЕ ФОРМЫ С ПОКАЗАТЕЛЯМИ -DH И -AD В КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ

В докладе рассматриваются особенности употребления в калмыцком языке деепричастий с показателями -dh и -ad, анализируется взаимодействие семантики аффиксов с аспектуальными компонентами значения глагольной лексемы. Кроме того, предпринимается попытка определить закономерности выбора формы деепричастия при образовании сложных глаголов[1].

Традиционно в литературе, посвященной калмыцкому языку, основное различие в семантике показателей -dh и -ad определяется таксисным отношением между действиями, выражаемыми деепричастной и финитной формами глагола. Деепричастие на -dh Г. Д. Санжеев называет соединительным. Оно «обозначает действие, которое тесно связано с основным действием». Соединительные деепричастия «во времени могут сопутствовать или предшествовать основным действиям, выраженным глаголами» [Санжеев 1983: 252]. В отличие от них, деепричастие на -ad, называемое разделительным, «обозначает побочное действие, обычно предшествующее действию основного глагола» [Санжеев 1983: 255].

Аффиксы -dh и -ad обладают базовой семантикой. Так, основное значение показателя -ad — предшествование действию, выраженному финитной формой глагола. Деепричастие с показателем -dh выражает одновременность действий. При этом форма на -ad может употребляться как в односубъектных, так и в разно-

---

[1] Материал получен в ходе лингвистической экспедиции в пос. Ергенинский и пос. Тугтун Кетченеровского района респ. Калмыкия, организованной филологическим факультетом СПбГУ в 2007-2008 гг. Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ № 07-06-00278 «Разработка и создание корпусов глоссированных текстов на малых языках России: нанайский, удэгейский, калмыцкий». Автор благодарен участникам экспедиции за помощь.

субъектных клаузах. Деепричастие на -dh, напротив, употребляется только в односубъектных клаузах.

Однако таксисное прочтение деепричастной формы во многом зависит от акциональной характеристики лексемы. В ходе экспедиции были проанализированы возможные интерпретации значения деепричастий, образованных от глаголов различных акциональных классов. Для этого использовалась таблица, составленная М. Овсянниковой по результатам полевых исследований в 2007 г. Выяснилось, что глаголы со стативной, непредельной или слабой предельной процессной и мультипликативной семантикой могут употребляются в форме на -ad со значением одновременности (1).

(1) Zurəg xälä-qäd Lida eckə-ny
рисунок смотреть-CV.ANT Лида отец-P.3
duudə-v
звать-PST
‘Глядя на картинку, Лида позвала отца’.

Возникающая многозначность снимается при помощи показателя -chk. Деепричастие на -chk-ad может выражать лишь значение предшествования, ср. (2а) и (2б).

(2а) Radio soŋs-ad küükən
радио слышать-CV.ANT девочка
örä-də orə-v
комната-DAT входить-PST
‘Слушая радио, девочка вошла в комнату’.

(2б) Radio soŋs-chk-ad küükən
радио слышать-PRF.TR-CV.ANT девочка
örä-də orə-v
комната-DAT входить-PST
‘Послушав радио, девочка вошла в комнату’.

Глаголы с сильной предельной и мультипликативной семантикой употребляются в форме на -dh со значением предшествования, при этом мультипликативный глагол будет выражать значение кванта (3).

(3) Kövün qäräd-dhə güü-dhə
мальчик прыгать-CV.IPFV бежать-CV.IPFV
odə-v
отправляться-PST
‘Мальчик прыгнул и побежал дальше’.

Таким образом, взаимодействие аспектуальных компонентов значения глагола и семантики показателя деепричастия можно представить в виде таблицы 1.

Таблица 1

	S	P, MP	ES, Q
-dh	Одновременность	Одновременность	Одновременность
			Предшествование
-ad	Одновременность	Одновременность	Предшествование
	Предшествование	Предшествование	

В случае конкуренции предпочтительнее оказывается форма на -ad. Именно она является наиболее частотной в речи носителей языка.

Во многом частотность деепричастия на -ad связана еще с одной его функцией — нарративной. В. П. Недялков называет нарративными деепричастия, которые могут выражать последовательность трех и более совершенных действий, продвигающих вперед повествование [Nedjalkov 1995]. В монгольских языках обычно выделяют два деепричастия, способных участвовать в образовани нарратива. Так, В. П. Недялков относит к нарративным деепричастиям современного монгольского формы на -ž и -aad [Nedjalkov 1995]. В калмыцком языке нарративную функцию выполняет только деепричастие на -ad.

(4) Emchə ködlməsh-än ke-qäd
доктор работа-P.REFL делать-CV.ANT
möŋg-än av-ad mashin
деньги-P.REFL брать-CV.ANT машин
deer suu-qad ger qar-ad jovə-v
на сидеть-CV.ANT дом выходить-CV.ANT идти-PST
‘Доктор сделал свое дело, получил деньги, сел в машину и поехал домой’.

Деепричастные формы смыслового глагола с показателями -dh и -ad, сочетаясь со вспомогательным глаголом, образуют аналитические конструкции.

Имперфективное значение выражается в сочетании деепричастия на -dh с глаголом bää- ‘быть’ и jov- ‘идти’. Деепричастие на -ad с глаголами suu- ‘сидеть’, kevt- ‘лежать’, bää- ‘быть’ и jov- ‘идти’ образует конструкции, выражающие различные типы глагольной множественности: итератив, интенсив, хабитуалис.

Множественность объектов выражается в сочетании деепричастия на -ad и глагола xaj- ‘бросать’.

Комплетивная семантика может быть передана в сочетаниях с ork- ‘класть’ и od- ‘уходить’ с обеими деепричастными формами. Распределение зависит от акциональной характеристики смыслового глагола и происходит следующим образом: сильные предельные глаголы, как правило, употребляются в форме деепричастия на -dh, а стативные и непредельные — в форме на -ad. С мультипликативными и слабыми предельными глаголами допустимы обе формы, но выбор почти всегда совершается в пользу деепричастия на -dh.

В сложных глаголах со вспомогательными глаголами av- ‘брать’ и ög- ‘дать’, употребляющихся для передачи значения бенефактива и рефлексивного бенефактива соответственно, обычно используется деепричастие на -dh. В материалах экспедиции встретились также конструкции с дееепричастием на -ad, однако, по всей видимости, в таком случае сложный глагол распадается.

Подобным образом распадаются и конструкции со вспомогательными глаголами направления ir- ‘приходить’, or- ‘входить’, od- ‘уходить’ и qar- ‘выходить’, употребленные с деепричастием на -ad от смыслового глагола с семантикой способа перемещения. Носители языка употребляют в таких конструкциях деепричастие на -dh.

Из таблицы 2 видно, что деепричастие на -dh проявляет тенденцию к закреплению в составе сложных глаголов, именно ему отдается предпочтение в случае альтернативы. Деепричастие на -ad оставляет за собой лишь позицию в составе форм, выражающих количественную аспектуальность.

Таблица 2

Bää-	Имперфектив		-dh
	Результатив	ES	-dh
	Гл. множественность		-ad
Jov-	Имперфектив		-dh
	Гл. множественность		-ad
Ork-	Комплетив	S	-ad
		P, MP	-ad
		ES, Q	-dh
Od-	Комплетив	S	-ad
		P, MP	-ad
		ES, Q	-dh
Suu-	Гл. множественность		-ad
Kevt-	Гл. множественность		-ad
Xaj-	Гл. множественность		-ad
Ög-	Бенефактив		-dh
Av-	Рефл. бенефактив		-dh
Ir-, or-, od-, qar-	Направление		-dh

Таким образом, в ходе работы было выявлено стремление рассматриваемых деепричастий к разделению функций: форма на -ad употребляется преимущественно в качестве самостоятельного предиката зависимой деепричастной клаузы, а форма на -dh — как компонент аналитической конструкции.

Список условных сокращений

CV.ANT — разделительное деепричастие, CV.IPFV — соединительное деепричастие, DAT — датив, ES — вхождение в состояние, EXT MP — мультипликатив, P — процесс, P.3 — притяжательный показатель 3 лица, P.REFL — возвратная частица, PRF.TR — перфектив, PST — прошедшее время, Q — квант, S — состояние.

Литература

Санжеев Г. Д. Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология. Элиста, 1983.

Nedjalkov V. P. Some typological parameters of converbs // Converbs in a Cross-Linguistic Perspective. Berlin—New York, 1995.

Т. В. Никитина

Санкт-Петербург — Стэнфорд

ДОПОЛНЕНИЯ ИСХОДНОГО И КОНЕЧНОГО ПУНКТОВ ДВИЖЕНИЯ: к типологии «расщепленных» систем кодирования

1. Предварительные замечания

В данной работе речь пойдет о кодировании исходного и конечного пунктов перемещения при лексических единицах, участвующих в выражении направленного движения, прежде всего — при глаголах. В основе исследования лежит следующее наблюдение: в некоторых языках семантические роли исходного и конечного пунктов перемещения систематически противопоставлены лишь при отдельных глаголах движения, в то время как при других глаголах эти роли формально не различаются. Такую систему кодирования можно считать «расщепленной», так как (не)выражение семантического противопоставления исходный vs. конечный пункт обусловлено в ней лексически.

Как правило, в языках данного типа большинство глаголов движения однозначно определяют роль своего дополнения; такие глаголы распадаются на «глаголы движения из исходного пункта» и «глаголы движения в конечный пункт», в зависимости от типа управления. Ниже приводится пример такой пары специализированных глаголов [Рожанский 2000: 61]; как видно из этого примера, в языке бамана, как и во многих других языках манде, значения исходного и конечного пунктов перемещения не различаются на уровне послелогов; их различение происходит исключительно за счет глагола, ср. работы: [Creissels 2006; Nikitina 2008, (в печати)].

(1) a. mɔ̀gɔ́‘ tùn bɛ́ kà táa dùgú` kɔ́nɔ́
человек PAST PROG идти.в деревня в
‘Человек шел в деревню.’

б. mɔ̀gɔ́ˋ tùn bɛ́ kà bɔ́ dùgúˋ kɔ́nɔ́
человек PAST PROG идти.от деревня в
‘Человек шел из деревни.’

Отдельные глаголы, однако, представляют собой исключение из этого правила и не ограничивают семантическую роль своего дополнения. В результате одно и то же предложение может получать различное прочтение в зависимости от контекста. Так, например, предложение (2) на языке уан (манде) может описывать как падение с крыши (например, человека), так и падение на крышу дома (например, плода или подбитой птицы).

(2) è siā kú é pēŋ
3SG падать.PAST дом DEF наверху
‘Он упал с [крыши] дома’ или ‘Он упал на [крышу] дома’.

Цель данной работы заключается в том, чтобы наметить некоторые закономерности, характеризующие распределение глаголов движения по двум классам (специализированные, как в примерах (1а), (1б), и неспециализированные, как в (2) в языках с «расщепленной» системой кодирования исходного и конечного пунктов перемещения.

2. «Расщепленная» система кодирования в языке уан

В языке уан распределение глаголов по двум группам с разным типом управления четко соотносится с их семантическими характеристиками. В частности, свободно сочетаться с дополнениями как исходного, так и конечного пункта перемещения могут лишь глаголы, налагающие дополнительные ограничения на тип исходного и конечного пунктов перемещения. Подобные ограничения, заложенные в семантике глагола, чрезвычайно важны для определения семантической роли в конкретной ситуации; благодаря им, отдельные типы дополнений могут однозначно соотноситься с исходным или конечным пунктом.

Прототипическим случаем такого глагола можно считать глагол вертикального перемещения siá ‘падать’, а также схожий с ним по значению глагол zià ‘спускаться’. Поскольку эти глаголы предполагают, что перемещение направлено сверху вниз, т.е. исходный пункт перемещения должен находиться выше, чем его

конечный пункт, целый ряд дополнений могут соотноситься лишь с одной из двух ролей. Так, например, поверхность земли может служить лишь конечным пунктом падения, а крыша дома или верхушка дерева с большой вероятностью будет выступать в качестве его исходного пункта, по крайней мере, в немаркированном контексте и в случае, когда речь идет о человеке.

Другой тип глагола, ограничивающего тип исходного и конечного пунктов перемещения, представлен в языке уан глаголом mlā̃ ‘выходить’, предполагающим, что перемещение происходит из замкнутого и более тесного пространства в открытое и более просторное (так, внутренняя часть комнаты, как правило, выступает при этом глаголе в качестве исходного пункта, в то время как улица или поле могут являться только конечным пунктом).

Точно так же тип дополнения соотнесен с его семантической ролью в случае с глаголами glà ‘брать’ и zò ‘приходить’, определяющими перемещение как происходящее в направлении субъекта действия или в направлении дейктического центра, соответственно; конечный пункт перемещения может описываться в этих случаях лишь дополнениями, непосредственно соотносящимися, соответственно, с субъектом (его руки, карманы и т.п.) или с дейктическим центром.

Благодаря дополнительным ограничениям такого рода, определение роли каждого конкретного дополнения в контексте оказывается значительно упрощено по сравнению с дополнениями при глаголах, никак не ограничивающих тип исходного и конечного пунктов перемещения. Последние однозначно определяют роль своего дополнения на уровне управления, т.е. сочетаются лишь с одним определенным типом дополнения (подробнее о распределении глаголов движения по двум классам и их семантике см. в работе [Nikitina, в печати].

3. Неспециализированные глаголы-исключения в других языках

Неспециализированые глаголы-исключения, нейтрализующие противопоставление исходного и конечного пунктов, встречаются в целом ряде неродственных языков. В языке майя, как и в языке уан, семантические роли исходного и конечного пунктов не различаются на уровне предлогов/послелогов, а ко-

дируются на уровне глагольного управления. Иными словами, глаголы движения распадаются на специализированные «глаголы перемещения из исходного пункта» и «глаголы перемещения в конечный пункт», в зависимости от того, с каким дополнением они употребляются. Единственный глагол-исключение, упомянутый в работе [Bohnemeyer, Stolz 2006: 300], — глагол lúub ‘падать’; этот глагол употребляется с обоими типами дополнения.

Похожая ситуация наблюдается в языке науатль с дейктически ориентированным глаголом hūitz ‘приходить’, который также не определяет однозначно роль дополнения [Launey 1981: 55]. В языке суахили нейтрализация противопоставления исходного и конечного пунктов свойственна глаголу -rudi ‘возвращаться’, который также предполагает принципиальное несовпадение характеристик исходного и конечного пунктов [Stolz 1993: 211–212].

Все перечисленные глаголы-исключения объединяет тот элемент значения, который характеризует неспециализированные глаголы в языке уан: несовпадение характеристик исходного и конечного пунктов, заложенное в глагольной семантике.

4. Выводы

В языках с нейтрализацией противопоставления исходного и конечного пунктов движения глаголы нередко распадаются на два класса в зависимости от типа управления: специализированные глаголы однозначно определяют семантическую роль своего дополнения, в то время как дополнения при неспециализированных глаголах могут соотноситься как с исходным, так и с конечным пунктом перемещения. Данные, представленные в этой работе, позволяют предположить, что неразличение пространственных ролей на уровне управления свойственно прежде всего тем лексическим единицам, в значении которых заложено принципиальное несовпадение характеристик исходного и конечного пунктов перемещения. Эта особенность глагольной семантики существенно упрощает задачу по определению роли дополнения в контексте, в результате чего может возникнуть «расщепленная» система, в которой тип глагольного управления соотносится с его семантическими свойствами.

Литература

Рожанский Ф. И. Направление движения (типологическое исследование) // Арутюнова Н. Д., Левонтина И. Б. (ред.). Логический анализ языка. Языки пространств. М., 2000.

Bohnemeyer J., Stolz Ch. Spatial reference in Yukatek Maya: A survey // Levinson S. C., Wilkins D. (eds.). Grammars of Space. Cambridge, 2006.

Creissels D. Encoding the distinction between location, source, and destination: a typological study // Hickmann M., Robert S. (eds.). Space in Languages: Linguistic Systems and Cognitive Categories. Amsterdam, 2006.

Launey M. Introduction à la langue et à la litterature aztèques. Tome 1: Grammaire. Paris, 1981.

Nikitina T. Locative terms and spatial frames of reference in Wan // Journal of African Languages and Linguistics, 2008. № 29.1.

Nikitina T. Subcategorization pattern and lexical meaning of motion verbs: A study of the Source/Goal ambiguity // Linguistics. (в печати).

Stolz Th. Simple vs. complex local relators: A tentative clarification // Müller-Bardey Th., Drossard W. (eds.) Aspekte der Lokalisation: Beiträge zur Arbeitsgruppe «Lokalisation» bei der Tagung der Deutschen Gesellschaft für Sprachwissenschaft in Bremen, 1992. Bochum, 1993.

М. А. Овсянникова

Санкт-Петербург

ОТГЛАГОЛЬНЫЕ ПРЕДЛОГИ РУССКОГО ЯЗЫКА В СВЕТЕ ТЕОРИИ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ

1.

Объектом исследования является группа отглагольных предлогов русского языка, т.е. таких предлогов, источником для возникновения которых послужили деепричастия. В исследуемую группу (всего 13 единиц) входят предлоги разной структуры (например, *учитывая*, *несмотря на*, *смотря по*), даже на первый взгляд — разной степени грамматикализованности (*благодаря*, *невзирая на*, *судя по*), принадлежащие к разным семантическим группам (со значением времени — *спустя*, с пространственным значением — *не доходя до*, со значением темы — *учитывая*, *исходя из* и др.). Данные отглагольные предлоги рассматриваются нами с точки зрения степени грамматикализованности, выясняемой на основании их семантических и синтаксических свойств.

2.

Возникновение предлогов — служебных слов, обладающих грамматической функцией, — из знаменательных слов является одним из проявлений грамматикализации. Грамматикализация — процесс, «в ходе которого лексические единицы и конструкции в определенных контекстах начинают выполнять грамматические функции» [Hopper, Traugott 2003: XV]. Грамматикализационные изменения являются постепенными и характеризуются тем, что «языковые единицы теряют семантическую сложность, прагматическую значимость, синтаксическую свободу и фонетический материал соответственно» ([Heine, Reh 1984: 15] цит. по [Майсак 2005: 39]). Последовательность таких изменений можно проследить диахронически для отдельной единицы или класса единиц, значительно отдалившихся от источника. Кроме того, возможен синхронический взгляд на грамматикализацию группы изофункциональных единиц, находящихся на разных стадиях граммати-

кализационного процесса: разные точки канала грамматикализации в этом случае соответствуют тому или иному набору свойств одной или группы единиц.

3.

Класс предлогов является достаточно разнородным: наряду с ядерными представителями класса (так называемыми первообразными предлогами — *для*, *на*, *через*) существуют единицы, более и менее отдалившиеся от источника возникновения (ср., например, *между*, *ради*, *вопреки* и *благодаря*, *согласно*, *в качестве*). На периферии класса можно выделить группы предлогов по частеречной принадлежности источника: например, отсубстантивные, отглагольные предлоги.

Постепенное изменение свойств единиц в ходе процессов грамматикализации обусловливает существование единиц промежуточной частеречной принадлежности, но не совсем ясно, каким именно образом происходит изменение их свойств: с одной стороны, грамматикализующиеся единицы утрачивают частеречные особенности источника; с другой стороны, они приобретают свойства более грамматических служебных слов. Происходят ли эти два процесса одновременно и в равной мере начиная с ранних стадий грамматикализации или сначала преобладающей является, скажем, утрата свойств источника?

В исследовании проводилось сравнение предлогов одинакового происхождения с точки зрения утраты свойств источника; конечно, такие свойства не позволяют сравнивать предлоги разного происхождения, однако на ранних стадиях грамматикализации именно утрата свойств источника позволяет говорить о начинающихся процессах грамматикализации, поскольку малограмматикализованные единицы еще не приобрели свойств ядерных членов класса.

Для сравнения группы отглагольных предлогов необходимо найти параметры, которые покажут постепенность грамматикализационных изменений и позволят выстроить все исследуемые предлоги в ряд или по группам по степени грамматикализованности. Такие количественные параметры отражают степень проявления того или иного свойства через частотность употребления единицы в контекстах, где проявляется это свойство.

4.

Источники почти всех отглагольных предлогов — деепричастия от глаголов, обычно употребляющихся с личным подлежащим (*учитывать*, *взирать*, *судить*). Можно предположить, что, если подлежащее главной клаузы является неличным, интерпретация единицы в качестве деепричастия исключена (1), в то время как в (2) допустимы обе интерпретации (примеры заимствованы из Национального корпуса русского языка).

(1) ***Исходя из*** *нашего анализа, речевой сигнал чревовещания сохраняет все характеристики нормальной речи*. [Силаева О. Л., Ильичев В. Д., Дубров А. П. Кот, говорящий по-азербайджански // «Первое сентября», 2003]

(2) Следуя этой логике, всех чиновников всех министерств и государственных аппаратов, всех профсоюзных лидеров мира, всю международную *бюрократию* <…> *надо переселить в целиком прозрачные здания*. [Юлия Попова. Прозрачные намерения // «Эксперт: Вещь», 2003]

Один из использованных в исследовании параметров — частотность таких контекстов употребления отглагольных предлогов, в которых исключены любые интерпретации, кроме предложной.

5.

Второй изучавшийся параметр — степень синтаксической связи предлога с зависимым. Для того, чтобы проверить степень связи предлога с зависисмым, был проведен эксперимент, который основывался на следующем наблюдении: при употреблении фокусных частиц для фокализации зависимого первообразного предлога вставка частицы между предлогом и его зависимым невозможна или нежелательна (**в именно семье*, **через именно лес*).

Проверка допустимости разных позиций частицы по отношению к предлогу — это проверка двух разных закономерностей: чем более тесной является связь между предлогом и именной группой, тем менее допустимым будет разрыв предложной группы частицей; чем более обобщенным является значение предлога, тем более вероятно, что прагматическое выделение зависимого предлога будет происходить «сквозь» предлог, т. е. даже при вы-

делении именной группы частица может находиться и до, и после предлога.

Таблица 1

предлог	Личные подлежащие	Неличные подлежащие
благодаря	23	77
не считая	26	74
несмотря на	29	71
включая	32	68
начиная с	41	59
смотря по	45	55
судя по	47	53
спустя	53	47
учитывая	56	44
исходя из	61	39
невзирая на	75	25
не доходя до	90	10
следуя	93	7

Необходимо отметить, что по отношению к этому параметру существуют структурные различия между отглагольными предлогами: если для однокомпонентных предлогов (*благодаря*, *включая*) проверяется возможность вставки между предлогом и именной группой, то для предлогов более сложного строения (*не доходя до*, *несмотря на*) проверяется скорее степень целостности предлога, степень лексикализованности сочетания. Несмотря на то, что не получается добиться полной однородности исследуемых параметров объектов, можно попробовать провести анализ допустимости употребления частиц в разных позициях, учитывая возможное влияние различий между единицами.

В результате эксперимента получается следующая последовательность отглагольных предлогов с точки зрения приемлемости вставки фокальной частицы от наименее приемлемого: *начиная с*, *благодаря*, *не считая*, *несмотря на*, *невзирая на*, *исходя из*, *смотря по*, *включая*.

Несмотря на то, что в эксперименте были проверены не все отглагольные предлоги, приведенные в Таблице 1, можно сказать, что иерархии предлогов по степени грамматикализованнности, полученные в результате применения двух разных незави-

симых критериев, в основном совпадают. К полюсу более грамматикализованных единиц принадлежат предлоги *благодаря*, *не считая*, *несмотря на*, *начиная с*, менее грамматикализованнными по этим критериям оказались предлоги *смотря по*, *исходя из*.

6.

Исследование показывает, что существуют такие проверяемые свойства грамматикализующихся предлогов, которые позволяют выстроить их в ряд по степени граммматикАлизованнности. Хотя ряды предлогов, получаемые в результате применения разных параметров, и не совпадают совершенно, можно заметить, что есть некоторые группы предлогов, которые устойчиво сохраняют положение на шкале друг относительно друга, хотя порядок внутри группы может немного варьировать.

Два независимых друг от друга параметра дали сходные результаты, как кажется, не противоречащие интуиции; результаты анализа примеров Корпуса и данные эксперимента показывают, что по крайней мере между использованными параметрами есть связь, предположительно — связь со степенью грамматикализованности того или иного предлога.

В основе проверяемых параметров — предположение о взаимосвязанном развитии семантической и синтаксической сторон знаков; каждый из параметров — синтаксический, однако объясняются оба семантическими изменениями, происходящими в ходе грамматикализации.

Параметры, которые поддаются подсчету для множеств предлогов, позволяют, выстраивая предлоги в ряд по степени грамматикализованности, увидеть постепенность перехода через частотные распределения различных употреблений единиц.

Литература

Майсак Т. А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М., 2005.

Heine B., Reh M. Grammaticalization and Reanalysis in African Languages. Hamburg, 1984.

Hopper P. J., Traugott E. C. Grammaticalization. Cambridge. 2003.

С. А. Оскольская

Санкт-Петербург

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ МНОЖЕСТВЕННОСТИ УЧАСТНИКОВ В КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ[1]

В калмыцком языке (монгольский, алтайский) множественность участников может быть выражена с помощью глагольных суффиксов -сха-, -ld- и -lc-. Перечисленные суффиксы во многих случаях, которые будут подробно рассмотрены ниже, употребляются факультативно.

Глагольный суффикс -сха- употребляется только для выражения значения множественности участников. Этот суффикс не является согласовательным показателем и относится скорее к области глагольной множественности, чем именной. На это указывают такие контексты, в которых употребление суффикса -сха- оказывается допустимым, несмотря на то, что подлежащее стоит в единственном числе:

(1)	Kün	xurəg-tə	ir-cxä-sən	uga
	человек	собрание-DAT	приходить-PLR-PC.PRF	NEG.COP

‘Никто не пришел на собрание’.

В предложении (1) суффикс -сха- употребляется, поскольку в пресуппозиции участниками ситуации является некоторое множество людей — собрание предполагает множественность участников. Однако подлежащее стоит в единственном числе, и несмотря на это, употребление суффикса -сха- допустимо.

В другом случае употребление суффикса -сха- запрещено, хотя формально подлежащее стоит во множественном числе:

---

[1] Исследование проводится при поддержке гранта РФФИ № 07-06-00278 "Разработка и создание корпусов глоссированных текстов на малых языках России: нанайский, удэгейский, калмыцкий" и основано на материалах, собранных в ходе лингвистических экспедиций 2006-2008 гг. в респ. Калмыкия (пос. Ергенинский, пос. Тугтун), организованных факультетом филологии и искусств СПбГУ.

(2a) Tadən shirä deer-äsə aaq-mud av-tən
2PL стол поверхность-ABL тарелка-PL брать-2PL
‘Вы (PL/вежл. SG) берете тарелки со стола’.

(2b) Tadən shirä deer-äsə aaq-mud
2PL стол поверхность-ABL тарелка-PL
av-cxa-tən
брать-PLR-2PL
‘Вы (PL/*вежл. SG) берете тарелки со стола’.

В примере (2a) невозможен суффикс -cxa-, если речь идет об одном участнике, а подлежащее выражено вежливой формой второго лица единственного числа, которая совпадает с формой второго лица множественного числа.

Показатели -ld- и -lc- семантически не столь однозначны, и глаголы с этими суффиксами часто оказываются лексикализованными. Значение этих показателей зависит от значения глагольной основы, к которой они присоединяются, и от контекста рассматриваемого глагола.

Суффикс -ld- может употребляться как факультативный показатель множественности участников (3), помимо этого он может также обладать реципрокальным значением (4). В обоих случаях наличие этого показателя требует семантически множественного субъекта.

(3a) Ämtən inä-nä / inä-(ld)-nä.
люди смеяться-PRS смеяться-RECP-PRS
‘Люди смеются’.

(3b) Kün inä-nä / *inä-ld-nä
человек смеяться-PRS смеяться-RECP-PRS
‘Человек смеется’.

(4a) Ämtən neg neg-tä-qän cokə-ld-na
люди один один-with-P.REFL бить-RECP-PRS
‘Люди дерутся друг с другом’.

(4b) Ämtən noxa cok-(ld)-na
люди собака.ACC бить-RECP-PRS
‘Люди бьют собаку’.

Показатель -ld- может быть обязательной составляющей единицей реципрокальной конструкции (как в (4a); в этом случае он меняет аргументную структуру глагола: использование полной именной группы в аккузативе (как в (4b) становится невозможным.

Использование суффикса -ld- не единственный способ образования реципрокальной конструкции. Употребление реципрокального местоимения neg negän ‘друг друга’ (5) оказывается гораздо более продуктивным методом. В этом случае суффикс -ld- также может употребляться, однако он становится факультативным и не меняет аргументную структуру глагола (форма винительного падежа местоимения neg negän ‘друг друга’ допустима).

(5) Baatər Badma xojr neg neg-än cokə-(ld)-na
Баатр Бадма два один один-P.REFL бить-RECP-PRS
‘Баатр и Бадма дерутся друг с другом’.

Число глагольных основ, которые присоединяют к себе суффикс -ld- в реципрокальном значении, строго ограничено. С теми же глагольными основами этот показатель может иметь значение множественности участников без реципрокального компонента, хотя это употребление оказывается менее естественным. Так, в примере (6) рассматриваемый показатель, очевидно, не несет в себе реципрокального компонента значения, в то время как в примерах (4a) и (5) точно такая же словоформа (с той же глагольной основой) является частью реципрокальной конструкции:

(6) Ämtən noxa cokə-(ld)-na
люди собака.ACC бить-RECP-PRS
‘Люди бьют собаку’.

С помощью суффикса -ld- могут образовываться как субъектно-ориентированные (4a) и (5), так и объектно-ориентированные конструкции (7).

(7) Badma üür-müd-än neg neg-tä-qän
Бадма друг-PL-P.REFL один один-with-P.REFL
tanyə-ld-ul-v
знать-RECP-CAUS-PST
‘Бадма познакомил друзей друг с другом’.

Значение некоторых глаголов зависит от типа реципрокального показателя. При употреблении реципрокального выражения neg negän ‘друг друга’ у глагола сохраняется исходное значение (8a). В то время как при употреблении суффикса -ld- у глагола может развиться дополнительное значение (8b).

(8a) Madən neg neg-än üz-dhä-nä-vidən
1PL один один-P.REFL видеть-PROG-PRS-1PL
‘Мы видим друг друга’ (*‘Мы встречаемся друг с другом’).

(8b) Madən (neg negən-tä-qän) üzə-ld-ü-vidən
1PL (один один-with-P.REFL) видеть-RECP-PST-1PL
‘Мы встречаемся (друг с другом)’ (*‘Мы видим друг друга’.)

В случае с некоторыми другими глаголами похожая картина наблюдается при выборе между реципрокальным выражением neg negän и суффиксом -lc-:

(9a) Madən neg neg-än xälä-dhä-nä-vidən
1PL один один-P.REFL глядеть-PROG-PRS-1PL
‘Мы глядим друг на друга’ (*‘Мы присматриваем друг за другом’).

(9b) Madən neg negən-d-än xälä-lc-nä-vidən
1PL один один-DAT-P.REFL глядеть-SOC-PRS-1PL
‘Мы присматриваем друг за другом’ (*‘Мы глядим друг на друга’).

Суффикс -lc- может выражать социативное значение. В отличие от показателя -ld-, употребление показателя -lc- возможно только в том случае, если участники совершают одно и то же действие совместно:

(10) Ämtən maxən tus tus-t-an
люди мясо напротив напротив-DAT-P.REFL
shar-cxa-na / sharə-ld-na / *sharə-lc-na
жарить-PLR-PRS жарить-RECP-PRS *жарить-SOC-PRS
‘Люди жарят мясо по отдельности’.

Другое возможное значение суффикса -lc- — ассистив. В. П. Недялков [Nedjalkov 2007: 38] отмечает, что значение ассистива подразумевает «двух участников, инициатора действия и

помощника, каждый представляет собой одного или группу людей, которые совместно совершают одно действие. Инициатор действия оказывается в не-подлежащной позиции (обычно в дательном падеже), а помощник занимает позицию подлежащего».

(11a) Bi gerə shird-nä-v
1SG дом красить-PRS-1SG
‘Я крашу дом’.

(11b) Enə nandə gerə shirdə-lc-nä.
этот 1SG.DAT дом красить-SOC-PRS
‘Он помогает мне красить дом’.

В калмыцком языке суффикс -lc- в ассистивном значении тоже лексикализован и употребляется достаточно редко. Носители языка предпочитают использовать другую конструкцию, без этого показателя, для выражения ассистивного значения:

(12) Enə nandə gerə shird-xə
этот 1SG.DAT дом красить-PC.FUT
nökəd bol-dha-na
помощник становиться-PROG-PRS
‘Он помогает мне красить дом’.

Иногда выбор между морфологическим показателем ассистива (-lc-) и конструкцией с выражением nökəd bol- влияет на ряд возможных интерпретаций предложения: использование конструкции с выражением nökəd bol- допускает значение, предполагающее «дистантную» ситуацию:

(13a) Ekə kövün-d-än degtər
мать сын-DAT-P.REFL книга
umshə-lc-cha-na
читать-SOC-PROG-PRS
‘Мать помогает своему сыну читать книгу’.
[1. ‘мать сидит рядом со своим сыном, и они вместе читают книгу’; 2. *‘мать находится на работе и отвечает по телефону на вопросы сына, который читает книгу’]

(13b) Ekə kövün-d-än degtər umsh-xə
мать сын-DAT-P.REFL книга читать-PC.FUT
nökəd bol-dha-na
помощник становиться-PROG-PRS
‘Мать помогает своему сыну читать книгу’.
[1. ‘мать сидит рядом со своим сыном, и они вместе читают книгу’; 2. ‘мать находится на работе и отвечает по телефону на вопросы сына, который читает книгу’]

Суффиксы -ld- и -lc- могут также иметь некоторые другие значения, которые не обсуждались в данном тексте. Несмотря на все разнообразие, все значения рассматриваемых суффиксов несомненно связаны с идеей множественности участников.

Список условных сокращений

1 — 1 лицо; 2 — 2 лицо; ABL — аблатив; ACC — аккузатив; CAUS — каузатив; DAT — датив; NEG.COP — отрицательная частица; P.REFL — возвратно-притяжательная частица; PC.FUT — причастие будущего времени; PC.PRF — перфектное причастие; PL — множественное число; PLR — глагольная множественность; PROG — прогрессив; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; RECP — реципрок; SG — единственное число; SOC — социатив; with — комитатив.

Литература

Nedjalkov V. P. Typological aspects of the investigation of reciprocals // *Nedjalkov V. P.* (ed.). Typology of reciprocal constructions. Ch. 1. Amsterdam, 2007.

Е. А. Пшехотская, Ф. И. Дудчук

Москва

СИНТАКСИС И СЕМАНТИКА РУССКИХ АППЛИКАТИВОВ

Проблема

Во многих известных системах допущений об устройстве семантико-синтаксического интерфейса [Лютикова и др. 2006: 25ff] существует проблема анализа необязательных глагольных аргументов. В этом докладе обсуждаются синтаксические и семантические свойства русских глаголов, допускающих, но не субкатегоризующих дативное дополнение (аппликатив). Характеристическим свойством аппликативного аргумента является его необязательность в клаузе (в отличие от субкатегоризованного датива).

(1) a. *Вася дал Маше книгу*.
b. #*Вася дал книгу*.

(2) a. *Вася вскопал огород*.
b. *Вася вскопал Маше огород*.

Важнейшая семантическая особенность аппликативных конструкций, в отличие от конструкций с субкатегоризованным дативом, состоит в том, что в (2), но не в (1) между дативом и прямым дополнением устанавливается семантическое отношение обладания, ср. (3).

(3) a. *Вася дал Маше свою/ее книгу*.
b. *Вася вскопал Маше *свой/*[ок]*ее огород*.

Возникает два вопроса, ответы на которые имеют дальнейшие теоретические следствия:

1. Одинаково ли устроены обе конструкции с формально-семантической точки зрения — с точки зрения того, в каком порядке ассоциируются глагольные аргументы с глагольным предикатом?

2. Какие отличия между аппликативами и субкатегоризованными дативами или между двумя соответствующими классами глаголов влекут семантическую асимметрию (наличие/отсутствие посессивных отношений) между участниками ситуации?

Типологическая перспектива

Масштабное исследование аппликативизации глагольной основы в типологической перспективе предпринимается в диссертации [Pylkkänen 2002]. Основные ее положения включают следующее:

— в языках мира засвидетельствовано два типа аппликативной деривации: «высокий» и «низкий» аппликатив[1];
— в языках с низким аппликативом, в отличие от языков с высоким аппликативом:

– не допускается аппликативизация непереходных глаголов (например, hold в английском);
– не допускается аппликативизация переходных стативов;
– возникают специфические семантические отношения (например, посессивность в английском и в русском).

Обнаруживается, что русский язык нельзя отнести ни к языкам с высоким аппликативом, ни к языкам с низким аппликативом. Во-первых, лишь некоторые русские непереходные глаголы допускают аппликативизацию:

(4) a. *Вася отжался* (по приказу командира).
b. **Вася отжался командиру*.

[1] Эти эпитеты выбираются исходя из порядка ассоциации аргументов с глагольным предикатом: в случае низкого аппликатива в композициональной семантической интерпретации сперва соединяются прямое дополнение и аппликативный аргумент, а затем к полученному комплексу присоединяется глагольный предикат. В случае высокого аппликатива сперва соединяются глагол и прямое дополнение, затем к полученному комплексу присоединяется аппликативный аргумент.

(5) a. *Давид Трезеге плюнул* (в сторону своего бывшего тре нера).
b. *Муфтий плюнул в лицо* ***всему Израилю***.

Во-вторых, переходные стативные глаголы также допускают аппликативизацию, но нерегулярным образом:

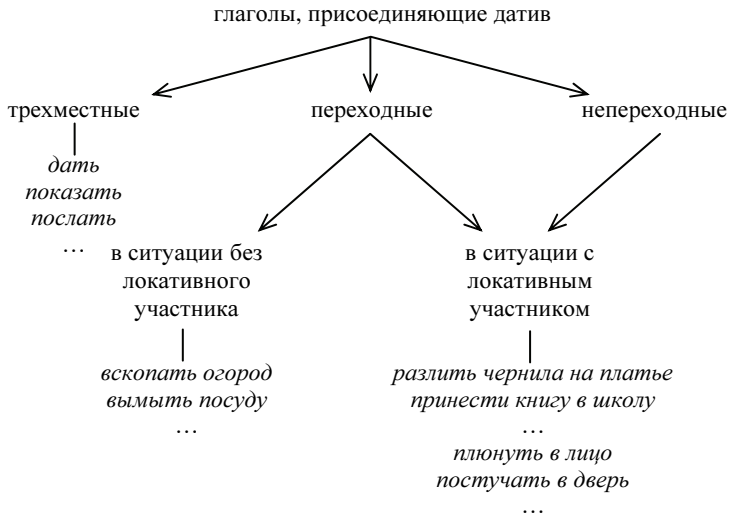
(6) a. *Упавшее дерево загораживало* ***Васе*** *дорогу*.
b. **Вася Пете любил Машу*.

В-третьих, отношения посессивности между дативным участником и прямым дополнением возникают также нерегулярным образом:

(7) a. *Вася вскопал Маше* (**свой*) *огород*.
b. *Вася принес Маше* (^{ОК}*свою*) *книгу*.

Данные

Русские глаголы, присоединяющие (не)субкатегоризованный датив, делятся на следующие классы.



Свойство	**Трех-местные**	**Переходные**		**Непере-ходные**
		[–Loc]	[+Loc]	
Посессивность между DAT и DO	–	±	–	
Посессивность между DAT и LOC	–	–	+	+
Пассивизация с сохранением датива	+	–	+	

Возможности пассивизации иллюстрируются группой примеров в (8). Аналогичное поведение демонстрируют русские номинализации.

(8) a. *Ребятам была продемонстрирована новая книга.*
b. **Книга была испорчена Пете.*
c. *Письмо было положено директору на стол.*

Синтаксический анализ

Вслед за Пюльккянен будем предполагать, что аппликативный аргумент вводится в спецификаторе функциональной вершиной Appl. Вопрос в том, какова структурная позиция этой вершины и как она интерпретируется — с учетом фактов о посессивных отношениях.

Три группы синтаксических свидетельств заставляют думать, что в русском языке как дативный, так и аппликативный аргумент имеет структурный приоритет над прямым дополнением в случае переходных глаголов без локативного участника. При этом в этих случаях позиция аппликативного аргумента выше, чем субкатегоризованного датива.

Первая группа свидетельств — наблюдения о пассивизации в (8ab) и аналогичные наблюдения о номинализации. Относительно общепринятая точка зрения состоит в том, что синтаксическая структура пассива возникает при отсутствии вершины v (или, с точки зрения ряда исследователей, при дефективной вершине v, не способной проверить винительный падеж у прямого дополнения). Тот факт, что у глаголов, не субкатегоризующих

датив (в отличие от субкатегоризующих) аргумент в дативе реализуется в активном залоге, но запрещен в пассивном залоге, свидетельствует о том, что в русском языке субкатегоризация вершины, вводящей этот аргумент, зависит от v (либо (недефективное) v напрямую субкатегоризует аппликативную вершину, либо аппликативная вершина напрямую субкатегоризует v). При этом возможность реализации дативного дополнения при трехместных глаголах, очевидно, не зависит от наличия/отсутствия или дефективности/недефективности вершины v. Следовательно, факты, связанные с пассивизацией, свидетельствуют о том, что в русском языке аппликативный аргумент (несубкатегоризованный датив) имеет более приоритетную (высокую) синтаксическую позицию, чем дативный аргумент при трехместных глаголах (субкатегоризованный датив).

Вторая группа свидетельств — факты связывания реципрока *друг друга* в (9) и (10).

(9) a. *Маша показала* [$_{IO}$ *новобрачным*$_i$] [$_{DO}$ *кольца друг друга*$_i$].
b. **Маша показала* (*на фотографии*) [$_{DO}$ *детей*$_i$] [$_{IO}$ *родителям друг друга*$_i$].

(10) a. *Вася позвал друзьям родителей друг друга*.
b. **Вася позвал родителей друзьям друг друга*.

Из (9) и (10) следует [Chomsky 1981; Reinhart 1981; Heim 1992], что дативный аргумент имеет структурный приоритет над прямым дополнением.

Третья группа свидетельств связана со сферой действия внутренних аргументов при глаголах, субкатегоризующих (11)–(12) и не субкатегоризующих (13)–(14) датив («решеткой» обозначаются предложения, где универсальный квантор имеет только узкую сферу действия — такие интерпретации нас не будут интересовать).

(11) a. #*Вася показал одну картину каждому мальчику*.
b. *Вася показал каждому мальчику одну картину*.

(12) a. *Вася показал каждую картину одному мальчику*.
b. *Вася показал одному мальчику каждую картину*.

(13) a. *Вася вскопал одну грядку каждому соседу.*
b. *Вася вскопал каждому соседу одну грядку.*

(14) a. #*Вася вскопал каждую грядку одному соседу.*
b. #*Вася вскопал одному соседу каждую грядку.*

Сначала рассмотрим (11)–(12). С учетом наблюдений из (9) возникает следующее объяснение данных в этих примерах. Дативный аргумент исходно располагается выше прямого дополнения, причем прямое дополнение может передвигаться — открыто (в ходе синтаксической деривации) или скрыто (на концептуальном интерфейсе). При этом для обоих типов передвижения существует только одна цель передвижения — некая позиция P. Таким образом, в (11b) представлена базовая структура аргументов глагола *показать*. В этом случае дативный аргумент, содержащий универсальный квантор, имеет структурный приоритет над прямым дополнением, что обеспечивает универсальному квантору широкую сферу действия, а предложению — дистрибутивное прочтение. В (12a) квантор занимает позицию прямого дополнения и открытым образом передвигается в P, что дает ему сферу действия над дативным аргументом. Следовательно, мы вновь получаем широкую сферу действия квантора. Аналогичная ситуация наблюдается в (12b) с точностью до того, что на этот раз прямое дополнение, содержащее квантор, подвергается скрытому передвижению, и квантор получает широкую сферу действия на концептуальном интерфейсе. Наконец, в (11a) — единственном предложении, не допускающем прочтений с широкой сферой действия квантора, — происходит открытое передвижение прямого дополнения в P, при этом дативный аргумент, содержащий универсальный квантор, теряет сферу действия над прямым дополнением, следовательно, дистрибутивное прочтение предложения становится недоступно.

Обратимся к (13)–(14). Объяснить эти данные возможно при помощи следующего предположения. Допустим, что при глаголах, не субкатегоризующих датив, аппликативный аргумент располагается *выше*, чем дативный аргумент при трехместных глаголах. При этом ограничения на передвижение прямого дополнения (только в P) сохраняются. В этом случае как бы ни пе-

редвигалось прямое дополнение (открыто или скрыто), аппликативный аргумент всегда будет иметь широкую сферу действия.

С учетом этих рассуждений получаем следующие структуры и их интерпретации для трехместных глаголов и для переходных глаголов без локативного участника, присоединяющих несубкатегоризованный датив, см. (15), (16).

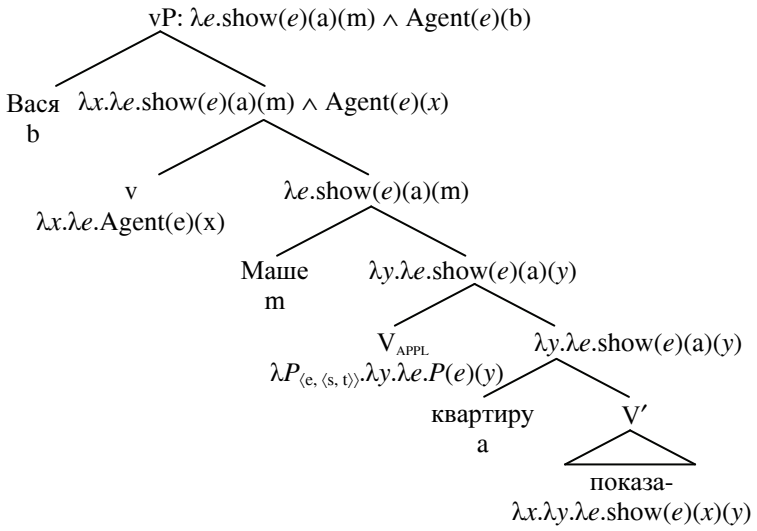
Отношение посессивности, наблюдаемое в предложениях типа (16), но не типа (15), возникает в результате применения следующего постулата значения:

Деривация посессивности (первая версия)

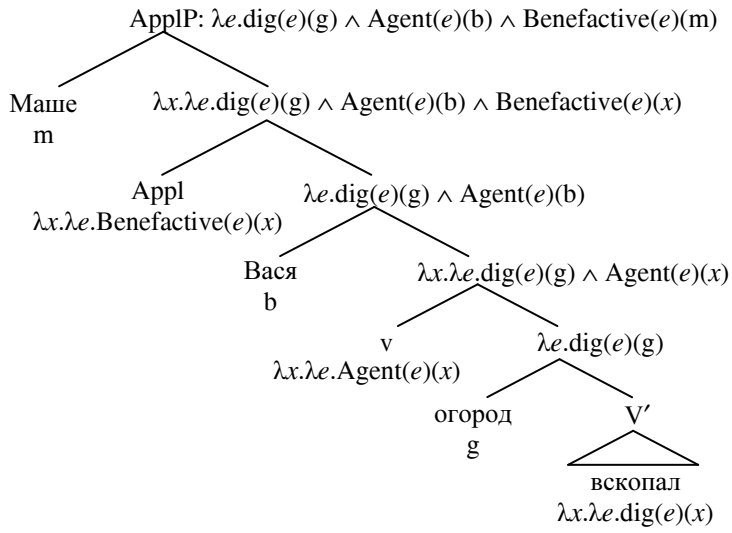
$\Box\forall e, x, P\ \ [P(e)(\mathrm{th}(P)) \wedge \mathrm{Benefactive}(e)(x) \wedge \mathrm{Connected}(\mathrm{th}(P))(x) \rightarrow \mathrm{Possession}(x)(\mathrm{th}(P))]$,

где th — функция, возвращающая тему предиката, Benefactive — тематическая роль бенефактива, Connected — энциклопедическое отношение «когнитивной сопряженности» [Кибрик и др. 2004], Possession — отношение обладания.

(15) *Вася показал Маше квартиру*



(16) *Вася вскопал Маше огород*



Введение локативного участника. Предыдущие рассуждения показали, что аппликативизирующая вершина Appl субкатегоризует v. Это допущение, однако, предсказывает неграмматичность примера в (17a), в действительности приемлемого.

(17) a. *Вася постучал Маше в* (*ее*/**свою*) *дверь*.
b. *Вася пролил* (*свое*) *вино Маше на* (*ее*/**свое*) *платье*.

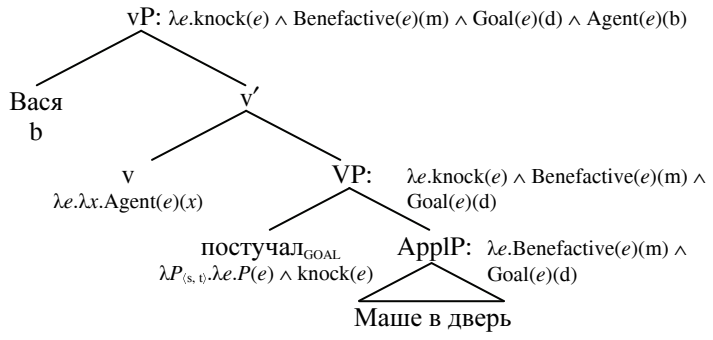
Неожиданным оказывается и отношение обладания в (17) — не между аппликативом и прямым дополнением, как в (7a), а между аппликативом и локативным участником. Обнаруживается, что в таких предложениях Appl и локативная PP образуют общую составляющую, что подтверждается тем, что именно в таких предложениях проявляется «эффект крысолова» (pied-piping).

(18) a. *[*Кому огород*]$_i$ *Вася вскопал* t_i?
b. [Кому на стол]$_i$ *Вася положил книгу* t_i?

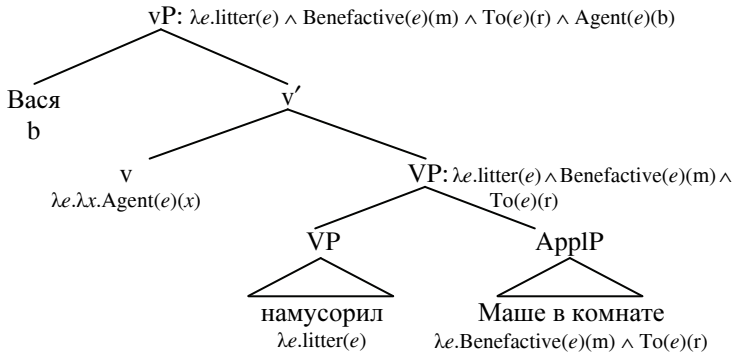
Предложения типа (17) формируют отдельный класс случаев: в этих предложениях мы наблюдаем вершину Appl, субкатегоризующую не v, а локативный предлог. В этот же класс попа-

дают предложения с имплицитной целью типа (7b): в таких предложениях постулируется нулевая PP — например, конечный пункт перемещения книги в (7b), — которую принимает вершина Appl, вводящая эксплицитный аппликативный аргумент. Для двух случаев — с «низким» аргументом-целью и с локативным адъюнктом — синтаксические структуры и их интерпретации приводятся ниже.

(19) a.



b.



Далее, чтобы корректно деривировать отношения посессивности, необходимо переформулировать постулат значения о посессивности.

Деривация посессивности (вторая версия)

$\Box\forall e, x, y, P \quad [P(e) \wedge \text{Benefactive}(e)(x) \wedge \text{Loc}(e)(y) \wedge \text{Connected}(y)(x) \rightarrow \text{Possession}(x)(y)],$

где Loc — обобщение над локативными тематическими ролями. Объединение двух предложенных постулатов значения, выглядит следующим образом.

Деривация посессивности (финальная версия)

$$\Box\forall e, x, y, P \left(\begin{array}{c} \text{Benefactive}(e)(x) \wedge \\ [P(e) \wedge \text{Loc}(e)(y) \vee P(e)(y) \wedge y{=}\text{th}(P)] \wedge \\ \text{Connected}(y)(x) \end{array} \right) \rightarrow \text{Possession}(x)(y)$$

Литература

Кибрик А. Е., Брыкина М. М., Хитров А. Н. Опыт фронтального корпусного исследования конструкций с внутренним и внешним посессором // Доклады международной конференции Диалог'2004.

Лютикова Е. А., Татевосов С. Г., Иванов М. Ю., Пазельская А. Г., Шлуинский А. Б. Структура события и семантика глагола в карачаево-балкарском языке. М., 2006.

Chomsky N. Lectures on Government and Binding. The Hague, 1981.

Heim I. Anaphora and semantic interpretation: A reinterpretation of Reinhart's approach. Ms., MIT. 1992.

Pylkkänen L. Introducing Arguments. PhD dissertation, MIT. 2002.

Reinhart T. Definite NP anaphora and c-command domains // Linguistic Inquiry, 1981. Vol. 12. №4.

Ю. А. Самойлова

Санкт-Петербург

РАЗНИЦА ТРАКТОВОК И ОТНОШЕНИЯ ЛИНГВИСТОВ К МУЛЬТИМОДАЛЬНЫМ СОЧЕТАНИЯМ

Комбинации двойных и тройных модальных сочетаний, таких как might could, и их употребления на севере Англии, в северной Ирландии, Шотландии и в южных штатах США известны лингвистам уже в течение долгого времени. Интерес лингвистов к подобным сочетаниям можно объяснить их необычностью и «несоответствием» правилам нормативной английской грамматики. В настоящее время употребление двойных и тройных модальных сочетаний не ограничено только территорией Шотландии. Скотс, также как и литературный английский, совершил экспансию. Он был вывезен за пределы Великобритании шотландскими эмигрантами в Северную Америку (особенно в южные штаты), и в Австралию. Типично шотландские употребления не распространены равномерно по всей территории США, а локализованы в тех штатах, в которых изначально обосновались поселенцы [Montgomery 1989: 259–261].

Точки зрения британских и **американских лингвистов** касательно происхождения двойных модальных сочетаний расходятся. Так, американские лингвисты рассматривают подобные сочетания как лингвистические инновации. Действительно, сочетания двух и реже трех модальных глаголов были завезены из Шотландии, однако подобные сочетания были столь малочисленны, что можно утверждать, что они зародилиись или, по крайней мере, получили свое второе рождение на территории США. Более того, модальные сочетания используются более разнообразно и имеют ряд отличительных грамматических особенностей при употреблении на территории США, по сравнению с Шотландий [Lightfoot 1979].

Американские лингвисты по разному трактуют данное явление. Так, М. Ди Паоло [Di Paolo 1989] рассматривает подобные сочетания как лексическое единство — модально-модальное со-

четание. Е. Батистелла [Battistella 1995] обращает внимание на тот факт, что подобные сочетания выходят за рамки традиционной грамматики и, следовательно, при образовании предложения первый модальный глагол является полнозначным глаголом, в то время как второй выступает в функции недостаточного. Г. Ботиен [Boertien 1986] считает, что оба глагола могут выступать как в роли полнозначных, так и в роли вспомогательных глаголов, в зависимости от предложения.

Помимо разного подхода к изучению вопроса модальных сочетаний, можно отметить и некоторые особенности конструкций на территории США при построении отрицательных и вопросительных предложений. В отрицательных предложениях (1) может отрицаться как правый (1a) так и левый (1b) модальный глагол, реже возможны варианты, когда отрицаются оба глагола (1c):

(1a) We might shouldn't have done it last night [Mishoe and Montgomery 1994].
(1b) We might not can come [Di Paolo 1989].
(1c) He might not couldn't refuse [Di Paolo 1989].

Похожая ситуация наблюдается и с построением вопросительных предложений. При построении вопроса в роли вспомогательного глагола может выступать как первый (2a), так и второй модальный глагол конструкции (2b), или же оба глагола представляются неразрывным единством и выносятся на первое место (2c):

(2a) Could you might possibly use a teller machine?
(2b) Might you could use a teller machine? [Mishoe and Montgomery 1994].
(2c) Might can you do this later [Boertien 1986].

Большинство подобных отличительных черт отмечены приемущественно в южных штатах США, где первоначально обосновались переселенцы из Шотландии и Ирландии.

Британские ученые [Miller 1993] придерживаются мнения, что подобные сочетания имеют древнее происхождение. В своих утверждениях они опираются на древние письменные источники. В качестве другого доказательства можно также отметить, что

двойные модальные конструкции встречаются также и в других языках германской группы, например в немецком и норвежском.

(3a) Ich **muss** das **machen können**. — I **must be able to do** it [Hall, Scheiner 1998: 129].
(3b) Die Mitarbeiter **dürfen** im Institut nicht **rauchen sollen**. — The staff **must not smoke** here [Hall, Scheiner 1998: 132].

Можно предположить, что такие сочетания являются общей чертой языков германской группы. Однако употребление таких конструкций в немецком языке носит стилистические и морфологические отличия. Так в немецком построение предложения с двойным модальным сказуемым является отличительной чертой официальной речи. Второй модальный глагол в двойных модальных сочетаниях морфологически оформлен как инфинитив [Fennel, Butters 1996]. В скотс двойные модальные сочетания — черта разговорной речи, в качестве второго элемента комбинации может выступать глагол в форме прошедшего времени.

В отличие от США, данные сочетания в Шотландии менее изучены. Отрывочные и малочисленные данные, иллюстрирующие рассматриваемое явление, объясняются тем, что двойные и тройные модальные сочетания можно встретить только в устной речи, преимущественно в речи жителей сельской местности. Хотя некоторые наиболее частотные сочетания типа will can или might could начинают употребляться в речи образованных людей [Macaulay 1991].

Наиболее употребимые комбинации обычно состоят из двух элементов, хотя встречаются и конструкции с тремя модальными глаголами. Обычно в качестве второго элемента выступает модальный глагол can или could:

(4a) We might can go up there next Saturday.
(4b) We may could fix it.

Значения глаголов в конструкции дополняют друг друга и частично восполняют тот «пробел», который образовался из-за утраты частью модальных глаголов скотс некоторых лексических значений. Часто наличие двойных модальных сочетаний в предложении смягчают фразу, придавая ей менее декларативное значение:

You **should take** out the trash now — You **might should take** out the trash now.

Несмотря на неоднозначное отношение к подобным сочетаниям, «география» употребления двойных модальных конструкций расширяется. Употребление таких конструкций отмечено как в южных, так и в западных диалектах скотс. В настоящее время происходит обращение к диалектам как к стилистическому резерву языка. Появляются литературно-художественные произведения, где в речи персонажей используются региональные формы речи или ее элементы.

Несмотря на разный подход к двойным модальным сочетаниям, лингвисты США и Великобритании отмечают, что синтаксические характеристики модальных глаголов изменились. Если в литературном английском языке в значениях модальности действия модальные глаголы являются первым элементом составного глагольного сказуемого и подобно другим глаголам в этой позиции осуществляют его грамматическое оформление в плане категории времени и наклонения, в двойных и тройных модальных сочетаниях значения модальности распределено между модальными глаголами, входящими в составное глагольное сказуемое, в то время как грамматическое время передается последним модальным глаголом конструкции. В значениях модальности высказывания модальные глаголы выступают как первый элемент составного глагольного сказуемого лишь с точки зрения линейной организации предложения. В сущности же они лишены основной функции данного элемента — передачи грамматических значений. Такое контактное расположение модальных глаголов в предложение приводит к «нейтрализации» грамматических функций слова и лексической наполняемости.

Факт «нейтрализации» грамматических функций модальных глаголов в двойных и/или тройных модальных сочетаниях привлек внимание некоторых лингвистов (см. например [Labov 1972; Miller 1993]. Так В. Лабов предположил, что первый модальный глагол по функциям может быть наречием: в вопросительных предложениях первый глагол в модальных сочетаниях не всегда меняет свое местоположение в предложении, а при отрицании к нему не всегда прибавляется отрицание not [Labov 1972: 59]. Например: **Could you might** possibly use a teller ma-

chine? Данный вариант получен из предложения You **might could** possibly use a teller machine [Mishoe, Montgomery 1994].

Обозначенное ранее изменение характера синтаксической связи между модальными глаголами влечет изменение и лексического значения глаголов входящих в рассматриваемую конструкцию. Комбинации модальных глаголов приводят к возникновению новых значений или оттенков значений, при полной или частичной элиминации составляющих.

Можно также отметить, что первый глагол выражает отношение говорящего к ситуации, в то время как второй модальный глагол выражает уверенность говорящего в возможности выполнить действие:

> They **might could** be working in the shop [Miller 1993:120].
> He shoud coud tak it wi him — He ought to be able to take it with him [Brown K. 1991: 74–76].

Таким образом, можно отметить, что в пределах сказуемого выражены как субъективная, так и объективная модальности, и выбор первого модального глагола в конструкции обусловлен значением второго модального глагола, который в свою очередь выражает объективную модальность, то есть желанием говорящего смягчить или наоборот подчеркнуть действие.

Литература

Battistella E. The Syntax of Double Modal Constructions // Linguistica Atlantica, 1995. Vol. 17.

Boertien H. S. Constituent Structure of Double Modals // *Montgomery M. B., Bailey G.* (eds). Language Variety in the South (perspectives in Black and White). Tuscaloosa, 1986.

Di Paolo M. Double modals as single lexical units // American Speech, 1989. Vol. 64.

Fennel B., Butters R. R. Historical and contemporary distribution of double modals in English // *Schneider E. W.* (ed.). Focus on the USA. Amsterdam—Philadelphia, 1996.

Grant W., Dixon J. M. Manual of Modern Scots. Cambridge 1921.

Montgomery M. B. Exploring the roots of Appalachian English // English World-Wide, 1989. Vol. 10.

Hall K., Scheiner B. Übungsgrammatik für Fortgeschrittene. Deutsch als Fremdsprache. Ismaning, 2001.

Labov W. Language in the Inner City. Philadelphia, 1972.

Lightfoot D. W. Principles of Diachronic Syntax. Cambridge, 1979.

Macaulay R. K. S. Locating Dialect in Discourse: The Language of Honest Men and Bonny Lasses in Ayr. Oxford, 1991.

Mac Dairmid H. Albyn: or Scotland and the future. London, 1927.

Miller J. The Grammar of Scottish English // Milroy J., Milroy L (eds). Real English: the Grammar of English Dialects in the British Isles. Part I. London—New York, 1993.

Mishoe M., Montgomery M. B. The pragmatics of multiple modal variation in North and South Carolina units // American Speech, 1994. Vol. 69.

Е. В. Сергеева, Е. Ю. Хрисонопуло

Выборг, Санкт-Петербург

ДИСКУРСИВНЫЕ ФУНКЦИИ СЛУЖЕБНЫХ ПРЕДИКАТОВ В СОСТАВЕ КОНСТРУКЦИЙ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Среди глагольных форм английского языка, выражающих временные значения, заметное место занимают конструкции, включающие служебные предикаты would, used to и инфинитив: He would/used to travel a lot. С одной стороны, конструкции подобного рода с достаточной регулярностью соотносятся с синтетической формой прошедшего времени past indefinite (ср., напр.: [Quirk, Greenbaum et al. 1999: 187]), что на основании теоретической концепции А. И. Смирницкого [1959] позволяет рассматривать данные конструкции в качестве аналитических или, во всяком случае, полуаналитических. С другой стороны, конструкции со служебными предикатами would и used to отличаются от других форм прошедшего времени спецификой своего значения, которое образуют следующие содержательные признаки: «отнесенность действия к прошлому», «повторность и/или регулярность обозначаемого инфинитивом действия либо состояния», «волитивность» (в некоторых случаях выражаемая конструкцией с would), «характерность обозначаемого события» (см.: [Palmer 1974; Leech, Svartvik 1994; Biber, Johansson et al. 1999]).

Целью настоящей работы является выявление роли служебных предикатов would и used to на уровне функционирования соответствующих конструкций в составе высказывания. Материалом для исследования послужили примеры употребления конструкций прошедшего времени, извлеченные из текстов англоязычной художественной прозы.

Дискурсивная ориентация исследования предопределила обращение к концепции английской грамматики Анри Адамчевского, изложенной в работе [Adamczewski et Delmas 1982]. В предложенной автором теории обосновывается, в частности, те-

зис о том, что грамматические морфемы и служебные слова (в том числе вспомогательные глаголы) служат в качестве поверхностных индексов операций мыслительного и синтаксического структурирования, релевантных для порождения высказывания (а не только глагольных конструкций как таковых). Среди важнейших операций подобного рода отмечаются следующие: (а) выдвижение фигуры говорящего в коммуникативный фокус либо, наоборот, представление события более объективно, независимо от его осмысления со стороны говорящего; (б) установление типа предикации в зависимости от осмысления характера взаимосвязи между референтами групп подлежащего и сказуемого; (в) мыслительная обработка содержания программируемого высказывания по типу ремы либо темы; при этом (в отличие от общепринятой традиции) под ремой понимается мысленное отнесение содержания высказывания непосредственно к внеязыковой действительности и агентивное осмысление референта подлежащего, в то время как под понятие темы подводится отнесение пропозиции к созданному (на основании предварительных предпосылок) образу обозначаемой ситуации и категоризация референта подлежащего в первую очередь как объекта мысли, а не субъекта действия.

В настоящем исследовании во многом учитываются положения резюмированной выше теории и в то же время принимается во внимание тот факт, что в значение большинства показателей времени, вида и модальности в английском языке входит, как показано во многих работах Р. Лангакера (в частности, [Langacker 2000], дискурсивно обусловленное указание на взаимосвязь содержания глагольной предикации с фоновым контекстом (англ. ground). Этот контекст, по Лангакеру, представляет собой речевое событие, включающее говорящего и слушающего, которые, в свою очередь, предопределяют феноменологическую и эпистемическую платформу высказывания. Кроме того, как показывают исследования видо-временных форм, проводимых как на материале английского, так и других языков [Brisard 2004; De Mulder, Brisard 2006], существенную роль в дифференцированном употреблении показателей прошедшего времени играет указание на связь глагольной предикации либо с речевым событием как базовым фоновым контекстом (base ground) либо с виртуальным фоновым контекстом (virtual ground), в котором в качестве точки

отсчета выступает не субъект речи, а субъект мыслительной деятельности, который присутствовал (с той или иной степенью вовлеченности) в обозначаемой в предложении ситуации.

Анализ дискурсивных функций служебных предикатов would и used to в высказываниях о прошлых событиях свидетельствует о том, что дифференцированная реализация этих функций предопределяется следующими тремя факторами: (1) имплицитной взаимосвязью содержания высказывания с одним из двух упомянутых типов фонового контекста; (2) мыслительной обработкой содержания предикации по типу ремы или темы (в смысле Адамчевского); (3) субъективно устанавливаемым характером смысловой взаимосвязи между группами подлежащего и сказуемого.

Примеры употребления конструкций с would и used to свидетельствуют о том, что оба служебных предиката в равной степени индексируют взаимосвязь содержания высказывания с виртуальным фоновым контекстом, в частности, *экспериенциальным контекстом*, в результате чего событие имлицитно представляется с точки зрения *субъекта опытного знания* (а не с точки зрения «остраненного наблюдателя», задаваемой формой past indefinite). В связи с этим предикаты would и used to, с одной стороны способствуют созданию экспериенциального фона коммуникативного события, что сопровождается созданием эффекта достоверности, и, с другой стороны, — оформляют соответствующий речевой акт и как ассертив, и как экспрессив одновременно:

> It's a shell! A conch he called it. He **used to** blow it and then his mum **would** come (W. Golding).

Вместе с тем, предикаты would и used to не вполне идентичны по параметру фонового контекста. Так, если глагол would индексирует только экспериенциальный контекст (присутствие в ситуации субъекта опыта), то сочетание used to указывает на мысленное соотнесение экспериенциального и базового фонового контекстов (т.е. «пережитого» события и ситуации речи). Указанное различие может объяснить дифференцированное употребление предикатов в высказываниях типа You **used to** vs. **would** stir my imagination. Если употребление глагола would способствует интерпретации высказывания только как мысленного экскурса в прошлое, то использование used to указывает на эмоции говоря-

щего по поводу отсутствия пережитого в прошлом события в текущей ситуации речи.

Значимость типа мыслительной обработки при выборе сказуемого с исследуемыми предикатами выражается, с одной стороны в предпочтительном употреблении used to как маркера ремы, что способствует реализации информативной функции высказывания, и, с другой стороны, — в использовании глагола would как индекса темы, что предопределяет дескриптивную функцию высказывания. В свою очередь, дифференциация would и used to по типу осуществляемой предикации свидетельствует о том, что would маркирует неразрывную взаимосвязь между референтами именной и глагольной групп, способствуя тем самым представлению целостного события (чем объясняется сочетаемость соответствующего сказуемого с наречиями типа suddenly), в то время как предикат used to не является маркированным по указанному признаку и, соответственно, не может употребляться при реферировании к отдельному случаю события (в том числе с упомянутым наречием).

Проведенный анализ языковых фактов позволяет наметить перспективу типологически ориентированного исследования служебных (модальных и вспомогательных) глаголов с учетом того, что данные глаголы функционируют не только как идиоматически связанные составляющие глагольного сказуемого, но и как знаки определенных мыслительных операций, существенных для порождения высказывания и установления смысловых зависимостей между его частями.

Литература

Смирницкий А. И. Морфология английского языка. М., 1959.

Adamczewski H.,Delmas C. Grammaire linguistique de l'anglais. Paris, 1982.

Biber D., Johansson S. et al. Longman Grammar of Spoken and Written English. Harlow, Essex, 1999.

Brisard F. Time in Grammar // F. Brisard (ed.). Language and Revolution. Language and Time. Antwerpen, 2004.

De Mulder W. et Brisard F. L'imparfait marqueur de réalité virtuelle // Cahiers de praxematique, 2006. Vol. 47.

Langacker R. W. Grammar and Conceptualization. Berlin—New York, 2000.
Leech G., Svartvik J. A Communicative Grammar of English. Harlow, Essex, 1994.
Palmer F. R. The English Verb. London, 1974.
Quirk R., Greenbaum S. et al. A Comprehensive Grammar of the English Language. Harlow, Essex, 1999.

Н. В. Сердобольская

Москва

АККУЗАТИВ СУБЪЕКТА ПРИ ПРИЧАСТИИ В КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ: аргументы за и против подъема аргумента[1]

В типологии «подъемом аргумента»[2] принято обозначать конструкции вида I believe him to be a linguist (‘Я полагаю, что он лингвист’), т.е. конструкции, в которых субъект вложенной предикации оформляется так же, как прямое дополнение (objective case в англистике), а зависимый предикат кодируется инфинитивом с to. Такие конструкции интересны тем, что субъект вложенной предикации демонстрирует морфосинтаксические свойства актанта главной предикации. Данная ИГ получает падежное оформление от главного предиката, способна становиться подлежащим при пассивизации главного предиката, способна заменяться на рефлексивное местоимение, относящееся к подлежащему главной предикации, и т.п [Postal 1974; Lasnik, Saito 1991 и др.]. Иными словами, синтаксически данная ИГ ведет себя так же, как прямое дополнение в главной предикации, однако семантически она не заполняет никакой валентности главного предиката.

Данное явление широко распространено в языках мира. В работе [Serdobolskaya (forthc.)] рассматриваются различные конструкции, проявляющие свойства подъема. Такие конструкции демонстрируют значительное многообразие в плане синтаксических свойств: например, в ряде языков «поднятая» именная группа по некоторым свойствам ведет себя, как элемент главной пре-

---

[1] Настоящая работа является частью проекта «Типология языков со свободным порядком слов» (грант РГНФ 06-04-00203а).

[2] Уточним, что данные конструкции анализировались в терминах «подъема» только в ранних версиях порождающей грамматики (в современных работах используется понятие Exceptional Case marking). Данный термин, однако, продолжает функционировать в типологических и описательных работах по сентенциальным актантам. В настоящей работе мы будем использовать термин «подъем».

дикации (далее: ГП), однако при этом не проявляет свойств прямого дополнения при главном предикате. Такие конструкции зафиксированы в монгольских и тюркских языках. В настоящей работе будет рассмотрен «подъем» или аналогичное явление в калмыцком языке. Делается попытка ответить на вопрос, насколько калмыцкие конструкции с аккузативным субъектом в зависимой предикации могут трактоваться в терминах подъема.

В калмыцком языке, как и в других монгольских языках [Санжеев 1960], зафиксировано следующее явление: субъект зависимой предикации (как финитной, так и нефинитной) может оформляться аккузативом, например:

(1) bi čini kövü-gə qazad-ən orən-də
я ты.GEN сын-ACC заграница-GEN страна-DAT
sur-ča-x-i-n' med-sən uga-v
учиться-PROG-PC.FUT-ACC-POSS.3 знать-PC.PRF NEG.COP-1SG
'А я не знал, что твой сын за границей учится'.

(2) bi soŋs-la-v egč-äs-ən
я слышать-CONF-1SG сестра-ABL-P.REFL
čamagə ir-dhə giγäd
ты.ACC приехать-RES COMPL
'Я слышал от сестры, что ты приехал'.

Встает вопрос о том, насколько данные конструкции в калмыцком языке демонстрируют свойства подъема. Для ответа на данный вопрос были проанализированы синтаксические свойства рассматриваемых конструкций. Рассматривались следующие группы синтаксических свойств:

1. Свойства, показывающие структурную принадлежность аккузативной именной группы (далее: ИГ) (согласно [Postal 1974]):
– способность «поднятой» ИГ становиться подлежащим при пассивизации главного предиката;
– способность «поднятой» ИГ замещаться на рефлексивное местоимение с антецедентом в ГП;
– способность «поднятой» ИГ замещаться на реципрок с антецедентом в ГП;

2. Свойства линейного порядка: проявляет ли аккузативная ИГ те же свойства линейного порядка, что прямое дополнение при главном предикате.

3. Свойства фразовой составляющей (согласно Тестелец 2001), а именно, проверяется,

– демонстрирует ли зависимая предикация вместе с аккузативной ИГ свойства составляющей, такие как топикализация, фрагментирование и т.д.;
– демонстрирует ли ГП вместе с аккузативной ИГ свойства составляющей.

4. Свойства подлежащего, релевантные для калмыцкого языка (рассматривалась способность аккузативной ИГ присоединять копредикат gancxarn ‘один’);

5. Допустимость конструкций с двумя ИГ, оформленными аккузативом, в зависимой или в ГП.

Данные свойства были рассмотрены отдельно для конструкций с нефинитной зависимой предикацией (1), отдельно для конструкций с союзом giγäd (2).

В результате анализа рассматриваемых конструкций были получены следующие результаты. Было установлено, что аккузативная ИГ не занимает позиции прямого дополнения в ГП, т.к. при пассивизации главного предиката она не может становиться подлежащим:

(3) *bi sad-ən dotr
я сад-GEN внутри
or-s-i-n’/or-sə-n’[3]
входить-PC.PRF-ACC-POSS.3/PC.PRF-POSS.3
tər emtə-s-də üz-gd-lä-v
DEM женщина-PL-DAT видеть-PASS-CONF-1
(‘Женщины видели, как я залез к ним в сад’ — букв. «я был увиден как залез»).

[3] Здесь и далее подчернута зависимая предикация вместе с аккузативным субъектом.

В принципе, глагол ‘видеть’ выступает в пассивной конструкции; при этом сентенциальный актант (с номинативным субъектом) может занимать позицию подлежащего:

(4) <u>kün</u> <u>sad-ən</u> <u>dotr</u> <u>or-sə-n’</u>
человек сад-GEN внутри войти-PC.PRF-POSS.3
üz-gd-lä
видеть-PASS-CONF
‘Видно, что кто-то вошел в сад’ — букв. «[Что кто-то залез] было увидено».

В калмыцком языке подобные примеры недопустимы, однако для английского языка аналогичные примеры являются грамматичными [Postal 1974]. Следовательно, аккузативная ИГ в калмыцком не занимает позиции прямого дополнения главного предиката. Интересно, однако, что, как показывает тест на способность замещаться рефлексивным местоимением, данная ИГ занимает позицию в главной, а не в зависимой предикации:

(5) e, bi med-dhä-nä-v **<u>bijän</u>** <u>buru-qi-n’</u>
да я знать-PROG-PRS-1SG REFL.ACC неверный-ACC-POSS.3
‘Да, я знаю, что я не прав’.

В (5) подлежащее ГП bi ‘я’ является антецедентом аккузативного рефлексива bijän. В калмыцком языке рефлексив не может иметь антецедент за пределами своей предикации. Следовательно, (5) доказывает, что bijän принадлежит ГП. Выше было показано, что аккузативная ИГ не занимает позиции прямого дополнения в ГП. Однако, как показывает замена на аккузативный рефлексив, она принадлежит ГП. В связи с этим, возникает вопрос, проявляет ли зависимая предикация вместе с аккузативной ИГ свойства составляющей. В этих целях рассматривались следующие свойства:

– топикализация: можно ли топикализовать зависимую предикацию вместе с аккузативным субъектом;
– способность зависимой предикации (с аккузативным субъектом) быть в фокусе контраста;
– способность зависимой предикации (с аккузативным субъектом) выступать в качестве контрастивной темы:

(6) **xuldač-igə** jov-sən giqäd songs-la-v,
продавец-ACC уехать-PC.PRF COMPL слышать-CONF-1SG
lavkə xaa-lqa-qa-qi-n'
магазин закрыть-CAUS-ACC-PC.CONT-POSS.3
med-sən uga-v
знать-PC.PRF NEG.COP-1SG
'Что продавец уехал, я слышал, а что магазин закрыли, не знал'.

– способность зависимой предикации (с аккузативным субъектом) быть опущенной при эллипсисе;
– сочинение главных предикаций при одной зависимой (с аккузативным субъектом):

(7) ekə med-nä, eckə bolxla med-x-šä
мать знать-PRS отец а знать-PC.FUT-NEG
badma-gə tämkä tatə-dha-x-i-n'
Бадма-ACC табак тянуть-PROG-ACC-POSS.3
'Мама знает, а отец не знает, что Бадма курит'.

Все перечисленные тесты выполняются для рассматриваемой конструкции. Следовательно, зависимая предикация с аккузативным субъектом обладает свойствами фразовой составляющей. При этом, однако, с точки зрения свойств линейного порядка аккузативная ИГ ведет себя, как элемент ГП. Аналогичные результаты дает тест на рефлексивы, т. к. как было показано выше, аккузативная ИГ может заменяться на рефлексив с антецедентом в ГП. То есть, по результатам нескольких тестов аккузативный субъект занимает позицию в ГП. Однако, в отличие от английской конструкции, аккузативная ИГ не занимает позиции прямого дополнения. Это показывает тест на пассивизацию главного предиката, а также отсутствие ограничений на наличие двух аккузативных ИГ в ГП.

Следовательно, можно сделать вывод, что калмыцкие конструкции не являются примером подъема. Аккузативный субъект в калмыцком языке, в отличие от английского, не занимает позиции прямого дополнения главного предиката. Однако различные синтаксические тесты показывают, что данная ИГ все же занимает некоторую позицию в ГП. (См. также анализ данных тувинского языка в [Serdobolskaya 2006].) Встает вопрос, что это за пози-

ция. Как представляется, ответ на данный вопрос определяется функциональными свойствами данной конструкции. А именно, выбор между конструкцией с аккузативным и номинативным оформлением субъекта регулируется фактором коммуникативного членения предложения. Рассмотрим следующий пример:

(8) **badma-gə** terzə xamxl-s-i-n’
Бадма-ACC окно разбить-PC.PRF-ACC-POSS.3
bi soŋs-la-v
я слышать-CONF-1SG
{ЛК: Мама Бадмы приходит в школу, и учительница начинает на него жаловаться. Женщина отвечает:} ‘Я знаю, что **Бадма** окно разбил’. {Муж на неделе зайдет, вставит стекло.}

В ситуации, описанной в (8), участник, обозначаемый аккузативной ИГ, является топиком. В таких примерах носители выбирают аккузативное оформление. Если же субъект зависимой предикации находится в фокусе, выбирается номинатив, ср.:

(9) ter terz-igə **baatər** xamxl-s-i-n’
dem окно-ACC Баатыр.NOM разбить-PC.PRF-ACC-POSS.3
bi me-dhä-ne-v
я знать-PROG-PRS-1SG
{Та же ситуация, что в (8). Женщина отвечает: Вы ругаете Бадму за то, что он окно разбил.} ‘А я точно знаю, что это **Баатыр** разбил это окно’. {Бадма в тот день вообще дома сидел.}

То есть, субъект вложенной предикации может быть оформлен аккузативом, только если он находится в теме высказывания. Если субъект зависимой предикации или вся зависимая предикация находится в фокусе, то субъект оформляется номинативом. Это подтверждается на ряде конструкций (в том числе рассматривался выбор оформления субъекта зависимой предикации в фокусе контраста, в контексте различных частиц и т.д.).

Итак, было показано, что калмыцкие конструкции с аккузативным субъектом не проявляют свойств подъема. Однако аккузативная ИГ занимает некоторую позицию в ГП. В результате анализа ряда диагностических контекстов видно, что субъект

оформляется аккузативом, если относится к теме высказывания или является топиком. В противном случае выбирается номинативное оформление. В работе предлагается трактовка данных конструкций, как вынос субъекта зависимой предикации на левую периферию всего предложения. (Как представляется, данная трактовка также справедлива для аналогичных конструкций в тувинском языке [Serdobolskaya forthc.])

Список условных сокращений

ABL — аблатив; ACC — аккузатив; CAUS — каузатив; COMPL — комплементайзер; CONF — давнопрошедшее; COP — связка; DAT — датив; DEM — указательное местоимение; FUT — будущее; GEN — генитив; NEG — отрицание; PASS — пассив; PC — причастие; PC.CONT — имперфективное причастие; PL — множественное число; POSS — посессивные суффиксы; P.REFL — посессивный рефлексив; PRF — перфект, PROG — прогрессив; PST — прошедшее; REFL — рефлексив; SG — единственное число.

Литература

Санжеев Г. Д. Современный монгольский язык. М., 1960.

Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. М., 2001.

Lasnik H., Saito M. On the Subject of Infinitives // Chicago Linguistic Society 27, 1991.

Postal P. M. On Raising. Cambridge, MA—London, 1974.

Serdobolskaya N. Against Subject-to-Object Raising Analysis of Tuvinian nominalizations // Proceedings of the Third Workshop on Altaic in Formal Linguistics (WAFL-3). Moscow, 2006.

Serdobolskaya N. Towards the typology of raising: a functional approach // New Challenges in Typology. Vol. 2. Berlin, in print.

М. Н. Строева

Москва

СЕМАНТИКА «КОНКРЕТНЫХ» ПАДЕЖЕЙ В УРАЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

С нашей точки зрения, в существующих на данный момент работах по уральским языкам, несмотря на их обилие и разработанность, существуют некоторые проблемы, затрудняющие использование таких работ в ходе типологических исследований. Одной из проблем является отсутствие единообразия в описаниях уральских «конкретных»[1] падежей. Существует большой разброс как в названиях падежей (датив/аллатив/дательный/дательно-направительный…), так и в подходах к анализу.

Абсолютное большинство известных нам лингвистических работ, каким-либо образом затрагивающих вопрос значений «конкретных» падежей уральских языков, можно условно разделить на две категории. К первой категории относятся учебные пособия и грамматики этих языков, созданные в СССР в 1950-х-1980-х гг. (см., например, [Терещенко 1959, 1973, 1979; Грамматика мордовских языков 1962; Грамматика современного удмуртского языка 1962; Ромбандеева 1989]). Описания падежей в подобных работах по сути дела состоят из перечисления лексико-семантических групп глаголов, управляющих данным падежом, и некоторых синтаксических функций, которые могут выполнять оформляемые им имена. Кроме того, такие книги изобилуют семантическими терминами, значение которых скорее осознается на интуитивном уровне, чем строго определяется. Ср. выдержки из [Терещенко 1979], типичные для всех описаний данного типа:

---

[1] В употреблении термина «конкретные падежи» мы следуем Е. Куриловичу, предложившему этот ярлык для группы падежей с первичной семантической (наречной) функцией [Kurylowicz J. Le problème du classement des cas. Biuletyn Polskiego towarzystwa jezykoznawscogo, Zesz 9, 1949, c. 34].

«Существительные в этом падеже[2] обозначают направление движения, его конечный пункт, предел или границу распространения (как в пространстве, так и во времени), адресат в широком значении этого слова, значительно реже — причину и цель действия» [Терещенко 1979: 82].

«В соответствии со своей семантикой существительные в местно-творительном падеже сочетаются с глаголами состояния: *нилыди* ‘жить’, *ӆомтӯся* ‘сидеть’, *кондуаса* ‘спать’ и др.» [Терещенко 1979: 88].

«При помощи той же формы[3] обозначается логический субъект в предложениях пассивной конструкции» [Терещенко 1979: 88].

Мы ни в коем случае не стремимся подвергать сомнению научную ценность сочинений, о которых идет речь. Напротив, мы рассматриваем их как бесценный источник данных по исчезающим языкам. Однако подобный подход к описанию делает сравнение разных языков невероятно трудным. Было бы чрезвычайно полезно использовать для анализа падежной семантики более строгий и терминологически единый аппарат, позволяющий делать типологические обобщения и облегчающий сбор материала в условиях полевых исследований.

Работы второй категории начали появляться в конце 1990-х годов. Они образуют особое новое направление в уралистике. К этой группе относятся труды сотрудников Сектора языков народов Сибири Института филологии Сибирского отделения РАН (см., например, [Шилова 2003; Кошкарева 2005б; Кошкарева 2007]). Основные принципы, которых придерживаются представители этого направления, изложены в статье [Невская 2005], — а именно, комплексный[4] подход к описанию пространственных отношений (на практике это означает подход «от значения» и рассмотрение языковых средств всех уровней, от пространственных падежей, падежно-послеложных форм, служебных имен и анафорических местоимений до локативных предикатов и обра-

[2] В дательно-направительном — *М.С.*

[3] Местно-творительного падежа — *М.С.*

[4] «Категорию пространственности мы рассматриваем как функционально-семантическое поле (ФСП), охватывающее разноуровневые средства данного языка, участвующие в выражении пространственных отношений» [Невская 2005, 36].

зуемых ими конструкций [Невская 2005: 36]) и анализ падежных отношений на синтаксическом уровне (в терминах структурных схем и их репрезентаций на поверхностном уровне — элементарных простых предложений (ЭПП)).

На наш взгляд, подобный «разнобой» в подходах к описанию семантики «конкретных» падежей чрезвычайно затрудняет работу типологов. Одним из возможных решений этой проблемы является введение схемы такого описания, которое было бы едино для всех уральских языков. Нами была осуществлена попытка ввести такую схему. Ее основой является рассмотрение пространственных значений падежей в терминах локализаций и ориентаций, непространственных — в терминах значений, принадлежащих универсальному грамматическому набору. Набор ориентаций был взят нами из работы [Мельчук 1998], набор локализаций — из диссертации [Мазурова 2007]. Также используются значения из универсального грамматического набора, выделенные в [Ганенков 2002]. В качестве нотации были выбраны семантические карты[5].

Избранная нами схема была опробована на материале четырех уральских языков — нганасанского, ненецкого, хантыйского, эрзянского (шокшинский диалект)). Результатом стало единообразное описание семантики «конкретных» падежей в этих языках.

Фрагмент описания[6]:

Эрзянский язык, шокшинский диалект.

Аблатив

А. Семантические употребления

---

[5] Подход к описанию пространственных падежных значений в терминах локализаций и ориентаций изложен в [Мельчук 1998, 47–60, 324–350]. Описание непространственных значений как членов универсального, заранее заданного набора значений восходит к классической работе [Филлмор 1981] и используется довольно часто. Преимущества семантических карт при работе с семантикой грамматических категорий содержатся, например, в статье [van der Auwera, Plungian 1998].

[6] В описаниях пространственных значений латинскими буквами обозначены локализации, кириллицей — ориентации.

1) Пространственные значения

<SUPER2, элатив>:

(1) st′ak masturtendə!
st′a-k **mastur-te-ndə**
встать-2SG пол-DF-ABL
‘Встань с пола!’

<IN, элатив>:

(2) mon sudut′endə tus′ v′er′.
mon **sudu-t′e-ndə** tu-s′ v′er′-∅
1SG.NOM нос-DF-ABL идти-PST.3SG кровь-NOM
‘У меня **из носа** идет кровь.’

(3) susedan’ komnatat’ende mar’av’it’ val’g’ivt’.
suseda-n’ **komnata-t’e-nde** mar’a-v’-i-t’
сосед-GEN комната-DF-ABL слышать-AD-PRAES.P-3PL
val’g’iv-t’
голос-PL
‘**Из** соседней **комнаты** слышны голоса.’

<APUD, эссив>:

(4) kona tarkat′ende herma vaks-ne il’i̯ kos′jak?
kona **tarka-t′e-nde** herma-∅ vaks-ne il’i
который место-DF-ABL ферма-NOM около-LOC или
kos′-jak
где-PRGM
‘**В** каком **месте**, около фермы или где-то еще?’

2) Непространственные значения

СТИМУЛ ЭМОЦИИ

(5) son tandas p’in’ide.
son tanda-s **p’in’i-de**
3SG.NOM бояться-PST.3SG собака-ABL
‘Он боялся **собаки**.’

ПРИЧИНА

(6) mon t'ošnym'em čajd'e.
mon t'ošny-m'-e-m **čaj-d'e**
1SG.NOM тошнить-NZR-LOC-3SG чай-ABL
'Меня тошнит **от чая**.'

ИНСТРУМЕНТ

(7) s toj pary pov′ilos′ s′t′a što každyj ban′a miz′arda min′ik bannyj čy-s′ er′s′el′ katkas′ son′s′ sakšnyl′ k′enkš vaks i̯ lapat′n′in′ende iz′g′ir′es′.
s toj pary pov′ilos′ s′t′a što každyj ban′a
с той поры повелось так что каждый баня
miz′arda min′ik bannyj čy-s′ er′s′el′
когда 1PL.NOM банный день-DF.NOM быть.PST.3SG
katka-s′ son′-s′ sakšny-l′ k′enkš-∅
кот-DF.NOM 3SG.NOM-DF.NOM приходить-PLSQPF дверь-NOM
vaks i **lapa-t′n′i-n′e-nde** iz′g′ir′e-s′
около и лапа-PL.DF-DF.PL-ABL царапать-PST.3SG
'С той поры повелось так, что каждую баню, когда у нас был банный день, кот сам приходил к двери и царапал **лапами**.'

ВРЕМЕННАЯ ЛОКАЛИЗАЦИЯ

(8) a kona ij^{h}t'ende t'et'i̯s' il' t'et'e slučis' kam ij^{h}ste at sotsak.
a kona **ij^{h}-t'e-nde** t'et'i̯-s' il'
а какой год-DF-ABL этот-DF.NOM быть.PST
t'et'e sluci-s' kam ij^{h}-ste at sotsa-k
этот случай-DF.NOM какой год-EL не помнить-2SG.S
'А **в** каком **году** был этот случай? В каком году, не знаешь?'

Б. Семантико-синтаксические употребления
В непредельной предикации

(9) vas'es' dač'at'ende stroj'adnas' (kaw^{h}tu ij^{h}'t'), (no eš'o er'ize prostak strojadnamut')

vas’e-s’ **dač’a-t’e-nde** stroj’adna-s’
Вася-DF.NOM дача-DF-ABL строить-PST.3SG
kaw^{h}tu ij^{h}’-t’ (no eš’o er’ize prostak strojadnamut’)
два год-GEN
‘Вася строил **дачу** (два года), (но еще не закончил).’

Предлагаемое нами описание семантики «конкретных» падежей в четырех уральских языках представлено в виде семантической карты.

В докладе предполагается подробно изложить мотивировку выбора вышеописанного метода изложения и представления семантики «конкретных» падежей уральских языков, представить результаты его применения, а также достоинства и недостатки избранного нами подхода.

Литература

Ганенков Д. С. Модели полисемии пространственных показателей. Дипломная работа. М., 2002.

Грамматика мордовских (мокшанского и эрзянского) языков. Ч. 1. Саранск, 1962.

Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология. Ижевск, 1962.

Кошкарева Н. Б. Синтаксические средства выражения пространственных отношений (на материале уральских и тунгусо-маньчжурских языков Сибири) // Пути формирования лингвистического ландшафта Сибири. Новосибирск, 2005.

Кошкарева Н. Б. Типовые синтаксические структуры и их семантика в уральских языках Сибири. Автореф. дисс... док. фил. наук. Новосибирск, 2007.

Мазурова Ю. В. Типология средств выражения пространственной локализации (вертикальная ось). Дисс… канд. фил. наук. М., 2007.

Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Том II. Ч. 2. Вена, 1998.

Ромбандеева Е. И., Вахрушева М. П. Мансийский язык. Учебник для педагогических училищ. Л., 1989.

Строева М. Н. Семантика локативных падежей в уральских языках. Дипломная работа. М., 2008.

Терещенко Н. М. В помощь самостоятельно изучающим ненецкий язык. (Опыт сопоставительной грамматики ненецкого и русского языков). Л., 1959.

Терещенко Н. М. Синтаксис самодийских языков. Л., 1973.

Терещенко Н. М. Нганасанский язык. Л., 1979.

Шилова В. В. Система пространственных моделей элементарных простых предложений в тундровом и лесном диалектах ненецкого языка // Языки коренных народов Сибири. Вып. 11. Новосибирск, 2003.

van der Auwera J., Plungian V. A. Modality's semantic map // Linguistic typology, 1998. Vol. 2. № 2.

М. А. Холодилова

Санкт-Петербург

КОНСТРУКЦИЯ, ДОПУСКАЮЩАЯ ВНЕШНИЙ ПОСЕССОР, В КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ[1]

В калмыцком языке при ряде глаголов физического воздействия — zuu- ‘кусать’, cok- ‘бить’, tat- ‘тянуть’ и др. — в случае, когда действие направлено на обладаемый объект, употребляется конструкция, в которой допустимо выражение посессора как зависимого при обладаемом и как зависимого при глаголе. В последнем случае у глагола оказывается два именных зависимых, при этом посессор занимает позицию прямого дополнения[2]. В случае же выражения посессора как зависимого при обладаемом, последнее оформляется не как прямое дополнение, что отличает рассматриваемую конструкцию от классической конструкции с внутренним посессором. В докладе рассматриваются некоторые свойства этой конструкции.

I. Инвентарь возможных моделей оформления зависимых

1. Обладаемое, на которое направлено действие, помимо аккузатива (2а), может быть оформлено одним из периферийных падежей: инструменталисом, аблативом или дативом.

2. Посессор, частью которого является обладаемое, может зависеть от глагола и стоять в аккузативе (1) или зависеть от существительного и стоять в генитиве (2). Посессор может быть не

---

[1] Исследование основано на материалах, собранных в ходе лингвистической экспедиции в Калмыкию в августе 2008 года, организованной факультетом филологии и искусств СПбГУ. Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 07-06-00278 «Разработка и создание корпусов глоссированных текстов на малых языках России: нанайский, удэгейский, калмыцкий».

[2] Такие конструкции часто причисляются к конструкциям с внешним посессором [Кибрик 2003: 307–308], однако некоторые авторы выделяют их в отдельный класс, см. обзор в [König 2001]).

выражен отдельным словом в случае, если на существительном есть посессивный показатель (3).

(1) Mini ür-ig noxa köl-äsə-ny zuu-və
1SG:GEN друг-ACC собака нога-ABL-P.3 кусать-PST
‘Собака укусила моего друга за ногу.’

(2) Noxa mini kölə-m / köl-äsə zuu-və
собака 1SG:GEN нога-P.1SG нога-ABL кусать-PST
‘Собака укусила меня за ногу.’

(3) Noxa köl-äsə-m zuu-və
собака нога-ABL-P.1SG кусать-PST
‘Собака укусила меня за ногу.’

II. Некоторые свойства конструкции

II.1. Оформление посессора. Выбор позиции, в которой выражается посессор: при глаголе или при существительном — определяется, видимо, рядом факторов, из которых наиболее очевидным является коммуникативная значимость посессора и обладаемого.

(4) Noxa-gə / OKnoxa-n[3] bichä
собака-ACC собака-GEN NEG.IMP
süül-äsə-ny tatə-ø
хвост-ABL-P.3 тянуть-IMP
‘Не хватай собаку за хвост!’ [Ей же больно!]

(5) Bichä noxa-n / *noxa-gə kirtä
NEG.IMP собака-GEN собака-ACC грязный
süül-äsə-ny bärə-ø
хвост-ABL-P.3 держать-IMP
‘Не хватай собаку за хвост.’ [Он грязный, ты испачкаешь руки.]

Интересно, что вне зависимости от способа оформления посессора возможным оказывается выражение обладаемого не аккузативом, притом в нейтральных контекстах для части глаго-

[3] Знаком “OK” здесь и далее отмечены варианты, которые принимаются информантами как возможные, но, как правило, не порождаются.

лов возможна только переходная конструкция (ср. (6) и (7)), т.е. границы конструкции определяются скорей положением не посессора, но обладаемого.

(6) Üüdə / *üüd-är tülkə-ø
дверь / дверь-INS толкнуть-IMP
‘Толкни дверь.’

(7) Baatər Badma-n nurq-ar-ny tülk-chə
Батр Бадма-GEN спина-INS-P3 толкнуть-EVID
‘Батр толкнул Бадму в спину.’

II.2. Оформление обладаемого. *II.2.1. Конкуренция инструменталис vs. аблатив*[4]. Для каждого из рассмотренных глаголов наблюдается явное предпочтение какого-то одного способа оформления обладаемого: аблативом либо инструменталисом. При этом для части глаголов второй вариант оформления является недопустимым, для части — только менее частотным.

Основной способ оформления обладаемого	ABL	INS
второй способ оформления исключен/находится на грани допустимости	tevr- ‘обнимать’ zuu- ‘кусать’ xaz- ‘кусать’ tat- ‘тянуть’	cok- ‘бить’ xa- ‘стрелять’ shiv- ‘бросать’ tus- ‘попадать’ täär- ‘порезать’
второй способ оформления редок, но допустим	bär- ‘держать’ av- ‘брать’ üms- ‘целовать’ atx- ‘крепко брать’	il- ‘гладить’ shaa- ‘колоть’

Представляется, что разделение на группы по преимущественному оформлению обладаемого неслучайно.

В одном из своих основных употреблений аблатив означает «предмет как целое, от которого изымается, берется какая-либо часть» [Пюрбеев 1993: 181]. Если принять, что аблатив в рас-

[4] Дативное оформление обладаемого — стратегия достаточно редкая и сильно привязанная к отдельным глагольным лексемам. Подробней о ней см. в II.2.3

сматриваемой конструкции восходит именно к значению отделения части от целого, разделение на группы частично объясняется. В нормальном случае семантика отделения предполагает компонент движения: часть объекта «зацепляется» агенсом и переносится за пределы исходных границ объекта. Семантический компонент движения сохраняется в данной конструкции, поэтому аблатив невозможен, если действие направлено в первую очередь на поверхность объекта, в т.ч.:

a. не предполагает компонента движения лежащего за воображаемой плоскостью, отделяющей предмет от остального мира;

(8) Baatər Badm-igə tolqa-qar-ny / *tolqa-qasə-ny
Батр Бадма-ACC голова-INS-P.3 голова-ABL-P.3
cokə-v
бить-PST
‘Батр ударил Бадму по голове.’

b. направлено на разрушение поверхности предмета

(9) Ajsa gentkən kövün-ä
Айса случайно мальчик-GEN
OKqar-ar-ny / *qar-asə-ny täärə-v
рука-INS-P.3 рука-ABL-P.3 резать-PST
‘Айса случайно поранила мальчику руку.’

Подтверждением этого предположения может служить также глагол tülk- ‘толкать’. Обладаемое при этом глаголе тяготеет к инструменталису, если действие совершается в плоскости его поверхности, и к аблативу, если оно предполагает выход за эту плоскость.

(10) Baatər Badma-gə nurq-ar-ny / ?nurq-asə-ny
Батр Бадма-ACC спина-INS-P.3 спина-ABL-P.3
tülk-chə
толкнуть-EVID
‘Батр толкнул Бадму в спину.’

(11) Üüd-igə bärül-äsə-ny / [OK]bärül-är-ny tülkə-ø
дверь-ACC ручка-ABL-P.3 ручка-INS-P.3 толкать-IMP
‘Толкни дверь за ручку.’

II.2.2. Дативное оформление обладаемого. Обладаемое может стоять в дативе при достаточно небольшом числе глаголов: tüsh- ‘опереться’, kür- ‘касаться’ (в сочетании с прямым дополнением qar ‘рука’), в некоторых случаях с tus- ‘попасть’.

При последнем глаголе для дативного оформления обладаемого необходима контактность действия:

(12) Aŋquchə göräsn-ä zürk-är / [??]zürkən-də tus-va
охотник сайгак-GEN сердце-INS сердце-DAT попасть-PST
[Охотник выстрелил из ружья.] ‘Охотник попал сайгаку в сердце.’

(13) Aŋquchə utx-ar sajgak-in
охотник нож-INS сайгак-GEN
zürkən-də / [OK]zürk-är tusə-v
сердце-DAT сердце-INS попасть-PST
[Охотник пошел с ножом на сайгака и нанес ему удар.] ‘Охотник попал сайгаку в сердце.’

(14) Buuq-in sumə sajgak-in tolqa-qar / tolqa-də
ружье-GEN пуля сайгак-GEN голова-INS голова-DAT
tusə-v
попасть-PST
‘Пуля попала сайгаку в голову.’

II.2.3. Отдельные особенности управления. В примерах (10) и (11), помимо подтверждения версии о распределении аблативного и инструментального оформления, можно увидеть еще одну особенность подобных конструкций калмыцкого языка: форма зависимого здесь во многом определяется не глагольной лексемой, а характером протекания ситуации. Этому находятся и другие подтверждения.

а. С глаголом zuu- ‘укусить’ наиболее распространенной является схема оформления с аблативом. Однако в случае с укусом комара (но не собаки) допустимой оказывается схема оформления с инструменталисом. (Для объяснения см. *II.2.1*)

б. С глаголом tus- ‘попасть’ схема оформления зависит от контактности/дистантности действия. (см. II.2.2)

II.3. О сфере применения конструкции. Для большей части примеров с данной конструкцией возможны три подхода к объяснению того, почему она возможна в определенных контекстах:

1. Возможность использования этой конструкции — синтаксическая особенность определенного семантического класса глаголов (проявляющаяся, если на роль прямого дополнения претендуют два слова).
2. Помимо семантического класса глагола, имеет значение наличие/отсутствие у «обладаемого» валентности на посессор.
3. Помимо семантического класса глагола, имеет значение то, воспринимает ли говорящий отношения между задействованными объектами как посессивные.

Для большинства глаголов провести границу между этими подходами невозможно: если два зависимых претендуют на роль прямого дополнения, например, при глаголе со значением ‘укусить’, один из них необходимо должен быть частью другого, т.е. обладать валентностью на посессор и быть с последним в посессивных отношениях.

Исключением является глагол tat- ‘тянуть’. На его примере можно проследить различие между ситуациями, когда два объекта воспринимаются как независимые (15a), либо один из них воспринимается как часть другого (15b):

(15a) Kövün mashi-gə dees-är / *dees-äsə
мальчик машина-ACC веревка-INS веревка-ABL
tat-dhə jov-na
тянуть-CV.IPFV идти-PRS
‘Мальчик тянет машинку за веревку.’

(15b) Kövün mashi-gə dees-äsə-ny / *dees-är-ny
мальчик машина-ACC веревка-ABL-P.3 веревка-INS-P.3
tat-dhə jov-na
тянуть-CV.IPFV идти-PRS
‘Мальчик тянет машинку за веревку.’

Различие между (15a) и (15b), очевидно, нельзя объяснять свойствами глагола. Другой возможный путь — объяснение этого различия через свойства существительного — кажется также сомнительным. В этом случае пришлось бы сказать, что существует два слова deesən ‘веревка’, одно из которых обладает валентностью на посессора, другое — нет. Кажется, единственным возможным путем оказывается уже упоминавшееся объяснение напрямую через семантику: в (15b) данная конструкция может использоваться, т. к. веревка воспринимается как часть машины, в 15a конструкция использоваться не может, т.к. веревка воспринимается как отдельный объект. (Инструменталис здесь, вероятно, использован в своем прямом значении — инструмента, при помощи которого агенс совершает действие.)

III. Выводы

1) Рассматриваемая конструкция возможна и без расщепления валентностей, т. е. с посессором в позиции зависимого при обладаемом (притом, что в произвольных условиях при тех же глаголах такое падежное оформление зависимых чаще всего невозможно).

2) Выбор способа оформления обладаемого может определяться либо глагольной лексемой, распространяясь на все случаи ее употребления, либо характером протекания ситуации.

Список условных сокращений

ABL — аблатив, ACC — аккузатив, CV.IPFV — соединительное причастие, DAT — датив, EVID — эвиденциалис, GEN — генитив, IMP — императив, INS — инструменталис, NEG — отрицание, P — посессивность, PRS — настоящее время, PST — прошедшее время, SG — единственное число.

Литература

Кибрик А. Е. Внешний посессор в русском языке // *Кибрик А. Е.* Константы и переменные языка. СПб, 2003.

Пюрбеев Г. Ц. Историко-сопоставительные исследования по грамматике монгольских языков. М., 1993.

König E. Internal and external possessors // *Haspelmath M., König E, Oesterreicher W., Raible W.* (eds). Language Typology and Language Universals. Berlin, 2001.

В. Л. Цуканова

Москва

БАЗОВЫЙ ПОРЯДОК СЛОВ И ТОПИКАЛИЗАЦИЯ В АРАБСКОМ ЯЗЫКЕ[1]

Базовым порядком слов в классическом арабском языке является порядок VSO. Порядок SVO также встречается, но рассматривается в традиционных арабских грамматиках как именное предложение, то есть, фактически, как топикализация без прономинальной копии. В пользу такой трактовки говорит тот факт, что в арабском имеет место субъектный продроп, и прономинальная копия подлежащего тем самым не требуется грамматикой.

В некоторых работах по истории арабского языка и арабской диалектологии утверждается, что в современных арабских диалектах имеет место движение в сторону смены базового порядка слов VSO → SVO (см. об этом в работах [Белова 1999; Brustad 2000]). В грамматике сирийского диалекта [Cowell 1964/2005] отмечается, что свободный порядок слов чаще всего наблюдается в клаузах с определенным подлежащим, а также если в роли подлежащего выступает именная группа из двух или более членов.

Представляется интересным проверить данное утверждение статистически на материале классического и современного литературного языка и современных диалектов, а также выяснить, можно ли для языка данного типа выяснить природу такого сдвига: где проходит граница между синтактико-семантическими критериями определения порядка слов и топикализацией подлежащего.

Первоначально предполагалось решить статистическую задачу на большом материале, используя существующий электронный корпус арабского языка, однако оказалось, что он не обладает такими возможностями, поэтому материал обрабатывался

[1] Корпусные данные для данной работы собраны при поддержке гранта РФФИ № 07-06-00061а.

вручную в меньшем масштабе, что дает некоторую вероятность статистической погрешности. Были исследованы следующие источники (только нарративы): 1) Литературные тексты разного периода — нарративные суры Корана, «1001 ночь», проза Нагиба Махфуза (современная художественная литература), современная пресса; 2) записанные устные рассказы на кувейтском и сирийском диалекте. Рассматривались только глагольные клаузы — не сочиненные и такие, порядок слов в которых не обусловлен синтаксически.

В результате были получены цифры, демонстрирующие незначительное увеличение процента встречаемости SV в диалектах по сравнению с литературным языком (на 4%) и увеличение процента PnV (наличие личного местоимения при финитной форме глагола — на 8%), притом, что доминирующими остаются VØ (Pro drop — ок. 55% в литературном языке и 70% в диалектах) и VS (ок. 30 % в литературном языке и 11% в диалектах). Таким образом, первым выводом является то, что базовый порядок слов в арабском языке остается прежним.

Остается проблема трактовки подлежащего, предшествующего глаголу без дополнительных синтаксических средств в литературном языке и диалектах. Можно ли просто обозначить данное явление как топикализацию?

Под топикализацией мы имеем в виду вынос топика правее или левее его обычной позиции в предложении, имеющее целью эксплицитное обозначение топика в языке, не обладающем для этого специальными морфологическими средствами (см., например, [Creissels 2006; Ли, Томпсон 1982]). В арабском языке существует несколько средств оформления топикализации, и они различаются на разных этапах развития языка. В классическом языке для топикализации всех актантов, включая подлежащее, используются также частица inna (стандартно трактующаяся как эмфатическая) и союз ammā... fa (стандартный перевод — ‘что касается... то’), прономинальная копия для косвенного падежа обязательна. В примере (1) из Корана (12:13) топикализируется местоимение 1 лица в роли прямого дополнения:

(1)	inn=ī	la=yaḥzunu=nī	an	ta<u>d</u>habū	bi=hī
	EMPH-я	EMPH=огорчает=меня	чтобы	вы.пошли	с=ним

‘Огорчит меня, если вы пойдете с ним’.

В современных диалектах неподлежащные актанты выносятся без дополнительных частиц как в начало клаузы, так и в конец ее, и даже могут находиться внутри клаузы до или после именной или предложной группы, см. (2) из кувейтского рассказа, где местоимение 2 лица выносится дважды — сначала в начало клаузы, затем в начало предложной группы:

(2) enta fī ittifāq enta beyn=ak u=beyn=hum
ты есть соглашение ты между=тобой и=между=ними
‘У тебя есть с ними соглашение’.

Поскольку последовательность PnV возможна и даже довольно распространена в диалектах, можно было бы ожидать, что топикализация подлежащего также будет сопровождаться прономинальной копией, однако этого не происходит, ср. пример (3) из кувейтского диалекта и пример (4) из сирийского:

(3) hāḏa l-ʿirāqiyīn daššow lə-kwēt
этот DF-иракцы вошли DF-Кувейт
‘Эти иракцы вошли в Кувейт / Эти иракцы, они вошли в Кувейт’.

(4) zalame we’ʿ ʿa=l-’arḍ
мужчина упал на=DF-земля
‘Мужчина упал на землю / Мужчина, он упал на землю’.

Это кажется аргументом в пользу того, что любую последовательность SVO можно считать топикализацией, однако вынос топика вправо абсолютно симметричен — местоименная копия отсутствует.

Другим аргументом является указанная выше особенность выноса топика внутри клаузы, так что положение подлежащего, предшествующего глаголу даже не в начале клаузы, можно было бы рассматривать как топикализацию:

(5) baʿdēn zōǧ=i ṭāḥ ġašyān
потом муж=мой упал бесчувственный
‘Потом мой муж упал в обморок’.

Третий аргумент — дискурсивный , который может быть применен только к материалу устных рассказов. Прототипический вынесенный топик несет на себе акцент (о континууме вы-

несения топиков на материале устной речи см. [Кибрик, Подлесская (в печати)]), однако в примере (2) акцентов на местоимении нет, как нет их и в большинстве случаев предшествования подлежащего.

Таким образом, формально ничто не противоречит тому, чтобы считать любые случаи порядка слов SV топикализацией, однако примеры типа (5) заставляют сомневаться в этом не только потому, что предполагаемый вынесенный топик не выделен ни синтаксически, ни интонационно, но и потому, что он не несет обычной для вынесения топика прагматической нагрузки — актуализации данного. К тому же возникает вопрос, как трактовать случаи последовательности SV в литературном языке без дополнительных частиц, см. пример (6) из Корана (12:30):

(6)	mra'atu	l-ʿazīzi	turāwidu	fatā=hā
	женщина	DF-вельможи	отвращает	юношу=ее
	ʿan nafsi=hī			
	от души=его			

'Жена вельможи соблазняет своего слугу'.

Другое решение — признавать топикализацией только вынос топика с помощью частиц в литературном языке и наличие акцента в разговорном, и в этом случае придется констатировать ассиметрию топикализации подлежащных и неподлежащных актантов — последние имеют местоименную копию в главной клаузе и могут не иметь на себе акцента.

В целом можно сделать следующие выводы: типологическими характеристиками как классического, так и современного арабского языка (по крайней мере, в том, что касается восточных диалектов) остаются базовый порядок слов VSO и опущение местоимения при финитной глагольной форме, несмотря на то, что в устной речи зафиксирован рост процента предшествования глаголу подлежащего и, в частности, личных местоимений. Возможно, это объясняется склонностью устной речи к топикализации, однако признавать таковой любой вынос подлежащего влево представляется не соответствующим коммуникативной структуре многих примеров. Особенностью устной арабской речи является вынос топика не только в начало или конец клаузы, но также и в начало и конец именной группы, иногда сопровождающееся от-

сутствием акцента на вынесенном имени. Это затрудняет анализ коммуникативной структуры предложений с порядком слов SV и PnV.

Список условных сокращений

DF — определенный артикль; EMPH — эмфатическая частица; PN — местоимение; S — существительное; V — глагол.

Литература

Белова А. Г. Очерки по истории арабского языка. М., 1999.

Кибрик А. А., Подлесская В. И. (ред.). Рассказы о сновидениях: комплексное исследование устного русского дискурса (в печати).

Ли Ч. Н., Томпсон С. А. Подлежащее и топик: новая типология языка // НЗЛ. Вып. XI. 1982.

Brustad K. E. The Syntax of Spoken Arabic. Washington, 2000.

Cowell M. W. A reference grammar of Syrian Arabic. Washington, D.C., 1964/2005.

Creissels D. Syntax générale: une introduction typologique. Paris, 2006.

А. С. Шаврыгина

Москва

ПОРЯДОК СЛЕДОВАНИЯ ГЛАВНОГО И ПРИДАТОЧНОГО В ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ С *ПЕРЕД ТЕМ КАК* И *ПОСЛЕ ТОГО КАК*

1. Сложность понимания конструкций с *перед тем как* и *после того как*

Основными семантическими компонентами, формирующими временное отношение, являются значения одновременности или разновременности (предшествования или следования).

В данной работе рассматриваются предложения, которые выражают временные отношения, а именно обстоятельственные предложения с подчинительными союзами[1] *после того как* и *перед тем как*.

Зависимая предикация с таким союзом может быть как в препозиции, так и в постпозиции к главной: в одном случае придаточное предложение предшествует главному (Перед_1, После_1), в другом — главное предложение предшествует придаточному (Перед_2, После_2). Например,

(1) *Перед тем как мама придет домой, Лена вымоет посуду* (Перед_1).

(2) *После того как Лена вымоет посуду, мама придет домой* (После_1).

(3) *Лена вымоет посуду перед тем, как мама придет домой* (Перед_2).

(4) *Мама придет домой после того, как Лена вымоет посуду* (После_2).

В нескольких работах на материале английского языка высказывались различные гипотезы: о лучшем понимании предло-

---

[1] В данной работе рассматриваются все примеры с *перед тем как*, *после того как*, в том числе те, где они являются союзными словами.

жений, в которых порядок следования событий соответствует их естественному порядку [Clark 1968], о лучшем понимании предложений с before [Bever 1970; Clark 1971].

На материале русского языка данная проблема исследована очень мало, но имеющиеся работы подтверждают, что хуже всего понимаются предложения с союзом *перед тем как* [Федорова, 2005].

Задача данного исследования — проверить эту гипотезу. Для этого был проведен психолингвистический эксперимент на понимание сложных предложений со значением времени. С другой стороны, был произведен подсчет частотности конструкций с препозицией и постпозицией придаточного предложения в устной спонтанной речи на материале Национального корпуса русского языка. Таким образом, в работе осуществляется попытка сравнить данные двух исследований: экспериментального и корпусного.

2. Описание эксперимента

Эксперимент проводился по распространенной методике разыгрывания сцен (Act-Out Task), разработанной Н. Хомским в конце 70-ых годов [Федорова 2005]. Испытуемому предлагалось выполнить некоторые задания, которые были сформулированы в виде сложноподчиненных предложений со значением времени 4 типов.

(1) *Перед тем как положить слона на ослика, положите медведя на зонтик* (Перед_1).
(2) *После того как положите книжку на кровать, положите слона на зонтик* (После_1).
(3) *Положите стол на книжку перед тем, как положить зонтик на кровать* (Перед_2).
(4) *Положите медведя на слона после того, как положите лягушку на кровать* (После_2).

Экспериментатор фиксировал правильность/неправильность выполнения действий.

В ходе эксперимента были выдвинуты и доказаны 2 гипотезы:

1. Предложения с союзом *перед тем как* понимаются хуже, чем предложения с союзом *после того как*.
2. Предложения типа Перед_2 понимаются хуже, чем остальные (Перед_1, После_1, После_2).

3. Данные корпусного исследования

Был произведен подсчет частотности рассматриваемых конструкций на материале устного подкорпуса Национального корпуса русского языка на запросы по союзам *после того как* и *перед тем как* (таблица 1).

Таблица 1

Тип конструкции	Общее количество примеров	Процентное соотношение, %	Пример
А, перед тем как В	60	35	*Мы с Ксенией покушали перед тем / как сходили в магазин.* [НКРЯ]
перед тем как А, В	60	65	*Стенограмма данного заседания ведется / поэтому перед тем / как даже реплику произнести / желательно представиться.* [НКРЯ]
А, после того как В	200	47	*Нормальными они и останутся / но только после того / как на месте все эти вопросы будут решены.* [НКРЯ]
после того как А, В	200	53	*После того как умирал отец / его пост / занимал сын / и так далее и так далее.* [НКРЯ]

Очевидно, что наиболее часто встречаются конструкции с союзом *после того как*, при этом конструкция Перед_2 встречается реже, чем конструкция Перед_1. Это совпадает с экспериментальными данными о худшем понимании предложений с союзом *перед тем как*, особенно предложений типа Перед_2. Можно

предположить, что существует связь между тем, как понимается та или иная конструкция, и тем, как часто она употребляется в разговорной речи.

4. Выводы

Итак, в работе рассматривается проблема понимания обстоятельственных предложений с подчинительными союзами *после того как* и *перед тем как*. В результате анализа данных, полученных в ходе психолингвистического эксперимента и корпусного исследования, можно сделать следующие выводы:

Предложения с подчинительным союзом *перед тем как* (особенно предложения с конструкцией Перед_2) не только понимаются хуже, но и употребляются в разговорной речи гораздо реже, чем предложения с подчинительным союзом *после того как*.

Литература

Федорова О. В. Перед или после: что проще? (понимание сложноподчиненных предложений с придаточным времени) // Вопр. языкознания, 2005. № 4.

Bever T. G. The comprehension and memory of sentences with temporal relations // *Flores d'Arcais, G. B., Levelt W. J. M* (eds). Advances in psycholinguistics. Amsterdam, 1970.

Clark E. V. On the acquisition of the meaning of before and after // Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior, 1971. № 10.

М. С. Шматова

Москва

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ МЕСТОИМЕНИЯ С ОСНОВОЙ AS- (AČ-, AS') В ИЖЕМСКОМ ДИАЛЕКТЕ КОМИ-ЗЫРЯНСКОГО ЯЗЫКА

Данная работа посвящена исследованию рефлексивных местоимений с основой as- в ижемском диалекте коми-зырянского языка. Установлено, что в ряде языков рефлексивное местоимение может нарушать универсальную иерархию позиций рефлексива, предложенную в работе [Тестелец, Толдова 1998]. В работе [Волкова, ms.] гипотеза Тестельца и Толдовой проверялась на материале нескольких финно-угорских языков, в том числе и на материале печорского диалекта коми-зырянского языка. Целью настоящей работы является проверка вышеупомянутой гипотезы на материале ижемского диалекта коми-зырянского языка. Также мы покажем, что рефлексивное местоимение в ижемском диалекте нарушает принципы связывания, постулированные в работе [Chomsky 1981]. Материал получен в результате полевых исследований в летней лингвистической экспедиции в село Мужи Шурышкарского района (ЯНАО).

1. Общие замечания о рассматриваемом местоимении

В ижемском диалекте коми-зырянского языка рефлексивное местоимение имеет три основы, т.е. 3 алломорфа: as-, ač и as'- [Сахарова, Сельков 1976]. Не вполне понятно, какую форму данного местоимения считать начальной. Поэтому в данной работе мы будем говорить о «местоимении с основой as-», так как данная основа встречается в парадигме наиболее часто и, к тому же, именно эта основа употребляется с послелогами.

В традиции финно-угорского языкознания отмечается, что рефлексивные местоимения, кроме собственно возвратной (в типологической традиции, рефлексивной), могут иметь также и усилительную функцию (в типологической традиции, эмфатическую).

(1) mi as’-num lys’ad-a-m obed-sə
мы сам.NOM.PL-NOM.1PL готовить-NPST-1PL обед-ACC3
‘Мы сами приготовим обед’.

Далее мы будем рассматривать это местоимение только в его рефлексивном употреблении.

2. Нарушение универсальной иерархии позиций рефлексива

Остановимся подробно на синтаксическом поведении местоимения с основой as- в его рефлексивной функции, т.е. нас будет интересовать именная стратегия рефлексивизации в ижемском диалекте коми-зырянского языка.

В работе [Тестелец, Толдова 1998] было установлено, что выбор рефлексивного местоимения зависит от синтаксической позиции рефлексива (при антецеденте-подлежащем). Для рассматриваемого диалекта иерархия выглядит следующим образом:

Таблица 1. Иерархия позиций рефлексива для ижемского диалекта коми-зырянского языка

Позиции местоимения	Местоимение
Прямое дополнение при двухместном предикате (при кореферентности с подлежащим)	as-
Прямое дополнение при многоместном (битранзитивном) предикате	as-
Коаргументная позиция	as-
Неактантная ИГ, сопредикатная с подлежащим	sy-
ИГ, входящая в нефинитную зависимую предикацию	sy-
ИГ, входящая в финитную зависимую предикацию	sy- (as-)

(2) P’et’a l’ubite as’-sə
Петя любит сам.ACC-ACC.3SG
‘Петя любит себя’.

(3) baba-ys$_i$ čəkt-ɨ-s Ivan-əs$_J$ sɨ-ə$_i$ beregitny
жена-3 просить-PST1-3 Иван-ACC1 он-ACC жалеть.INF
‘Жена попросила Ивана пожалеть ее’.

Интересно, что, например, в (3) (случай инфинитивной зависимой предикации) выбирается анафорическое местоимение *sy*, тогда как в коми-печорском диалекте в данном случае наряду с ним употреблялось местоимение с основой as-. В остальном иерархия для двух диалектов совпадает, см. [Волкова, ms.].

Как видно из Таблицы 1, иерархия может нарушаться в последнем случае: при финитной зависимой предикации может выбираться не только sy-, но и as-. При этом местоимение as- возможно только в случаях с предикатом, управляющим дативом:

(4) Pet'a$_i$ va-i-s mam-ɨs-lɨ$_j$ cvetok
Петя принести-PST1-3 мама-3-DAT цветок
kod as-lys$_i$ nrav'ičs'a
который сам.OBL-DAT.3 нравится
'Петя принес маме цветок, который ему нравится'.

(5) Pet'a$_i$ va-i-s mam-ɨs-lɨ$_j$ cvetok
Петя принести-PST1-3 мама-3-DAT цветок
kod sy-ly$_j$ nrav'ičs'a
который он-DAT.3 нравится
'Петя принес маме цветок, который ей нравится'.

В (4) рефлексивное местоимение в придаточном кореферентно подлежащему в главном. Это, на наш взгляд, довольно интересное явление, заслуживающее рассмотрения также и на материале других финно-угорских языков.

3. Случаи нарушения принципов связывания

Интересно, что притяжательное рефлексивное местоимение (в форме генитива) в ижемском диалекте коми-зырянского языка нарушает также и некоторые принципы связывания, а именно принцип структурного приоритета (или c-command) антецедента над рефлексивным местоимением. Рассмотрим следующий пример:

(6) Saša-əs$_i$ ošk'-i-s as-ləs$_i$ vok-ɨs
Саша-ACC1 хвалить-PST1-3 сам.OBL-GEN1.3 брат-3
'Сашу похвалил его брат'.

В (6) рефлексивное местоимение в форме генитива может иметь антецедент, который находится ниже него в дереве, то есть не си-коммандует им.

Кроме того, необязательно, чтобы антецедент предшествовал рефлексивному местоимению. Исследования показывают, что существует возможность постановки местоимения с основой as- в форме генитива перед антецедентом.

(7) as-ləs$_i$ vok-ɨs Saša-əs$_i$ ošk'-i-s
сам.OBL-GEN1.3 брат-3 Саша-ACC1 хвалить-PST1-3
'Его$_i$ (Сашин) брат похвалил Сашу$_i$'.

4. Выводы

Полевые исследования ижемского диалекта (на материале его мужевского говора) показали, что местоимение с основой as- в функции рефлексива нарушает универсальную иерархию позиций рефлексива.

Также было выяснено, что рассматриваемое местоимение нарушает и принцип структурного приоритета: антецедент в случае, когда рефлексивное местоимение употреблено в поссесивном контексте, не си-коммандует своим анафором (кроме того, анафор также может находиться в препозиции к антецеденту). Подобное нарушение принципа си-коммандования наблюдается также в дагестанских языках, см. [Тестелец, Толдова 1998].

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ACC — аккузатив; DAT — датив; GEN — генитив; INF — инфинитив; LOC — локатив; OBL — косвенная основа; PL — множественное число; POSS — посессивное склонение; PST — прошедшее время.

Литература

Волкова А. А. Синтаксические особенности возвратных местоимений в финно-угорских языках. Дипломная работа, МГУ. 2004. Ms.

Майтинская К. Е. Местоимения в языках разных систем. М., 1969.

Сахарова М. А., Сельков Н. Н. Ижемский диалект коми языка. Сыктывкар, 1976.

Тестелец Я. Г., Толдова С. Ю. Рефлексивные местоимения в дагестанских языках и типология рефлексива // Вопр. языкознания. 1998. № 4.

Chomsky N. Lectures on Government and Binding. Dordrecht, 1981.

Д. А. Эршлер

Москва

(ПОЧТИ) ВАККЕРНАГЕЛЕВСКИЕ КЛИТИКИ В ДИГОРСКОМ ОСЕТИНСКОМ[1]

Иронский и дигорский осетинский — близкородственные северовосточноиранские языки, распространенные на Центральном Кавказе. Они обладают чертами, отличающими их типологически как от прочих иранских, так и от соседних кавказских языков. В частности, и в языках Кавказа, и во всех новоиранских языках, кроме пашто, отсутствуют клитики второй позиции. Осетинские клитики до сих пор почти не анализировались[2], а сравнительно большой их инвентарь и способность образовывать длинные цепочки (1) позволяют проверять на осетинском материале современные теории ваккернагелевских клитик.

(1) @[3] [$_{PP}$cal-dɐr mɐj-i raz-mɐ]**=dɐr=ma=mɐ**
сколько-INDF месяц-GEN перед-ALL=FOC=еще=1SG.ACC
dɐ=wodigaga xud-taj
2SG=душенька называть-TR.PST.2SG
‘Ведь несколько месяцев назад ты меня называл своей душенькой’.

---

[1] Дигорские материалы были собраны в селах Новый Урух и Толдзгун Ирафского р-на РСО-Алании в июле 2008 г. Я признателен моим дигорским консультантам: Олегу, Хетагу и Тамерлану Будаевым, Диане Бязровой, Хасану Гоконаеву, Ирине Пирисаевой и Индире Тагаевой. Я благодарю Фатиму Елоеву, Альбину Озиеву и Елизавету Кочиеву за помощь в организации этой поездки. Поездка была поддержана грантами РФФИ № 0804-18011е и РГНФ № 08-04-18019е.

[2] Иронские клитики рассматривались в работах [Абаев 1949; Erschler 2008], опубликованных исследований по клитикам в дигорском (как и по дигорскому синтаксису вообще), насколько мне известно, не существует.

[3] Знаком @ помечены примеры, найденные в художественной литературе или текстах, записанных мной от носителей. Остальные примеры проверены с информантами.

1. Инвентарь клитик

Местоименные энклитики второй позиции существуют во всех лицах и числах для аккузатива, датива, аблатива, аллатива, а в третьем лице также и для инессива[4], кроме того, имеются «наречные» клитики: dɐr, ba, ma, dan, bal и jew. Первые две маркируют фокус, ma имеет значение ‘еще’, dan маркирует передачу чужих слов, bal имеет значение ‘пока’, а jew маркирует итеративность. Порядок, обнаруженный в дигорском[5], совпадает с описанным для иронского: dɐr-ba-ma-bal-dan DAT-ALL-SUPERESS-ACC-ABL, jew может располагаться в любом месте после «наречной» части кластера. При этом показатели фокуса dɐr и ba могут иметь сферу действия на одной составляющей, и в таком случае они помещаются после нее, где бы та ни располагалась (2).

(2)	@ Ma	či-tɐ	kus-tajtɐ	Qɐzlar-i=ba?
	и	что-PL	работать-TR.PST.2PL	Кизляр-INESS=CONTR
	‘А в Кизляре что вы делали?’			

Если падежи местоименных клитик различны, то лицо и число не влияют на их порядок, в том же случае, когда подряд встречаются две клитики в одном падеже, их порядок обусловлен семантикой.

2. Размещение клитик в клаузе

Энклитики располагаются во второй позиции той клаузы, где они порождены (3), однако выбор «второй позиции» зависит от того, какая составляющая оказывается первой в клаузе — например, группа послелога не может разрываться клитиками (1) , и кроме того, в этом выборе возможна некоторая вариативность. Более того, материал, предшествующей клитикам, может не быть составляющей или ее фрагментом (3b), (6a), (6e) и, в таком случае, позиция клитик, строго говоря, ни в каком смысле не является второй. Однако это может происходить лишь в следующих

[4] Их форма совпадает с аблативными клитиками.

[5] У информантов-уроженцев Нового Уруха почти отсутствуют ограничения на порядок местоименных клитик, однако у прочих он совпадает с существующим в иронским.

условиях: цепочка состоит лишь из местоименных клитик, а предшествующий материал представляет собой ровно два слова.

(3a) ka**=ɐj** warz-uj?
кто=3SG.ACC любить-PRS.3SG
‘Кто его любит?’

(3b) ka warzuj**=ɐj**?

(3c) @ fɐ**=jimɐ** kɐs-ɐn
PREV=3SG.ALL видеть-PRS.1PL
‘Ему помогаем.’ (хабитуальное)

(3d) fɐ-kkɐs-ɐn**=imɐ**

(3e) Nɐ=xolodil’nik ku ba-sast-ɐj,
1PL=холодильник когда PREV-ломаться.PST-PST.3SG
wɐd**=nin=ɐj** Soslan qɐbɐr taʁd
тогда=DAT.1PL=ACC.3SG Сослан очень быстро
iš-kod-ta
PREV-делать.PST-TR.PST.3SG
‘Когда сломался наш холодильник, Сослан нам его очень быстро починил.’

Выбор позиции для цепочки клитик будет в деталях описан в докладе, здесь же я коснусь поведения клитик в том случае, когда в начале клаузы стоят сочиненные составляющие.

Одна из возможностей в таком случае — поставить клитику после всех сочиненных составляющих (5b), даже если они оказываются достаточно «тяжелыми» (4):

(4) @ [$_{\text{ConjP}}$ Tɐrs-ɐ, tɐgɐr, fatqɐd-ɐ, tolʒ-ɐ, šibulʒ-ɐ,
бук-NOM явор граб-NOM дуб-NOM ильм-NOM
nɐži ɐma met-wors liʁz bawɐr
сосна и снег-белый гладкий тело
bɐrži-t-ɐn]**=ši** ni-ggɐn-ɐn=dɐr
береза-PL-DAT**=3SG.ABL** PREV-делать-INF2=FOC
nɐ-jjes
NEG-быть.3SG
‘Буку, явору, грабу, дубу, ильму, сосне и березам с гладким белоснежным стволом от этого и не избавиться.’

Кроме того, цепочка клитик может размещаться после сочинительного союза (5a), а наречные клитки — и после первого из конъюнктов (5c). Для местоименных клитик такой возможности нет (5d):

(5a) Soslan ɐma**=dan=in** Rustam dedeng-u-t-ɐ
Сослан и=REP=3SG.DAT Рустам цветок-EP-PL-NOM
ɐrba-las-toncɐ
PREV-нести-TR.PST.3PL
'Говорят, Сослан и Рустам принесли ей цветы.'

(5b) Soslan ɐma Rustam**=dan=in** dedeng-u-t-ɐ ɐrba-las-toncɐ
idem

(5c) Soslan**=dan** ɐma**=jin** Rustam dedeng-u-t-ɐ ɐrba-las-toncɐ
idem

(5d) *Soslan**=in** ɐma Rustam dedeng-u-t-ɐ ɐrba-las-toncɐ
Предп. значение: 'Сослан и Рустам подарили ей цветы.'

Явление «подъема клитик» (clitic climbing) из зависимой клаузы в матричную, засвидетельствованное в некоторых языках, например, в сербском [Bošković 2001], возможно в дигорском, только если зависимая клауза нефинитна и лишена комплементайзера[6]:

(6a) me=mbal [ke koj**=din** kod-ton]
1SG=друг COMPL речь=DAT:2SG делать-TR:PST.1SG
cɐr-uj Peteburg-i
жить-PRS.3SG Петербург-INESS
'Мой друг, о котором я тебе рассказывал, живет в Петербурге.'

(6b) *me=mbal**=din** [ke koj kod-ton] cɐr-uj Peteburg-i

(6c) ?mɐn fɐnduj [ba-vdes-un**=din=ɐj**]
я.gen хотеть-PRS.3SG PREV-показать-INF=DAT:2SG=ACC.3SG

(6d) mɐn**=din=ɐj** fɐnd-uj ba-vdes-un
я.gen=DAT:2SG=ACC.3SG хотеть-PRS.3SG PREV-показать-INF
'Я хочу тебе это показать.'

[6] Во всех имеющихся примерах нефинитные зависимые, и только они, вводятся без комплементайзера.

(6e) mɐn fɐnd-uj**=din=ɐj** ba-vdes-un

При этом клитики могут передвигаться только одновременно:

(7) *mɐn**=din** fɐnduj**=ɐj** ba-vdes-un

3. Трудности существующих теоретических подходов

Поведение клитик в дигорском не предсказывается стандартными подходами к ваккернагелевским клитикам (см. обзоры в [Bošković 2001, Anderson 2005]). Подходы, при которых некоторые из конфигураций, получающихся в узком синтаксисе, отфильтровываются потом на уровне PF, предсказывают, что составляющие, разрываемые клитиками, могут разрываться и другим синтаксическим материалом. Этому противоречат существование тмесиса (3c), а также некоторые другие данные.

Предложенная в работе [Halpern 1995] теория просодической инверсии не предсказывает, во первых, возможности тмесиса, а во-вторых, всего разнообразия возможных положений цепочки клитик. Кроме того, ею не предсказывается контраст в поведении наречных и местоименных клитик при сочинении, (5c, d).

Репрезентационная теория [Anderson 2005] основывается на ранжированнии ограничений, формализующих, во-первых, стремление клитик оказаться в самой левой позиции в клаузе, во-вторых, стремление составляющих (синтаксических и фонологических) не разрываться клитиками, в третьих, невозможность для клитик занять исходную позицию в клаузе. Кроме некоторых внутритеоретических трудностей, эта теория не предсказывает возможности для клитик занимать различные позиции в одной и той же клаузе — а в дигорском такая возможность имеется, см. (3a-d), (5a-c).

При этом, из-за широкого распространения феномена ваккернагелевских клитик в языках мира, хотелось бы найти универсальный теоретический подход к этому явлению.

4. Предлагаемое решение

Клитики-наречия порождаются в верхней позиции в клаузе (в докладе будут представлены аргументы в пользу существования этой позиции), и дальше опускаются в окончательное поло-

жение при помощи инверсии, регулируемой ограничениями в духе [Anderson 2005]. Клитики-местоимения порождаются в глагольной группе и передвигаются вверх. Аргументом в пользу такого анализа является неспособность местоименных клитик оказаться левее сочинительного союза (5d).

При этом то, что местоименные клитики не могут по отдельности подниматься в матричную клаузу (7), интерпретируется как аргумент в пользу того, что они занимают единую позицию в дереве.

Возможность для местоименных клитик занимать третью линейную позицию в клаузе предлагается объяснить тем, что соответствующие пары слов могут (опционально) образовывать просодическую составляющую (следует заметить, что в имеющихся подобных примерах первое слово всегда односложно).

5. Заключение

Выше было представлено описание ранее не изучавшейся системы энклитик, очень близкой к ваккернагелевской. Наблюдаемые факты ставят под сомнение адекватность существующих подходов к ваккернагелевским клитикам. Предлагается объяснять имеющиеся факты при помощи ранжированных ограничений на окончательную линеаризацию структуры, создаваемой узким синтаксисом.

Список условных сокращений

ABL — аблатив; ACC — аккузатив; ALL — аллатив; CONTR — контрастивный фокус; DAT — датив; FOC — фокус; GEN — генитив; INDF — показатель неопределенного местоимения; INESS — инессив; INF — инфинитив; INF2 — второй инфинитив; NOM — номинатив; PREV — преверб; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; SUPERESS — суперэссив; TR — переходное спряжение.

Литература

Абаев В. И. О ритмике осетинской речи // Осетинский язык и фольклор. М—Л., 1949.

Anderson S. R. Aspects of the Theory of Clitics. Oxford—New York, 2005.

Bošković Ž. On the Nature of the Syntax-Phonology Interface: Cliticization and Related Phenomena. Amsterdam, 2001.

Erschler D. On Role of Syntax in Placement of 2P Clitics: A Case Study of Iron Ossetic // Хендаут к докладу на конференции Syntactic Structures 2, M., 2008.

Halpern A. Morphology and placement of clitics. Stanford, 1995.

Часть 2

Л е к ц и и

А. Ю. Русаков

Санкт-Петербург

АЛБАНСКИЙ ЯЗЫК:
ареально-типологический взгляд

Албанский язык до сих пор остается языком, сравнительно мало изученным с типологической точки зрения. Между тем, внимательное рассмотрение албанского материала могло бы быть не только полезно само по себе, но и иметь определенный историко-ареальный интерес.

Действительно, албанский язык демонстрирует как черты, свойственные SAE (Standard Average European) языкам, так и типологические характеристики, сближающие его с языками «центральноевразийской» зоны. Так, с одной стороны, албанский разделяет восемь или девять из двенадцати диагностических признаков, приводимых М. Хаспельматом для SAE языков [Haspelmath 2001], оказываясь, таким образом, в непосредственной близости к ядру этого языкового союза. С другой стороны, такие черты как морфологический способ выражения косвенной эвиденциальности, специфический способ оформления связи между членами именной группы, явления, отчасти параллельные дифференцированному маркированию объекта, сближают албанский с языками Центральной Евразии. Албанскому грамматическому строю свойственны и явления, не поддающиеся однозначной ареальной интерпретации. Сюда относятся, например, экспансия сверхсложных глагольных форм прошедшего времени (характерная, прежде всего, для гегского диалекта) и наличие морфологически выраженного оптатива (не продолжающего непосредственно индоевропейский оптатив). Ряд грамматических черт албанский разделяет с балканскими языками, другие присущи только ему.

В лекции будут проанализированы — с ареально-типологической точки зрения — некоторые явления грамматического строя албанского языка и сделана попытка исторической интерпретации их возникновения.

Литература

Haspelmath M. The European linguistic Area: Standard Average European // M.Haspelmath et al. (eds.). Language Typology and Language Universals. B. 2. Berlin—New York, 2001.

Н. Р. Сумбатова

Москва

ЛИЧНОЕ СОГЛАСОВАНИЕ И ЛИЧНЫЕ ИЕРАРХИИ В НАХСКО-ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКАХ[1]

Категория глагольного лица (личного согласования[2]) в нахско-дагестанских языках является не особенно распространенной и считается сравнительно молодой. В той или иной степени личное согласование присутствует в следующих языках: бацбийском; некоторых диалектах аварского; ахвахском; лакском; даргинском; табасаранском; удинском.

В большинстве этих языков личное согласование развито сравнительно слабо: количество противопоставленных по лицу/числу форм (граммем категории лица/числа) сравнительно невелико; во многих случаях личное согласование подвержено существенным синтаксическим или морфологическим ограничениям — например, наблюдается лишь в меньшинстве видо-временных парадигм.

В приводимой ниже таблице даются некоторые минимальные сведения о личном согласовании в перечисленных языках: устройство личных (лично-числовых) оппозиций; правило контроля личного согласования, вариант личной иерархии (иерархии Сильверстейна), действующий в данном языке и сферы ее проявления.

---

[1] Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 07-04-00266а.

[2] В дальнейшем под личным мы будем понимать и собственно личное и лично-числовое согласование. Кроме того, для целей данной работы несущественно различение собственно согласовательных и так называемых «прономинальных» показателей (единиц, обладающих собственным референтом). Мы будем использовать термин «личное согласование» во всех случаях, когда в языке имеется обязательное выражение лица (лица/числа) аргумента (аргументов) в составе глагола.

Язык	Граммемы лично-числовых оппозиций	Контролер	Личная иерархия	Источник данных
Группа 1				
закатальский диалект аварского	1 ~ проч.	A/S (или A/S_A)	1 ~ проч. (оппозиция; маркирование)	Бокарев 1949; Махмудов 1940; Саидова 1980
ахвахский язык (Дагестан, Ахвахский р-н)	1 ~ проч.	A/S	1 ~ проч. (оппозиция)	Магомедбекова 1967; Кибрик 2003 [1980]
ахвахский язык (с. Ахвах-дере, Азербайджан)	1D/2Q ~ проч.	A/S_A	1D/2Q ~ проч. (оппозиция)	Creissels in print
даргинский язык: мегебский диалект	1D/2Q ~ проч.	A/S	1D/2Q ~ проч. (оппозиция; маркирование)	Магометов 1982
лакский язык (часть временных форм, т.н. «вторая и третья группа времен»)	1 ~ 2 ~ 3 (S) 1 + 2 ~ 3 (P) только 1 (A)	1A > S/P > rest	1 > проч. (оппозиция; маркирование; правило контроля)	Кибрик 2003 [1978]

Группа 2				
даргинский язык: юго-западные диалекты	1SG&PL + 2PL ~ 2SG ~ 3 1 ~ 2 (SG ~ PL) ~ 3	2 > 1 > 3	2 > 1 > 3 (оппозиция; правило контроля)	полевые данные; Sumbatova, Mutalov 2003
табасаранский язык (дюбекский говор)	1SG ~ 2SG ~ 1 + 2 (1INCL) ~ 1PL.EXCL ~ 2PL ~ 3	A/S; допустимо одновременное согласование с другим аргументом (X), если X > A в иерархии 2 > 1 > 3	1, 2 > 3 (маркирование) 2 > 1 > 3 (возможность полиперсонного согласования)	Кибрик, Селезнев 1982
Группа 3				
бацбийский язык	1SG ~ 2SG ~ 1 + 2 (1INCL) ~ 1PL.EXCL ~ 2PL ~ 3	A/S_A	1, 2 > 3 (маркирование; использование активной конструкции; возможность использования личной клитики)	Holisky 1987; Holisky, Gagua 1994; Kojima 2008
даргинский язык: кубачинский диалект	1SG&PL + 2PL ~ 2SG ~ 3 1 ~ 2(SG ~ PL) ~ 3	A/S (если A < P в иерархии 1, 2 > 3, допустим контроль со стороны P)	1, 2 > 3 (маркирование; правило контроля)	Магометов 1963; Магометов 1976

литературный даргинский и некоторые даргинские диалекты	1SG&PL + 2PL ~ 2SG ~ 3 1SG ~ 1PL ~ 2(SG ~ PL) ~ 3 или 1 ~ 2 (SG ~ PL) ~ 3*	1, 2 > 3 (P > A)	1, 2 > 3 (маркирование; правило контроля)	Абдуллаев 1954; van den Berg 1999; 201
даргинский язык: чирагский диалект	1 ~ 2 (SG ~ PL) ~ 3	1, 2 > 3 (A > P)	1, 2 > 3 (маркирование; правило контроля)	Кибрик 2003[1979]
лакский язык (часть временных форм, т.н. «первая группа времен»)	1 + 2 ~ 3	1, 2 > 3 (A > P)	1, 2 > 3 (оппозиция; правило контроля)	Кибрик 2003[1978]
удинский язык	1SG ~ 2SG ~ 1 + 2 (1INCL) ~ 1PL.EXCL ~ 2PL ~ 3	A/S (Exp/Poss для двух узких классов глаголов)	в личном согласовании не проявляется	Harris 2002

*Из перечисленных диалектов — только в аштынском.

Из таблицы видно, что личное согласование в нахско-дагестанских языках довольно разнообразно, причем различаются и типы лично-числовых оппозиций, и правила контроля, и варианты личной иерархии, используемые тем или иным языком. В таблице не отражен тот факт, что категория лица в нахско-дагестанских языках неоднородна также и с точки зрения ее происхождения. В теории грамматикализации принято считать стандартным возникновение показателей личного согласования из личных местоимений (в третьем лице также из указательных), см., например, [Givón 1976: 180; Lehmann 1988, 1995: 39–42]; однако в нахско-дагестанских языках, очевидно, есть и другие источники возникновения глагольного лица (см. ниже).

Все упомянутые различия плохо коррелируют между собой и неоднозначным образом соотносятся с генетическими подгруппами внутри семьи, однако некоторые тенденции все же можно проследить.

1. Первое лицо противопоставляется остальным

В нескольких языках — закатальском и кусурском диалектах аварского языка и ахвахском языке (Ахвахский район Дагестана) — маркирована только форма первого лица (без различия чисел). Еще два языка — мегебский диалект даргинского и ахвахский с. Ахвах-дере — объединяют в одну граммему первое лицо декларатива и второе лицо вопроса.

В большинстве этих языков личное согласование — сравнительно новая категория. По-видимому, образование или развитие этой категории происходит здесь на основании свойства топикальности: в особый класс выделяются и специальным образом оформляются аргументы, для которых наиболее характерна роль топика. Это подлежащее, объединяющее роли S/A-аргумента (иногда также экспериенцера у соответствующих глаголов).

Если сравнивать с этой точки зрения различные лица, то наиболее характерной роль топика является для первого лица, что и отражается в структуре личной парадигмы аварских диалектов и ахвахского языка (Ахвахский р-н). Еще более тонко оформлена тенденция к топикальности в мегебском и ахвахском (с. Ахвах-дере), которые «учитывают» различия с этой точки зрения различных иллокутивных типов высказываний: действительно, если

в декларативах самым типичным топиком является говорящий, то в интеррогативных предложениях роль топика наиболее типична для второго лица.

Если оценить с точки зрения топикальности различные синтаксические позиции, то к роли топика наиболее склонен А-аргумент переходных глаголов (а также экспериенцер у аффективных глаголов), а также — хотя и в меньшей степени — непереходное подлежащее, особенно агентивное. Отсюда, по-видимому, достаточно устойчивая связь между выделенностью первого лица и «эргативным» типом контроля (контролер — A/S или A/S_A), которая наблюдается во всех языках данной группы.

Более сложная картина наблюдается в лакском языке, где количество граммем категории лица может быть разным и зависит как от видо-временной парадигмы, так и от переходности глагола. Во второй и третьей группах времен выделяется первое лицо переходного агенса — группа, для которой доля употреблений в роли топика максимальна. Именно эта группа имеет преимущество при выборе контролера, хотя в целом в лакском преобладает абсолютивный контроль личного согласования.

Таким образом, в данной группе языков наблюдается следующая корреляция:

АГЕНС ~ ТОПИК ~ ПЕРВОЕ ЛИЦО//ПЕРВОЕ ЛИЦО ДЕКЛАРАТИВА&ВТОРОЕ ЛИЦО ИНТЕРРОГАТИВА

В первой группе языков наблюдается также довольно четкая связь между типом личной иерархии, типом контроля и происхождением личных показателей: в аварских диалектах, ахвахском языке и, возможно, в лакском, показатели первого лица восходят к маркерам причастия — глагольной формы, которая наиболее частотна в комбинации с таким топиком. Источником личного согласования в данном случае скорее всего является маркирование определенного типа коммуникативной структуры предложения.

2. Второе лицо противопоставляется остальным

Противоположная ситуация наблюдается в небольшой группе языков, в которых действует иерархия 2 > 1 > 3. Это пре-

имущественно южные диалекты даргинского языка, а также, хотя и с некоторыми оговорками, табасаранский (дюбекский говор).

Особое маркирование второго лица в даргинских диалектах проявляется во множестве фактов: помимо правила контроля, соответствующим образом устроена сама личная парадигма, где только во втором лице существует оппозиция по числу; только во втором лице в некоторых диалектах бывает оппозиция субъектных и объектных окончаний и т.д. В этой группе языков правило контроля полностью основывается на личной иерархии 2 > 1 > 3.

Выделение второго лица связано либо с социальной ориентацией высказывания (вежливость, обращенная на собеседника), либо, что кажется нам более вероятным, с «перформативностью» высказываний — влиянием императивов, стандартным адресатом которых является собеседник, а также близких к ним по иллокутивной силе оптативов.

Источник появления большинства показателей личного согласования в даргинском языке неизвестен, однако личные клитики, используемые в финитных формах индикатива, и личные суффиксы, употребляемые в формах оптатива, формально параллельны:

1SG & PL + 2PL — клитика -da; окончание оптатива -a;
2SG — клитика -di (или -de); окончание оптатива -i (или -e),

так что не исключено их развитие из общего источника или влияние оптативных окончаний на личные клитики.

Табасаранский язык должен быть отнесен сразу к группам 2 и 3. С одной стороны, устройство личной парадигмы и в определенной степени правила согласования противопоставляют локуторы нелокуторам, что напоминает ситуацию в бацбийском (см. ниже). С другой стороны, правило, определяющее допустимость полиперсонного согласования, выделяет второе лицо: дополнительный контроль согласования со стороны пациенса или другого аргумента возможен только в ситуации, когда этот аргумент превышает агенс в иерархии 2 > 1 > 3.

3. Локуторы противопоставляются нелокуторам

Еще одну группу составляют языки, в которых первое и второе лица не ранжированы между собой (по крайней мере в

области личного согласования), но очевидным образом противопоставлены третьему лицу. Именно так обстоит дело в бацбийском языке, в первой группе времен лакского языка и в нескольких диалектах даргинского: кубачинском, чирагском, а также в акушинском и других диалектах. В бацбийском оппозиция 1, 2 ~ 3 опирается на возможность активной модели согласования: в первом и втором лице согласование идет по активному типу, а в третьем — по эргативному. В прочих языках личная иерархия 1, 2 > 3 оказывает влияние на правило контроля.

Вполне иконичным образом во всех рассматриваемых языках наблюдается тенденция к однородному маркированию первого и второго лица. Наиболее чистый случай представлен в лакском, где маркеры первого и второго лица совпадают.

В этой группе языков представлены два основных типа контроля: контроль, при котором локуторы имеют преимущество над нелокуторами (лакский и диалекты даргинского), и контроль со стороны A/S-аргумента. Промежуточная ситуация представлена в кубачинском.

Оставляем без обсуждения вопрос о том, с какими свойствами локуторов может быть связано противопоставление 1, 2 > 3. Возможно, учитывается их склонность к агентивности (этот аргумент верен по крайней мере для бацбийского). Возможно, привязка высказывания к речевой ситуации сама по себе является достаточным основанием для особого маркирования высказывания, одним из ядерных аргументов которого является локутор.

Происхождение большинства личных показателей в лакском и даргинском остается неизвестным. Возможно, это вспомогательные глаголы или клитики, функционирование которых както коррелировало с присутствием локутора в предложении.

Только один язык из нахско-дагестанских языков, имеющих категорию глагольного лица, не демонстрирует очевидных проявлений личной иерархии в области личного согласования. Это удинский язык. Здесь представлена семичленная парадигма согласования (с тремя лицами, двумя числами и противопоставлением инклюзива и эксклюзива), причем все члены парадигмы имеют ненулевые средства выражения. Контролером согласования в большинстве случаев выступает аргумент, который можно считать подлежащим (S/A-аргумент).

Вместе с бацбийским и табасаранским удинский образует небольшую группу языков, в которых все согласовательные маркеры восходят к личным местоимениям. Хотя эти три языка попали в разные подгруппы нашей таблицы, они имеют некоторые общие свойства. Ни один из них не демонстрирует иерархию с преимуществом первого лица над вторым или наоборот (правда, для табасаранского это утверждение верно лишь по отношению к синтаксическому, обязательному спряжению). Во всех этих языках контролером согласования является A/S-аргумент. Поскольку для многих языков нахско-дагестанской семьи отмечена склонность к правой дислокации топика/данного/известного [Testelets 1998; Sumbatova, Mutalov 2003: 160–161], можно предположить, что личные и указательные местоимения часто оказывались в постглагольной логически безударной позиции, что создавало благоприятные условия для развития личного спряжения.

Список условных сокращения

A — агенс переходного глагола; P — пациенс переходного глагола; S — ядерный актант непереходного глагола; S_A — ядерный актант непереходного глагола, обладающий агентивными свойствами; 1, 2, 3 — показатель первого/второго/третьего лица; 1D/2Q — показатель 1 лица декларатива и 2 лица вопроса; PL — множественное число; SG — единственное число.

Литература

Абдуллаев С. Н. Грамматика даргинского языка (фонетика и морфология). Махачкала, 1954.

Бокарев А. А. Синтаксис аварского языка. М. — Л., 1949.

Кибрик А. Е. Материалы к типологии эргативности. Лакский язык // *Кибрик А. Е.* Константы и переменные языка. СПб., 2003 (первое изд. в: Материалы к типологии эргативности. Предварительные публикации Института русского языка АН СССР. Вып. 27. М., 1978).

Кибрик А. Е. Материалы к типологии эргативности. Даргинский язык (чирагский диалект) // *Кибрик А. Е.* Константы и переменные языка. СПб., 2003. (первое изд. в: Материалы к типологии эрга-

тивности. Предварительные публикации Института русского языка АН СССР. Вып. 27. М., 1979).

Кибрик А. Е. Материалы к типологии эргативности. Ахвахский язык // *Кибрик А. Е.* Константы и переменные языка. СПб: Алетейя. 2003. (первое изд. в: Материалы к типологии эргативности. Предварительные публикации Института русского языка АН СССР. Вып. 27. М., 1980).

Кибрик А. Е., Селезнев М. Г. Синтаксис и морфология глагольного согласования в табасаранском языке // Кибрик А. Е. (ред.). Табасаранские этюды. М., 1982.

Магомедбекова З. М. Ахвахский язык: Грамматический анализ, тексты, словарь. Тбилиси, 1967.

Магометов А. А. Кубачинский язык. Тбилиси, 1963.

Магометов А. А. Субъектно-объектное согласование глагола в лакском и даргинском языках. Ежегодник иберийско-кавказского языкознания III. 1976.

Магометов А. А. Мегебский диалект даргинского языка. Тбилиси, 1982.

Махмудов А. Р. Закатальский диалект аварского языка. Дисс… канд. фил. наук. 1940.

Саидова П. А. К спряжению глагола в закатальском диалекте аварского языка // Муркелинский Г. Б. и др. (ред.). Глагол в языках Дагестана. Махачкала, 1980.

van den Berg H. Gender and person agreement in Aqusha Dargi // Folia linguistica, 1999. Vol. XXXIII/1.

van den Berg H. Dargi Folktales. Oral Stories from the Caucasus and an Introduction to Dargi Grammar. Leiden, 2001.

Creissels D. Person variations in Akhvakh verb morphology: functional motivation and emergence from an uncommon pattern // Sprachtypologie und Universalienforschung, 2008 (4) (In print).

Givón T. Topic, pronoun, and grammatical agreement // Li Ch. (ed). Subject and Topic. New York, 1976.

Harris A. Endoclitics and the Origins of Udi Morphosyntax. Oxford, 2002.

Holisky D. A. The case of the intransitive subject in Tsova-Tush (Batsbi) // Dixon, R. M. W. (ed.). Studies in ergativity. Amsterdam, 1987.

Holisky D. A., Gagua R. Tsova-Tush (Batsbi) // Smeets R. (ed.). The Indigenous languages of the Caucasus. Vol. 4: The North-East Caucasian languages. Part 2. Delmar—New York, 1994.

Kojima Yasuhiro. Person agreement and cliticization of personal pronouns in Batsbi // Paper presented at: Morphological Variation and Change in Languages of the Caucasus. Workshop at the 13th International Morphology Meeting, February 2008, Vienna, Austria.

Lehmann Ch. On the function of agreement // Barlow M., Ferguson Ch. A. (eds.). Agreement in Natural Languages. Approaches, Theories, Descriptions. Stanford: 1988.

Lehmann Ch. Thoughts on Grammaticalization. Unterschleissheim, 1982/1995.

Sumbatova N. R., Mutalov R. O. A Grammar of Icari Dargwa. Languages of the Worlds/Materials 92. München, 2003.

Testelets Ya. G. Word order in Dagestanian languages // Siewierska A. (ed.). Word order and constituent structure in some SOV languages of Europe. Berlin—New York, 1998.

А. В. Циммерлинг

Москва

НУЛЕВЫЕ ЛЕКСЕМЫ В СИНТАКСИСЕ: догматика и типология[1]

В лекции рассматриваются проблемы, связанные с введением нулевых синтаксических категорий. Любая объяснительная теория синтаксиса опирается на понятие правильно построенного предложения, а базовым компонентом синтаксической теории служат правила построения (в традиционной грамматике) или правила/принципы порождения (в генеративной грамматике). Теории неполноты носят вспомогательный характер. К их компетенции относятся способы реализации правильно построенных структур и изучение условий, при которых эксплицитная реализация постулированных компонентов необязательна (ср. рус. *Видят: труп румяный и свежий.... = Они видят*), либо затруднена (рус. *Брось пистолет!* ??*Брось ты пистолет*). Ключевыми понятиями теории неполноты служат понятия эллипсиса (ellipsis) или стирания составляющей (deletion) и понятия нулевой синтаксической категории (zero lexeme у И. А. Мельчука, empty category у Н. Хомского).

В естественном языке есть непустое пересечение между явлениями, относимыми к компетенции теории неполноты, и явлениями, относимыми к сфере действия базового компонента синтаксиса, так как не все правила построения верифицируемы. A priori неясно, имеет ли русское предложение в форме повелительного наклонения двусоставную структуру с позицией подлежащего. Сходный вопрос встал перед лингвистами конца XIX в. при описании безличных предложений типа др. исл. rignir, лат. pluit ‘идет дождь’; Г. Пауль признал их двусоставными, что вынудило его постулировать для них нулевое подлежащее. Напротив, Б. Дельбрюк отказался от поисков подлежащего безличной

[1] Статья написана при финансовой поддержке РГНФ, проект 06-04-00203а.

конструкции, поскольку древние индоевропейские языки не позволяли однозначно восстановить в них подлежащную ИГ. Очевидно, что Пауль и Дельбрюк придерживались разных теорий неполноты. Дельбрюк соглашался восстановить эксплицитно невыраженную словоформу лишь там, где наличие позиции, которую она могла занимать, было требованием синтаксической схемы, и где такая позиция не могла замещаться материальным (spelled-out, в современных терминах) элементом. Напротив, Пауль постулировал нулевое подлежащее для глаголов типа др. исл. rignir=3Sg ‘идет дождь’ на основе системной аналогии с глаголами типа flýgr=3Sg ‘X летит’, ср. др. исл. valr=NomSg flýgr=3 Sg ‘сокол летит’: он исходил из того, что все предложения данного языка должны быть описаны одинаково. Чем больше постулатов о свойствах правильно построенных структур содержит теория синтаксиса, тем сильнее она нуждается в критериях неполноты. Неслучайно, что в рамках Теории Управления и Связывания и Минималистской Программы Хомского, где принят постулат об изоморфности всех составляющих, возникла самая подробная на сегодняшний день теория нулевых категорий.

Понятие эллипсиса или «структурной неполноты» сугубо синтаксично, оно применимо лишь к тем сущностям, которые организованы как синтаксическое целое и состоят из синтаксических элементов низшего уровня, т.е. к предложениям и словосочетаниям. Хотя в научной литературе встречаются более обтекаемые определения эллипсиса как «пропуска в речи или тексте подразумеваемой единицы», под это определение едва ли можно подогнать какие-либо «подразумеваемые фонологические и морфологические единицы, восстанавливаемые в речи или тексте». Понятие «нулевого знака» разработано европейскими структуралистами начала XX в. в связи с анализом грамматического значения. Р. О. Якобсон в статье 1939 г. показал, что нулевые словоформы и нулевые лексемы, т.е. элементарные синтаксические знаки, имеющие свое означаемое, но лишенные означающего, могут быть выведены на основе тех же отношений между планом выражения и планом содержания оппозиций сложных синтаксических знаков, что и нулевые морфы и нулевые морфемы. Программа Якобсона была развита И. А. Мельчуком [Мельчук 1995: 169–205], работа которого положительно оценивается Д. Вайсом

[Weiss 1995: 206–210]. В работе И. А. Мельчука наиболее резко выражена тенденция противопоставить нулевые лексемы эллипсису материального знака. Постулировав для предложений типа рус. *Улицу засыпали песком* нулевую лексему 3 л. мн. ч. со значением ‘люди’, И. А. Мельчук не считает «нуль 3 л. мн. ч.» тождественным реальной лексеме *люди*, настаивая на том, что отсутствие материально выраженного подлежащего с генерическим значением дает в русском языке другой эффект, нежели наличие лексем *люди* или *кто-нибудь* [Мельчук 1995: 180, 184, 187]. Данное решение выглядит интуитивно оправданным, но создает трудности. Если синтаксический нуль никогда не бывает полностью синонимичен материальному элементу[2], то критерий выделения нулевых лексем не соответствует данному Ш. Балли определению нулевого знака как такого знака, который имеет «определенное значение и определенную позицию» в синтагме, которую «можно заменить одной или несколькими синтагмами того же вида, где этот [знак] имеет эксплицитную форму». Тем самым попытка Мельчука вывести понятие нулевой лексемы из общесемиотических соображений и игнорировать разницу между нулевыми знаками в синтаксисе и на других уровнях репрезентации, обречена на неудачу. Возможные пути выхода из тупика состоят либо в снятии жесткого противопоставления явлений эллипсиса и нулевого знака, либо в смене критерия выделения нулевых лексем[3].

Понятие нулевых категорий в Теории Управления и Связывания Н. Хомского держится не на постулате о знаковых свойствах синтаксических элементов, но на несовпадении разноуровневых репрезентаций предложения [Chomsky, Lasnik 1993: 518–523]. В стандартной версии данной теории выделяется четыре типа нулевых категорий, различаемых значениями признаков матрицы из двух столбцов [± анафоричность, ± местоимен-

---

[2] Ср.: «zero lexeme may be postulated only if it needs a lexical entry of its own, i.e. if the language has no non-zero lexeme fully synonymous with the hypothetical zero» [Мельчук 1995: 197].

[3] Неясно, можно ли доказать последний тезис в свете того, что операционный критерий выделения нулевых лексем в изложении Мельчука не совпадает с декларированным им подходом к проблеме нулевых означающих [Мельчук 1995: 176–177] .

ность].Один из этих четырех типов — нулевые местоимения (*pro*) [– анафоричность, + местоименность] — обобщает случаи опущения неанафорического подлежащего и частично соответствует нулевым лексемам Мельчука. Синтактика всех четырех типов — нулевых местоимений (*pro*), нулевых подлежащих вставленной предикации (*PRO*) [+ анафоричность, + местоименность], следов ИГ, устраняемых в позиции повторной номинации [+ анафоричность, – местоименность], следов линейного перемещения [– анафоричность, – местоименность] вытекает из их места в структуре. Поэтому мнение И. А. Мельчука [Мельчук 1995: 204] о том, что нулевые категории Хомского лишены собственной синтактики, ошибочно. Нулевое подлежащее вставленной предикации *PRO* контролируется аргументом главного предложения, который приписывает ему свою семантическую роль, а след ИГ — нет [Chomsky, Lasnik 1993: 519], см. различия в интерпретации предложений англ. Your friends$_i$ hoped [PRO$_i$ to finish the meeting happy] ‘Ваши друзья$_i$ надеялись [PRO$_i$ закончить прием удачно]’ *vs.* Your friends seemed [*t* to finish the meeting happy], букв. ‘Ваши друзья казались [*t* закончить прием удачно]’.

Если отбросить инвективы против «синтаксических подставных лиц (syntactic dummies), которые не имеют ни семантического, ни фонологического содержания, и введены только для того, чтобы запускать формальные механизмы автономного синтаксиса» и рассматривать вопрос по существу, то различия между представлением нулевых лексем по Хомскому и по Мельчуку не настолько велики, чтобы отрицать сходство обеих теорий. В обоих случаях нулевые лексемы призваны объяснить неполное соответствие разных уровней репрезентации языка, и это, по-видимому, единственный способ обоснования нулевых сущностей в синтаксисе. Неверно, будто теория синтаксических нулей Мельчука отказывается от уровневого подхода, при котором более глубокий (*n*-й) уровень интерпретирует отношения на *n+1*-м уровне организации языка. В теории Хомского нулевые категории возникают в силу наложения двух формально-синтаксических репрезентаций предложения, а у Мельчука интерпретирующим уровнем для поверхностного синтаксиса оказывается семантика предложения и его ролевая структура. По-существу, нулевые лексемы 3 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. в предложениях типа рус.

Улицу засыпало песком и *Улицу засыпали песком* в теориях Якобсона и Мельчука вводятся потому, что Якобсон и Мельчук признают в них (и справедливо) предикат *засыпать песком* агентивным, а актант *улицу* — пациенсом. Это побуждает их рассматривать пары *Рабочие засыпали улицу песком* → *Улицу засыпали песком* и *Буря засыпала улицу песком* → *Улицу засыпало песком* как своего рода диатезные преобразования и постулировать для вторых членов пар «нулевой Агенс». Тем самым, нулевые лексемы Мельчука являются ролевыми сущностями с приписываемыми им референтными характеристиками, но этот факт замаскирован семиотическими соображениями. С другой, стороны, нулевые категории Хомского — референциально-дейктические сущности без выраженной ролевой семантики, что хомскианцы признают открыто.

При обращении к языковому материалу встают следующие вопросы:

- В каких синтаксических позициях возможны нулевые категории?
- Обязательна ли гипотеза о нулевых категориях? В каких случаях без нее можно обойтись?
- Можно ли вводить в описание одного и того же языка нулевые категории, выдвинутые с позиций разных теорий синтаксиса, например, интегрировать нулевые лексемы Мельчука в Минималистскую Программу Хомского, и, наоборот, ввести нулевые категории Хомского *pro* и *Pro* в модель «Смысл ⇔ Текст» Мельчука?
- Если теория синтаксиса признает более одного вида нулевой категории, как определять их категориальные свойства по отношению друг к другу?

Окончательного ответа на первый вопрос нет, но сегодняшнее состояние знаний позволяет предположить, что он должен решаться по-разному в прикладном и теоретическом синтаксисе. При решении прикладных задач (создание синтаксического процессора, разметка анафорических связей в корпусе текстов и т. п.) может понадобиться введение нулевых категорий самых разных типов. С инженерной точки зрения полезно вводить разные синтаксические нули для случаев эллипсиса, сочинитель-

ного сокращения, для предполагаемых подлежащих инфинитивных, причастных, деепричастных оборотов, для зависимых финитных: отсутствие точных помет только замедлит работу процессора и затруднит пользователю доступ к информации. Однако удобство описания не является достаточным основанием для введения нулевых категорий в теоретическом синтаксисе: здесь надо доказать, что нулевые лексемы имеют ряд общих свойств с некоторыми ненулевыми синтаксическими элементами. Пока что такие доказательства были предложены лишь для выражений двух типов — нулевых подлежащих и нулевых связок (ср. нулевую связку «быть» в наст.вр. изъявит. накл. в русском языке). Гипотетические нулевые дополнения гораздо более эфемерны, так как их признание зависит от наличия структур, где отсутствие материально выраженного дополнения однозначно свидетельствует о том, что позиция дополнения сохраняется, но заполняется нулевой лексемой. Гипотезы о нулевых подлежащих и нулевых связках тоже зависят от формализма (are theory-internal), но наличие позиций подлежащего и связки в языках мира в куда меньшей степени зависит от выбора предиката (переходный/непереходный и т.п.) и его синтактики.

Вопрос об альтернативах нулевым категориям вновь поднят в работе Л. Бэбби [Babby 2002], которая посвящена проблеме введения нулевых подлежащих в структуру безличных предложений. Бэбби отрицает, что позиция подлежащего входит в валентную рамку глагола и что глагол приписывает подлежащему какую-либо семантическую роль (theta-role). Бэбби отрицает также, что все предложения имеют одинаковую структуру и открывают позицию подлежащего; поэтому он не хочет вводить нулевые подлежащие для таких случаев, как рус. *лодку качает* или укр. *Вазу було розбито (вітром)*. Такое решение возвращает нас к гипотезе о неуниверсальности синтаксического членения, провозглашенной еще Дельбрюком. При всей идейности такого подхода его минусом является отказ от вывода односоставных предложений из двусоставных (или наоборот). Если не прибегать к крайне неправдоподобному предположению о том, что продуктивные модели двусоставных и односоставных предложений сосуществуют в одном языке случайно, нужно предложить механизм, который связывает употребления рус. *качать* и укр. *розбить* при

материально выраженном подлежащим в им.п., и при отсутствии такового. Именно это и предлагают теории нулевых подлежащих — от Пауля до Хомского. Это не бесспорное и не единственное решение — можно брать односоставные предложения за исходную точку и добавлять позицию подлежащего за счет особых правил. Но в любом случае отказ выводить одну конструкцию предложения из другой не является хорошей альтернативой гипотезе о нулевом подлежащем. Симптоматично, что Дж. Лавин, исследовавший те же факты, что и Бэбби, вновь ввел синтаксические нули [Lavine 2005]. Альтернативой введению нулей в представление предложений вроде *Вазу було розбито (вітром)* было бы признание элемента *вазу* подлежащим в косв. п. (oblique subject), но эту возможность Лавин отвергает (видимо, справедливо). Гипотеза о подлежащих в косв. п. более оправдана там, где соответствующий элемент не является стандартным дополнением предиката: обычно (хотя и не всегда) это имеет место в тех конструкциях, где проверяемый на подлежащность аргумент является одушевленным, ср. рус. дат.п. при именном предикативе в предложениях вроде *мне было холодно*. В любом случае, если нулевые лексемы и некоторые аргументы в косв.п. имеют те же свойства, что и материально выраженные подлежащие, маркированные стандартным для данного языка способом, их нельзя произвольно соединять их в пределах одного монопредикатного предложения: мы вправе или постулировать для рус. *мне было холодно* нуль в позиции подлежащего, или объявить подлежащим элемент *мне*, но мы не вправе применять эти гипотезы одновременно. Итак, главное доказательство реальности нулевых подлежащих состоит в том, что они исключают некоторые другие типы выражений, которые способны занимать позицию подлежащего в том же языке. Этот подход апробирован нами на материале русской грамматики в работе [Zimmerling 2008], где было выделено несколько типов неканонических русских подлежащих, включая несогласуемое слово *это*.

Третий вопрос решается в зависимости от того, как моделируется теория. Поскольку нулевые лексемы Мельчука реально обосновываются несовпадением разных уровней репрезентации синтаксиса, непреодолимых препятствий для введения их в другие концепции, где используется представление об уровнях (эта-

пах, фазах и т. п.) порождения предложения, в том числе — в Минималистскую грамматику Хомского, нет, что мы пытались показать в работе [Zimmerling 2007]. Отдельные виды нулевых категорий (например, следы и *pro*), возможно, могут быть введены в модель «Смысл ⇔ Текст» без особого вреда для устоев последней. То, что ни то, ни другое до сих пор не сделано, объясняется человеческим фактором, а не конструктивными свойствами нулей.

Четвертый вопрос является самым догматическим и болезненным. Исходная матрица из двух столбцов [± анафоричность, ± местоименность], дающая четыре типа нулевых категорий хомскианцев (*pro*, PRO, след линейного перемещения, след R-выражения), выглядит красиво, но недостаточна для описания материала. Так, таксон *pro* используется для обозначения двух заведомо разных явлений — нулевых личных местоимений и гипотетических аналогов формального подлежащего, ср. дат. *Det* er gott ‘это хорошо’ и исл. ∅-er gott ‘то же’. Таксон PRO используется для обозначения контролируемого элементом главной клаузы подлежащего вставленного оборота с инфинитивом или другой нефинитной формой глагола, но также иногда для обозначения подлежащего зависимой финитной клаузы: между тем такого рода финитные обороты, с точки зрения самой хомскианской доктрины, могут быть как контролируемыми, так и неконтролируемыми, в зависимости от типа предиката. К тому же, сама комбинация черт [+anaphoric, +pronominal], в 1980-е гг. постулированная Хомским для PRO, т.е. подлежащего контролируемого инфинитивного оборота, с точки зрения лингвиста выглядит странно, о чем его последователи решились сказать сейчас. Халльдоур Сигюрдссон пишет в работе 2008 г. о том, что конструкты ‘anaphoric’ и ‘pronominal’ не есть собственно языковые признаки, так как за ними не стоят никакие синтаксические операции (they are not accessible or visible to syntax as objects or units) и они не поддаются семантической интерпретации (get no interpretation at the semantic interface). Сигюрдссон предлагает считать, что PRO — референтная категория местоименного типа, имеющая морфологический падеж и согласовательные признаки (a phi-feature variable with morphological case), см. [Sigurðsson 2008a: 2]. Такая ревизия PRO превращает ее в аналог нулей, опирающихся

на понятие означаемого. Другие хомскианцы, напротив, стремятся свести PRO к рутинной синтаксической операции вычеркивания кореферентных составляющих в матричной и вставленной клаузе: такой подход называется термином ‘movement theory of control’, ср. [Boeckx, Hornstein 2004]. Но movement theory of control, утверждающая, что PRO — просто стертая копия (deleted copy), неспособна объяснить свойства тех конструкций, для которых в свое время был предложен таксон PRO. Кроме того, вызывает вопросы само понятие «копирования», на которое опирается movement theory of control. Это понятие противоречиво и является шагом назад в развитии доктрины Хомского: как нам кажется, речь идет о попытке выдать инженерное решение за теоретический постулат и свести базовое понятие синтаксического перемещения (Movement) к предположительно более простым операциям — присоединению поддеревьев (Merge) и копированию (Copying) с возможностью/невозможностью восстановления копии (Reconstruction).

В заключительной части статьи мы покажем, что некоторые претендующие на всеобщность утверждения о нулевых категориях в действительности мотивированы специфическими свойствами языкового материала. Проще всего показать это для нулей И. А. Мельчука. Напомним, что Мельчук вводит нули в позицию подлежащего в те конструкции, которые в русистике называются неопределенно-личными (1) и безличными (2); он утверждает также, что «нуль мн. ч.» и «нуль ед. ч.» не являются «логическими дополнениями», но имеют разные ролевые свойства, а значит, и разный план содержания.

$\varnothing^{\textbf{people}}$ [[Vf.3.Pl]; + intentional action]	$\varnothing^{\textbf{elements}}$ [[Vf.3.Sg]; – intentional action]
(1) *Улиц-у засыпал-**и** песк-ом* street.Sg.ACC strewed **PL.** sand. SG.INSTR	(2) *Улиц-у засыпал-**о** песк-ом* street.Sg.ACC strewed **Sg.NEUT** sand. SG.INSTR

Такие предложения модель «Смысл ⇔ Текст» считает полными и двусоставными, с нулевыми категориями в позиции подлежащего. Если пойти дальше и поставить вопрос о частеречной принадлежности и морфологии $\varnothing^{\textbf{people}}$ и $\varnothing^{\textbf{elements}}$, их можно признать нулевыми неопределенными местоимениями 3 л. в им. п.

Мельчук обосновывает необходимость введения нулей двумя доводами — синтаксическим и семантический. Синтаксический кажется ясным и не вызывает вопросов: $\varnothing^{\text{people}}$ and $\varnothing^{\text{elements}}$ обладают свойством контролировать и определять по крайней мере три черты — согласование глагола в числе и роде (3Sg.Neut. для $\varnothing^{\text{elements}}$ и 3Pl. для $\varnothing^{\text{people}}$), рефлексивизацию и присоединение деепричастного оборота, ср. (3) и (4).

Контроль рефлексива	Контроль подлежащего деепричастного оборота
(3) *В **своем** доме* $\varnothing^{people}$ *обычно не гад-**ят*** In **REFL** house.LOC usually not make.dirty.3PL	(4) *Пиратскими дисками* $\varnothing^{people}$ *торгу-**ют** в Лужниках, **обеспечивая** всех москвичей.* Illegal.PL.INSTR cd-PL.INSTR sell.3PL in Luzhniki **provide**-GER all Moscovites-PL.ACC

Семантический аргумент Мельчука слабее: если не признать нули, то каждый глагол русского языка в 3 л. придется представить в виде пары {личный глагол, безличный глагол}, например, *тащат* ‘they drag’ надо будет представлять в виде пары {X *тащат*; ЛЮДИ тащат}. Такое описание не столь дико, как может показаться. Для русского языка оно избыточно только потому, что существует лишь небольшое число лексем, закрепленных за безличной конструкцией (ср. *светать*, *вечереть*, *знобить*, *прослабить*, *развезти*, *скрючить*, *взгрустнуться*, *икаться*). Такие глаголы легко снабдить синтаксической пометой в словаре, а «безличные» употребления глаголов вроде *тащить*, (ср. *Его-Acc.* $\varnothing^{elements}$ *протащило по камням*) удобно объявить функцией контекста. Подобный формат описания означает, что в языке есть небольшой класс глаголов вроде ИДЕТ СНЕГ, СВЕТАЕТ, которые никогда не принимают внешне выраженное подлежащее, и большая группа глаголов, которая спорадически может употребляться без подлежащего. В других языках, включая древние славянские [Havránek, 1962; Zubáty 1954] или древние германские [Zimmerling 1992; Циммерлинг 2002], глагольный словарь нельзя поделить на ‘личные’ и ‘безличные’ предикаты, так как позицию подлежащего можно устранить при любом предикате. Такое со-

стояние иногда обнаруживается непосредственно, а иногда восстанавливается из сопоставления разных временных срезов языка. Так, др. рус. пример (5a) из «Слова о Полку Игореве» был уже непонятен переписчику, который исправил его, вставив возвратную частицу *ся:* тем самым, он создал двусоставное предложение с ИГ *гласъ* в позиции внешне выраженного подлежащего в им.п., ср. (5b).

Нет выраженного подлежащего	Выраженное подлежащее в Nom
(5a) ORus. *На Дунаеви Ярославнынъ* ***гласъ***=Acc Sg *слыш**ить*** At Danube Yaroslavna's voice hear-s =3Sg Act. "[**One can hear**] Yaroslavna's **voice** at Danube"	(5b) *На Дунаеви Ярославнынъ* ***гласъ***=Nom Sg *слышить* ***ся***. At Danube Yaroslavna's voice hear-s =3Sg Act **Refl** "Yaroslavna's **voice** can be heard at Danube"

Каждый глагол древнерусского или древнеисландского языка, вопреки Мельчуку, легко представить в виде пары глаголов со значениями вроде др. рус. *слышить* 3Sg {a) '(someone) hears', b) 'they hear', 'one can hear'}. Устраненное подлежащее др. рус. *слышить* является одушевленным, но это лексическая характеристика данного глагола, а не параметр синтаксиса. Для древнерусского можно постулировать единственное нулевое подлежащее $\varnothing^{3Sg}$ со значением 'УСТРАНЕННЫЙ СЕМАНТИЧЕСКИЙ СУБЪЕКТ'. В современном русском языке нулевые местоимения $\varnothing^{people}$ и $\varnothing^{elements}$ имеют роль Агенса, но в других языках, как в древнерусском, возможны и нулевые местоимения с ролью Экспериенцера (Субъекта Состояния) и другими неагентивными ролями. Нужно ли вводить нулевые подлежащие для языков типа древнерусского? Процедура введения нулей в духе модели «Смысл ⇔ Текст» предполагает, что мы берем за основу случай, когда подлежащее выражено внешне, а конструкции с нулевыми местоимениями считаем производными:

(i) $S \rightarrow NP, VP \vee S \rightarrow \varnothing, VP$.

Введем еще один постулат, неформально обсуждавшийся выше:

(ii) На синхронном уровне либо наличие внешне выраженного подлежащего и субъектно-предикатного согласования, либо их

отсутствие должно задаваться как дефолтный случай (default option).

Альтернатива теории нулевых подлежащих с ролевой семантикой известна как теория неконфигурациональности (non-configurationality, non-configurational languages), ср. [Jelinek 1984; Faarlund 1995; Faarlund 2001]. Она слабо формализована: шагом в эту сторону является работа [Zimmerling 2007]. Суть различия в том, что в модели «Смысл ⇔ Текст» и близких ей ревизиях хомскианской доктрины переход от внешне выраженного подлежащего к синтаксическому нулю регулируется контекстно-зависимыми правилами[4], в то время как исходные подлежащные структуры порождаются контекстно-зависимыми правилами. Напротив, если изложить теорию неконфигурациональности строго, удаление внешне выраженного подлежащего из схемы высказывания удобно представить как контекстно-свободную операцию, а добавление подлежащего вводить за счет контекстно-зависимых правил. В [Zimmerling 2007] показано, что в теорию неконфигурациональности можно добавить синтаксические нули: в известных нам случаях речь идет, опять-таки о нулевых подлежащных местоимениях с характеристикой ‘НЕРЕФЕРЕНТНЫЙ/ГЕНЕРИЧЕСКИЙ СУБЪЕКТ’.

И. А. Мельчук утверждает, что нулевые подлежащие можно вводить лишь в том случае, если глагольная форма имеет внешне выраженное согласование. Это требование необязательно даже в рамках модели «Смысл ⇔ Текст». Так, устранение Агенса из схемы предложения характеризуется схожими чертами при гипотетических нулевых подлежащих и при реально выраженных формальных (expletive) подлежащих, ср. датский пример (6):

(6) ***Der*** *blev skiftet ud* ***livligt*** *på begge sider i den 2.halvleg*
‘Обе стороны [т. е., команды] сделали много замен во втором тайме’ (букв. ‘**Там** было заменено **живо** с обеих сторон во втором тайме’).

[4] Или так называемыми мягко контекстно-зависимыми правилами (mildly context-sensitive rules).

Неясно, влияет ли отсутствие согласования на синтаксис данного примера: датский глагол *blev* принимает одну и ту же форму при подлежащем в ед. ч. и мн. ч.[5].

В ряде языков конструкции с гипотетическими нулевыми подлежащими были перестроены за счет добавления формальных слов, (ср. англ. *It, there*, фр. *Il*, нем. *es*, дат. *det, der*), причем последние унаследовали синтаксику нулевых подлежащих [Циммерлинг 2002: 571–600; 634–664]. Поэтому заманчиво трактовать формальные подлежащие как своего рода «материализовавшиеся нули'. Такое допущение возможно для финитных схем с глаголом в 3Sg, активного залога, но примеры с нефинитными формами глагола неоднозначны: конструкции с формальными подлежащими нередко запрещают 'пассивизацию' непереходных глаголов действия (ср. значения 'COME', 'GO', 'DANCE'), но разрешают 'пассивизацию' стативных глаголов (ср. значение 'SEE'). Происхождение этого ограничения неясно, так как те же самым глагольные лексемы ранее допускали безличный пассив с нулевым подлежащим:

	Древнеисландский. {+ Zero Subject, - Expletive Subject}	Датский, шведский, норвежский {- Zero Subject, + Expletive Subject}
Стативные глаголы verbs: «Inactivity»/ «Unergativity»	*Var*=3Sg ***sofit***=Sup *lengi* 'They slept a lot', lit. "[it] was slept"	No. ***Det***=Expl *blev*=3Sg ***sovet***=Sup lenge hver morgon lit. '**It** was **slept** a lot every morning'
Глаголы движения: «Activity»/ «Ergativity»	*Var*=3Sg *til dura* ***gengit***=Sup. Lit. '[it] was gone to the doors' *Var*=3Sg *komit*=Sup *snemma* lit."[It] was come early"	No. ****Det***=Expl *blev*=3Sg ***kommet***=Sup, lit. *"**It** was **come**"; ****Det***=Expl *blev*=3Sg ***fart***=Sup lit. '**It** was **driven**'

[5] Хомскианцы на это могли бы сказать, что речь должна идти не о морфологически маркированном согласовании, а о СОГЛАСОВАНИИ как абстрактно понимаемом синтаксическом признаке. Схема *Der* — Vfin — Sup в датском языке порождает предложения со значением действия, она указывает на том, что устраненный Агенс выражает признак {- GENERIC}, ср. [Циммерлинг, 2002: 646].

Такое распределение показывает, что нулевые и формальные подлежащие могут иметь разные синтаксические свойства даже там, где они связаны отношением генетической преемственности. Поэтому обращение гипотезы о «материализовавшихся нулях» и укоренившуюся практику постулировать «нулевые формальные подлежащие» в позициях, где близкородственные языки используют материально выраженные формальные подлежащие, ср. [Alexiadou, Anagnastoulou 1998], одобрить нельзя.

Следующий вопрос заключается в том, может ли нулевое подлежащее иметь морфологический падеж. Для русских нулевых местоимений $\varnothing^{\textbf{elements}}$ и $\varnothing^{\textbf{people}}$, вводимых с позиции модели «Смысл ⇔ Текст», ответ положительный, для хомскианского (маленького) *pro* — отрицательный. Мы уже видели, что существуют теории (большого) PRO, где данной категории приписывается падеж, причем не абстрактный, а морфологический [Sigurðsson 1991; Sigurðsson 2008a]. Падежный статус нулей Мельчука можно проверять на материале тех языков, где предполагаемое подлежащее может стоять в разных падежам. Так, в древнеисландском языке наряду со стандартной номинативной конструкции предложения с согласуемым глаголом есть три малых конструкции предложения с ненулевым подлежащим: a) **аффективная** sконструкция с безличных глаголом и подлежащим в дат.п/вин.п., b) **стативная** конструкция с подлежащим в дат.п. и неглагольным предикативом, c) **квази-поссессивная** sконструкция с подлежащим в косв.п и дополнением в им.п.. Анализ показывает, что внешне выраженное подлежащее можно устранить в трех из четырех конструкций предложения (кроме квази-поссессивной). Лексическое значение предиката не меняется, устранение внешне выраженного семантического субъекта/подлежащего сигнализуерт смену референциального статуса с '+REFERENTIAL' на '-REFERENTIAL' feature: ср. др. исл.. *Mik*=Acc grun**ar**=3Sg 'я подозреваю', букв. '*меня* подозревае-**т**' ⇒ ∅-grun**ar** =3Sg 'Есть подозрение', букв. '∅-подозревае-**т**'. Можно ввести несколько нулей и приписать им признаки «дат. п.», «вин. п.», «им. п.». Но такое описание избыточно, так как устранение подлежащего не зависит от падежной маркировки. Поэтому единственного нулевого местоимения $\varnothing^{\textbf{3Sg}}$ с интерпретацией «нереферентный семантический субъект» [Циммерлинг 2002: 573] достаточно. Современный исландский язык

демонстрирует противоположную ситуацию: полезно ввести два разных нуля в два связанных между собой типа дативных схем, так как их ролевая семантика различна:

"**Эргатив**": Неконтролируемй Агенс, {-CONTROL}	"**Дативный пассив**": {± CONTROL}
Bátnum=DatSg $\varnothing^{1}$-*hvolfdi*=3SgPret "**the boat** turned over", lit.“to-the-boat overturned”	***Bátnum***=DatSg $\varnothing^{2}$-var=3SgPret *hvolft*=Sup lit. "**to-the-boat** was overturned"
****Bátnum***=DatSg $\varnothing^{1}$-*hvolfdi*=3SgPret ***viljandi*** *"**the boat** was overturned by **purpose**"	***Bátnum***=DatSg $\varnothing^{2}$-*var hvolft*=Sup ***viljandi***, lit. "the **boat** was overturned **by purpose**"[6]

Последний раздел в нашей статье посвящен возможности одновременного выделения нескольких местоименных нулей, часть которых имеет выраженные ролевые свойства, а часть нет. Считается, что скандинавские языки делятся на два класса по т.н. параметру Нулевого Подлежащего (Null Subject): исландский и фарерский, где Согласование и Падеж являются сильными в терминах Минималистской Грамматики, лишены внешне выраженных формальных подлежащих, в то время как датский, норвежский и шведский, имеющие такие подлежащие, предположительно имеют слабое Согласование и Падеж [Holmberg, Platzack 1995]. Древнеисландский, древненорвежский и прочие древнескандинавские языки являются стандартными языками *pro-drop* с нетривиальной чертой: в них нет словарного контраста ‘личных’ предикатов, требующих номинативного подлежащего (=Spec of agreeing TP) и ‘безличных’ предикатов, требующих косвенных подлежащих (=Spec of non-agreeing TP) или формальных слов в роли подлежащего. Наилучший способ описать такую ситуацию — считать, что схемы с внешне выраженным подлежащим и без

[6] В русском то различие, которое современный исландский выражает противопоставлением глагольных и причастных конструкций, выражается двумя глагольными конструкциями с разными типами нулевых субъектов, ср. неграмматичный пример **лодку* $\varnothing^{\text{elements}}$ *–опрокинуло умышленно* с грамматичным примером *лодку* $\varnothing^{\text{people}}$ *-опрокинули умышленно*.

него имеют тот же набор позиций и ввести синтаксические нули для производных схем. В таком случае можно объяснить, почему в этих языках формальные и тавтологические подлежащие запрещены даже при метеорологических глаголов: примеров вроде *‘IT IS DAWNING’ или *‘THE DAWN IS DAWNING’ нет. Тем самым, отсутствие формальных подлежащих есть следствие более общего ограничения, которое мы предложили назвать Overtness Constraint:

(iii) In базовой номинативной конструкции предложения позиция подлежащего должна заполняться ненулевой формой в именительном падеже. В производной конструкции предложения позиция предложения должна заполняться нулевой лексемой и не может заполняться каким-либо внешне выраженным синтаксическим элементом. Каждый предикат может использоваться в обеих конструкциях без сдвига лексического значения.

Современный датский, шведский и норвежский являются стандартными языками *pro-drop* с формальными подлежащими, обязательными в ряде конструкций [Vikner 1995]. Нулевые подлежащие в этих языках невозможны. Современный исландский и фарерский могут быть названы языками *semi-pro-drop*: формальные подлежащие существуют, но нигде не обязательны. Предикатов, которые требовали бы формальные подлежащие во всех конфигурациях, в этих языках, видимо, нет. Формальные неодушевленные местоимения в ср. р. ед. ч. (исл. *það*, фар. *tað*) можно объяснять не как подлежащие, а как своего рода формальные темы, так как они, в основном, употребляются в предглагольной позиции и опускаются в постпозиции глаголу. Но этот шаг все равно не помогает объяснить, почему исландский и фарерский разрешают вставку *það/tað*, в то время как древние скандинавские языки запрещали аналогичную операцию. Дополнительную сложность составляет тот факт, что вставка *það/tað* возможна лишь в одном классе исландских и фарерских предикатов. Можно вставить *tað* перед фар. глаголом *ganga,* ср. *Vit byrjuðu hesa greinina við at siga,* [$_{CP}$ *at* ***tað****-Expl* *gongur-3Sg upp og niður í fiskivinnuni-DatPrepSg*] «Мы начали эту статью с утверждения о том, что в рыболовстве дела идут то лучше, то хуже», букв. «**это** идет вверх и вниз», и опустить его после глагола, ср. фар. *Í fiskivinnuni-DatPrepSg ∅-gongur-3Sg ___ altíð upp og niður*,

но другие глаголы вообще не сочетаются с *tað*. Вставка исл. *það* запрещена при таких глаголах как исл. *lægia* ‘сходить на нет’ или *slota* ‘успокаиваться’. Ср. исл. *vindinn-AccSg ∅-lægir-3Sg* "ветер стихает", но не ***það-Expl lægir vindinn*; исл. *veðrinu-DatSg ∅-slotaði-3Sg*, но не ***það-Expl slotaði veðrinu***. Значение роде ‘Пациенту хуже’ можно выразить по-исландски как в схеме с *það*, ср ***það-***Expl dregur-3Sg stöðugt af sjúklingunum-Dat.Prep. букв. ‘***Это*** тащит постоянно из больного’ , так и в схеме, запрещающей вставку *það*, ср. sjúklingunum–Dat.Sg. ∅-hrakar-3Sg, букв. ‘больному худшает’. Нельзя лишь произвольно варьировать эти схемы при одном и том же предикате.

Общий вывод из этого частного материала состоит в том, что применять теорию «материализовшихся нулей» и трактовать гипотетические нулевые подлежащие при глаголах типа *hraka* как коррелят внешне выраженного формального слова вроде *það* нельзя. Если мы применим один общий таксон для случаев опущения *það/tað* в классе глаголов типа *draga* и для случаев, где *það/tað* вообще нельзя вставить (ср. глаголы типа *hraka* type), мы проигнорируем разницу между двумя совершенно разными классами предикатов и синтаксическими схемами: пойти на это может лишь тот, кто верит в то, что таксоны Хомского обладают большей реальностью, чем классы предикатов и синтаксические схемы. Неприятный для теории факт состоит в том, что исландский и фарерский язык в разных классах предикатов используют оба вида гипотетических нулевых категорий — и хомскианское *pro,* и нулевые лексемы в смысле Мельчука. Парадоксальным образом, эти языки смогли лексикализовать употребление нулевого подлежащего $\varnothing^{3Sg}$ в классе *hraka*: при ближайшем рассмотрении оказывается, что этот класс семантически задан и включает только глаголы действия и процесса, но не глаголы других групп. Тем самым, нулевое подлежащное местоимение $\varnothing^{3Sg}$ отлично от *pro* и имеет следующие ролевые и референтные характеристики: {+Агенс; -Референтность; -Одушевленность}. Класс *draga* является открытым, поэтому употребление *pro* в исландском и фарерском не обусловлено выражением какой-либо ролевой семантики.

Завершая статью, мы хотели бы напомнить о том, что теория нулевых синтаксических категорий находится на стыке спе-

кулятивных концепций общей грамматики и инженерных решений, возникающих в связи с построением лингвистического процессора и разметкой синтаксических связей в тексте. Единственный способ проверить реальность нулевых категорий в синтаксисе состоит в обращении к синтаксической типологии. При этом данные языков мира должны использоваться не только для обоснования преимуществ той или иной доктрины, но и для совершенствования данных доктрин и для уточнения инвентаря нулевых категорий. Враждебная позиция отдельных лингвистов по отношению к нулям в синтаксисе объясняется тем, что этим понятием легко злоупотреблять. Продуктивна та критика, которая в полном объеме решает все проблемы, ради которых вводятся те или иные синтаксические нули. На сегодняшний день полной альтернативы теории нулевых категорий нет, хотя в частном случае можно избежать введения нулевых подлежащих, поменяв исходные посылки исследования.

Литература

Мельчук И. А. Русский язык в модели «Смысл ⇔ Текст». (Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 39). Москва — Вена, 1995.

Циммерлинг А. В. Типологический синтаксис скандинавских языков. М., 2002.

Alexiadou A., Anagnastopoulou, E. Parametrizing AGR: Word Order, V-movement and EPP-checking // Natural Language and Linguistic Theory, 1998. Vol. 16.

Babby L. Subjectlessness, External Subcaterization, and the Projection Principle // Journal of Slavic Linguistics, 2002. Vol. 10.

Boeckx C., Hornstein, N. Movement under Control // Linguistic Inquiry, 2004. Vol. 34.

Chomsky N., Lasnik H. Syntax in generativen Grammatik // Jacobs J., von Stechow A., Stermfeld W., Venneman T., (eds). Syntax: An International Handbook of Contemporary Research. Berlin—New York, 1993..

Falk C. Non-referential subjects in the history of Swedish. Lund, 1993.

Faarlund J. T. Funksjonell og formell forklaring i historisk syntaks // Sproghistorie i 90'erne / redigeret af Bente Holmberg. København, 1995.

Faarlund J. T. The Notion of Oblique Subject and its Status in the History of Icelandic // Faarlund J. T. (ed). Grammatical Relations in Change. Amsterdam, 2001.

Havránek B. K historicko-srovnávacímu poznání syntaxe slovanských jazyků // Otázky slovanské syntaxe I. Praha, 1962.

Holmberg A., Platzack C. The Role of Inflection in Scandinavian Syntax. Oxford—New York, 1995.

Jelinek E. Empty categories, case, and configurationality // Natural Language and Linguistic Theory, 1984. Vol. 2.

Lavine J. The morphosyntax of Polish and Ukrainian -no/-to // Journal of Slavic Linguistics, 2005. Vol. 13.

Mel'čuk I. Syntactic, or Lexical Zero in Natural Language // Proceedings of the Berkeley Linguistic Society. Berkeley, 1979.

Maling J., Zaenen, A. (eds). Modern Icelandic Syntax. Syntax and Semantics, Vol. 24. New York, 1990.

Sigurðsson H. Á. Icelandic Case-Marked PRO and the Licensing of Lexical Arguments // Natural Language and Linguistic Theory, 1991. Vol. 9.

Sigurðsson H. Á. Conditions on argument drop. Ms., Lund University, 2008.

Sigurðsson H. Á. The Case of PRO // Natural Language and Linguistic Theory, 2008a (in print).

Vikner S. Verb Movement and Expletive Subjects in the Germanic Languages // Oxford Studies in Comparative Syntax. New York—Oxford, 1995.

Weiss D. Remarks on Chapter 7. Syntactic, or Lexical Zero // Мельчук 1995.

Zimmerling A. Die unpersönlichen Satzmodelle in der altisländischen Sprache // Popowa L. (hrsg). Texte und Untersuchungen zur Germanistik und Skandinavistik, Bd. 30, Frankfurt am Main—Berlin—Bern—Paris—New York, 1992.

Zimmerling A. Zero Lexemes and Derived Sentence Patterns. Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 69. Wien—München, 2007.

Zimmerling A. Dative Subjects and Semi-Expletive Pronouns in Russian // Junghanns U., Szucsic L., Zybatow G. (eds). Proceedings of the Formal Description of Slavic Languages (FDSL 7). Frankfurt am Main, 2008 (in print).

Zubáty J. Studie a články, II. Praha, 1954.

СОДЕРЖАНИЕ

I. Доклады

Е. А. Аверьянова (Санкт-Петербург)
Реализация просьбы в русском, английском,
французском и албанском языках: сравнительный анализ.....9

П. М. Аркадьев (Москва), Д. В. Герасимов (Санкт-Петербург)
Аспектуально-таксисные формы с префиксом *zere-*
в адыгейском языке: парадоксы референции и уроки
для аспектуальной композиции.....12

А. А. Байдимирова (Санкт-Петербург)
Особенности отражения грамматикализации пассива в житии
Александра Свирского по списку второй половины XVI века:
к постановке проблемы.....21

В. В. Баранова (Санкт-Петербург)
Семантика аналитических конструкций в калмыцком языке
(имперфективная зона).....26

В. С. Волк, Ю. К. Коган (Москва)
Сколько-местоимения и (бес)конечность языка.....30

А. П. Выдрин (Санкт-Петербург)
Грамматические способы выражения внутренней
и внешней возможности в осетинском языке.....34

А. В. Выдрина (Санкт-Петербург)
Пассивизация непереходных глаголов в калмыцком языке.....43

Ю. Е. Галямина (Москва)
Возможны ли падежи в языке с вершинным маркированием.....50

Д. С. Ганенков, Ю. В. Мазурова (Москва)
База данных по пространственным системам языков
Северного Кавказа.....55

Д. В. Герасимов (Санкт-Петербург)
О рефактивном показателе -je(v)y- в парагвайском гуарани.....58

N. Dundua (Tbilisi)
CVV, CVCC AND CCC complexes in modern Persian.....66

Н. М. Заика (Санкт-Петербург)
Агглютинация и флективность в баскском языке и связанные
с ними проблемы глоссирования полиперсональных форм.....70

В. А. Иванов, Е. В. Федько (Москва)
Контроль рефлексивного местоимения в русских конструкциях
с агентивным дополнением.....78

Е. В. Кашкин (Москва)
Особенности употребления посессивных показателей
в ижемском диалекте коми-зырянского языка.....81

М. Ю. Князев (Санкт-Петербург)
Особенности дистрибуции *то* + *чтобы*-клауз
в контексте матричных глаголов русского языка.....85

М. Б. Коношенко (Санкт-Петербург)
Референциальный статус имени в северном
и центральном диалектах гвинейского кпелле.....92

К. А. Крапивина (Санкт-Петербург)
Причастия на *-sən* и *-xə* в роли сказуемого относительного
оборота в калмыцком языке.....98

Н. В. Кузнецова (Санкт-Петербург — Тарту)
Сравнительно-типологический анализ фонологических систем
сойкинского и нижнелужского диалектов ижорского языка.....104

О. В. Кузнецова (Санкт-Петербург)
Относительные предложения в гуро... 111

А. Б. Летучий (Москва)
Классы глаголов в адыгейском языке.....117

Д. Ф. Мищенко (Санкт-Петербург)
Деепричастные формы с показателями *-dh и -ad*
в калмыцком языке.....125

Т. В. Никитина (Санкт-Петербург — Стэнфорд)
Дополнения исходного и конечного пунктов движения:
к типологии «расщепленных» систем кодирования.....130

М. А. Овсянникова (Санкт-Петербург)
Отглагольные предлоги русского языка в свете
теории грамматикализации.....135

С. А. Оскольская (Санкт-Петербург)
Способы выражения множественности участников
в калмыцком языке.....140

Е. А. Пшехотская, Ф. И. Дудчук (Москва)
Синтаксис и семантика русских аппликативов.....146

Ю. А. Самойлова (Санкт-Петербург)
Разница трактовок и отношения лингвистов
к мультимодальным сочетаниям.....156

Е. В. Сергеева, Е. Ю. Хрисонопуло (Выборг, Санкт-Петербург)
Дискурсивные функции служебных предикатов
в составе конструкций прошедшего времени
в современном английском языке.....162

Н. В. Сердобольская (Москва)
Аккузатив субъекта при причастии в калмыцком языке:
аргументы за и против подъема аргумента.....167

М. Н. Строева (Москва)
Семантика «конкретных» падежей в уральских языках.....174

М. А. Холодилова (Санкт-Петербург)
Конструкция, допускающая внешний посессор, в калмыцком языке...181

В. Л. Цуканова (Москва)
Базовый порядок слов и топикализация в арабском языке.....189

А. С. Шаврыгина (Москва)
Порядок следования главного и придаточного
в обстоятельственных предложениях
с *перед тем как* и *после того как* 194

М. С. Шматова (Москва)
Особенности употребления местоимения с основой *as-* (*ač-*, *as'*)
в ижемском диалекте коми-зырянского языка.....198

Д. А. Эршлер (Москва)
(Почти) ваккернагелевские клитики в дигорском осетинском.....203

II. Лекции

А. Ю. Русаков (Санкт-Петербург)
Албанский язык: ареально-типологический взгляд.....213

Н. Р. Сумбатова (Москва)
Личное согласование и личные иерархии
в нахско-дагестанских языках.....215

А. В. Циммерлинг (Москва)
Нулевые лексемы в синтаксисе: догматика и типология.....226

TABLE OF CONTENTS

I. Plenary talks

E. A. Averyanova (St. Petersburg)
Execution of request in Russian, English, French, and Albanian:
a comparative analysis.....9

P. M. Arkadiev (Moscow), D. V. Gerasimov (St. Petersburg)
Aspectual and taxis forms marked with the *zere-* prefix
in Adyghe: Paradoxes of reference and consequences
for aspectual composition.....12

A. A. Baydimirova (St. Petersburg)
Grammaticalization of passive construction as reflected
in the Life of St. Alexander of Svir (codex of the
2nd half of the XVIth century): Defining the problem.....21

V. V. Baranova (St. Petersburg)
Semantics of analytical constructions in Kalmyk
(the domain of imperfective).....26

V. S. Volk, Yu. K. Kogan (Moscow)
Skol'ko-pronouns and the (in)finite character of language.....30

A. P. Vydrin (St. Petersburg)
Grammatical means of expression of internal and external possibility
in Ossetic.....34

A. V. Vydrina (St. Petersburg)
Passivization of intransitive verbs in Kalmyk.....43

Yu. E. Galyamina (Moscow)
Can a head-marking language have cases?.....50

D. S. Ganenkov, Yu. V. Mazurova (Moscow)
The database of spatial systems in the languages of North Caucasus.....55

D. V. Gerasimov (St. Petersburg)
The refactive marker -je(v)y- in Paraguayan Guaraní.....58

N. Dundua (Tbilisi)
CVV, CVCC and CCC complexes in modern Persian.....66

N. M. Zaika (St. Petersburg)
Agglutionation and fusion in Basque and concerned problems
of glossing polypersonal verb forms.....70

V. A. Ivanov, E. V. Fed'ko (Moscow)
Control of reflexives in Russian constructions involving
agentive oblique object.....78

E. V. Kashkin (Moscow)
Peculiarities of use of possessive marking
in the Izhem dialect of Komi-Zyrian.....81

M. Yu. Knyazev (St. Petersburg)
Peculiarities of distribution of *to* + *chtoby*-clauses
with respect to complement-taking predicates in Russian.....85

M. B. Konoshenko (St. Petersburg)
Referential status of nouns in Northern (Gbali)
and Central dialects of Guinea Kpelle.....92

K. A. Krapivina (St. Petersburg)
Participles marked with *-sən* и *-xə* as heads of relative clauses
in Kalmyk.....98

N. V. Kuznetsova (St. Petersburg — Tartu)
Comparative-typological analysis of phonological systems
of Soykino and Lower Luga dialects of Ingrian.....104

O. V. Kuznetsova (St. Petersburg)
Relative clauses in Guro.....111

A. B. Letuchiy (Moscow)
Verb classes in Adyghe.....117

D. F. Mischenko (St. Petersburg)
Converbs with suffixes *-dh u -ad* in Kalmyk.....125

T. V. Nikitina (St. Petersburg — Stanford)
Source/Goal arguments: Towards the typology
of "split" encoding systems.....130

M. A. Ovsyannikova (St. Petersburg)
Russian deverbal prepositions in the light of grammaticalization theory.....135

S. A. Oskolskaya (St. Petersburg)
Ways of expressing plurality of participants in Kalmyk.....140

E. A. Pshekhotskaya, Ph. I. Dudchuk (Moscow)
Syntax and semantics of Russian applicative constructions.....146

Yu. A. Samoilova (St. Petersburg)
Differences in approaches to multiple modal constructions.....156

E. V. Sergeeva, E. Yu. Khrisonopulo (Vyborg, St. Petersburg)
Discourse functions of auxiliaries in past tense constructions
of modern English.....162

N. V. Serdobolskaya (Moscow)
Accusative subjects in Kalmyk participial constructions:
Arguments pro et contra the Subject-to-Object Raising analysis.....167

M. N. Stroeva (Moscow)
Semantics of concrete cases in Uralic languages.....174

M. A. Kholodilova (St. Petersburg)
The Kolmyk construction allowing for external possessor.....181

V. L. Tsukanova (Moscow)
Basic word order and topicalization in Arabic.....189

A. S. Shavrygina (Moscow)
The ordering distribution of main and adverbial clauses
in Russian constructions with *pered tem kak* and *posle togo kak*.....194

M. S. Shmatova (Moscow)
Peculiarities of use of the pronoun
as- (*ač-, as'*) in the Izhem dialect of Komi-Zyrian.....198

D. A. Erschler (Moscow)
(Almost) Wackernagel clitics in Digor Ossetic.....203

II. Lectures

A. Yu. Rusakov (St. Petersburg)
Albanian: An areal-typological perspective.....213

N. R. Sumbatova (Moscow)
Person agreement and deictic hierarchies
in Nakh-Daghestanian.....215

A. V. Zimmerling (Moscow)
Null lexemes in syntax: Dogmatics and typology.....226

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA
ТРУДЫ ИНСТИТУТА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
Том IV, часть 2

Исследования по грамматике и типологии

Материалы Пятой Конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей (6–8 ноября 2008 г.)

Подписано к печати 15.10.2008
Формат 60×90 1/16
Тираж 300 экз.

Санкт-Петербургская издательская фирма «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1
main@nauka.nw.ru

Печатается с оригинал-макета, изготовленного в ИЛИ РАН

Отпечатано в типографии «Нестор — История»
СПб., ул. Розенштейна, д. 21
тел./факс: (812)622-01-23
e-mail: manager_nestor@list.ru

ISBN 978-5-02-025280-6

9 785020 252806